

907.6 (II)
Д 73

ДРЕВНИЕ
ПРОМЫСЛЫ
РЕМЕСЛО И
ТОРГОВЛЯ
В
ДАГЕСТАНЕ

МАХАЧКАЛА 1984

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ им. Г. ЦАДАСЫ

902.6(1)
173

ДРЕВНИЕ ПРОМЫСЛЫ, РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ В ДАГЕСТАНЕ

Сборник статей

Махачкала — 1984

Ответственный редактор

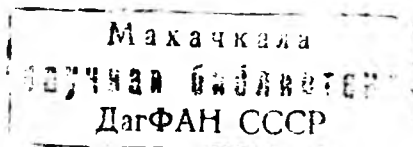
М. М. Маммаев

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

117869

К ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНИХ ПРОИЗВОДСТВ В ДАГЕСТАНЕ

(Предисловие)

Настоящий сборник посвящен вопросам изучения в Дагестане некоторых отраслей производства: металлургии и металлообработки, гончарного дела и других, которые, несмотря на то, что они в целом находились вне сферы непосредственного производства продуктов питания, занимали исключительно большое место в хозяйственной деятельности древних и приобретали все большее значение по мере развития общества. Хорошо известно, что металлопроизводство, гончарное дело и другие производства довольно рано переросли из домашних промыслов в самостоятельные отрасли экономики, удовлетворявшие первоначально потребности общины, а со временем, отделившись от земледелия, превратились в специализированные ремесла. Оценивая значение этого явления, Ф. Энгельс писал: «...В ткачестве, в обработке металлов и в других ремеслах, все более и более обособлявшихся друг от друга, во все возрастающей степени увеличивалось разнообразие и совершенствовалось мастерство производства;... Столь разнообразная деятельность не могла уже выполняться одним и тем же лицом; произошло *второе крупное разделение труда*: ремесло отделилось от земледелия. ...С разделением производства на две крупные основные отрасли, земледелие и ремесло, возникает производство непосредственно для обмена,— товарное производство, а вместе с ним и торговля,...»¹. Эти положения являются методологической основой комплексного изучения древних промыслов, ремесел и торговли.

Следует отметить также, что степень развития ремесла и торговли является одним из важнейших показателей уровня развития производительных сил и соответственно достигнутого общественного прогресса в целом. Поэтому не случайно, что вопросы изучения древних промыслов, ремесел и обмена находятся в центре внимания советских археологов. Немало в этом плане сделано и в археологии Дагестана. Так, например, изучение многочисленных материалов, накопленных в результате археологических исследований позволило выделить на Северо-Восточном Кавказе местный очаг древней металлообработки, функционировавший на всем протяжении бронзового века. В дальнейшем в средневековую эпоху металлообрабатывающее производство в Дагестане превратилось в многоотраслевое ремесло с ярко выраженными локальными центрами. Не менее ярким представляется прогресс и в развитии керамического производства, которое, так же как и металлопроизводство, еще в эпоху ранней бронзы (III тыс. до н. э.) стало самостоятельной отраслью производства, обеспечивавшей своей продукцией целые общины. Начиная с албанского времени, оно превращается в ремесло, производившее уже товарную продукцию, а в средневековую

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 21, с. 163.

эпоху в Дагестане сложился ряд ярко выраженных центров гончарного ремесла с различными производственными и художественно-декоративными традициями.

В результате интенсивных археологических исследований, проводимых в Дагестане, в научный оборот вводятся все новые и новые материалы, характеризующие древние производства Северо-Восточного Кавказа и требующие специального углубленного их изучения. Настоящий сборник является вторым из серии специальных изданий, посвященных изучению древних производств Дагестана². Он посвящен изучению в основном металлопроизводства и керамики. В статьях сборника главное внимание уделяется не столько вопросам, связанным с организацией ремесла, установлением степени профессионализма мастеров, сколько с типологической и в меньшей степени, с технологической характеристикой самой продукции древних производств, ее анализом, историко-культурным ее осмыслением и т. п.

Сборник открывается статьей М. Г. Гаджиева и С. Н. Кореневско-го, посвященной типологической характеристике и анализу состава металла уникальной коллекции из почти полутора тысяч бронзовых и серебряных предметов, обнаруженной в одной из катакомб бронзового века у сел. Великент Дербентского района. В коллекции имеется серия предметов, не имеющих прямых аналогов ни среди известных к настоящему времени материалов эпохи бронзы Дагестана, ни вообще на Кавказе. Отличается и состав медных сплавов, из которых изготовлены эти предметы. Все это является показателем существования на Северо-Восточном Кавказе на рубеже III—II тыс. до н. э. еще одного неизвестного ранее своеобразного локального центра металлообработки.

В статье В. М. Котович «К вопросу о древних разработках сидеритовых руд в горном Дагестане» ставится вопрос о возможных путях первоначального знакомства людей с железом. Касаясь предьстории раннего возникновения железоделательного производства на Северо-Восточном Кавказе, автор считает, что знакомство местного населения с металлургическим железом могло произойти при разработке сидеритовых руд, т. е. при костровом обжиге оболочек сферосидеритов для получения минеральной краски — охры, практиковавшемся здесь с каменного века. Наличие залежей сидеритовых руд явилось также одной из предпосылок широкого распространения в Дагестане искусства рисованных краской наскальных изображений.

Известно, что средневековый Дербент являлся одним из крупнейших торгово-ремесленных центров на Кавказе. Однако сведения письменных источников не достаточно полно характеризуют эту сферу производственной деятельности городского населения. Многочисленные археологические материалы, полученные в результате раскопок Дербента, позволяют заполнить пробелы в наших знаниях о средневековых городских ремеслах. В сборнике публикуется статья А. А. Кудрявцева, посвященная металлообрабатывающему производству средневекового Дербента. Приводимые в ней обширные сведения о найденных при раскопках многочисленных металлических изделиях, отходах производства

² См.: Керамика древнего и средневекового Дагестана. Мачачкала, 1981.

и, что особенно важно, остатках производственных комплексов разнообразных металлообрабатывающих мастерских не оставляют сомнений в главном выводе статьи, что Дербент в VI—XIII вв. являлся одним из крупнейших центров металлообработки на Кавказе.

Характеристике другой важнейшей отрасли ремесленного производства населения Дагестана — гончарного дела — посвящена вторая группа статей сборника. Так, в статье М. С. Гаджиева «Столовая керамика Южного Дагестана рубежа албанского и раннесредневекового времени» дается анализ керамических комплексов из Дербента и ряда других памятников Южного Дагестана. На основе тщательного изучения типологии керамики и ее положения в стратиграфической колонке культурных напластований Дербента автор уточняет классификацию и хронологию столовой посуды Южного Дагестана в III—V вв. н. э., выявляет локальные особенности и уровень развития керамического производства, характеризует по нему направления культурных связей Южного Дагестана с сопредельными областями Восточного Кавказа, показывает влияние на развитие этого вида производства Переднего Востока, в частности традиций гончарного производства Сасанидского Ирана.

Наиболее массовым материалом, встречающимся в процессе раскопок средневековых бытовых памятников, в том числе и Дербента, является неполивная керамика. Она — один из важнейших показателей уровня развития керамического ремесла, социальной дифференциации городского населения, а также культурно-экономических связей. Публикуемая в сборнике статья Г. Г. Гамзатова «Неполивная керамика Дербента XIII—XVI вв.» посвящена наиболее массовой категории глиняной посуды позднесредневекового периода существования города, оставшейся ранее вне поля зрения исследователей и практически неизученной. В статье дается классификация этого вида керамики Дербента, привлекаются широкие аналоги, показывается ее местное своеобразие, намечаются связи Дербента с окружающим миром, и в частности с Закавказьем, Золотой Ордой, Волжской Болгарией, Хорезмом и др.

Статья А. Р. Магомедова «Керамическое производство в средневековом Дагестане» также посвящена интересной, но малоразработанной в дагестанской историографии теме развития гончарного ремесла в предгорных и горных районах XV—XVIII вв. Дело в том, что археологи обычно не касаются столь поздних комплексов, а этнографы не располагают необходимым количеством фактического материала по данному периоду. Тем не менее автору удалось наметить и охарактеризовать с большей или меньшей полнотой основные центры керамического производства в Дагестане в рассматриваемое время, показать преемственность, традиции и глубокие исторические корни их развития.

На основе анализа материалов новых раскопок Агачкалинского поселения в статье Л. Б. Гмыря дается характеристика некоторых видов промыслов и ремесел, получивших развитие в раннесредневековую эпоху в предгорном Дагестане: строительного дела и обработки камня, прядения и ткачества и в особенности керамического производства. Последнее рассматривается на фоне обстоятельного типологического анализа его массовой продукции. Небольшая заметка В. В. Кривицкого

посвящена художественно-семантическому анализу костяной булавки с зооморфным навершием из Берикейского могильника, являющейся редким предметом художественного ремесла скифского времени.

Сборник включает статья М.-С. К. Умаханова «Торговые пути в средневековом Дагестане», в ней собраны и систематизированы сведения разных источников о традиционных внутренних коммуникациях Дагестана, по которым в XVIII—XIX вв. осуществлялись торговые операции.

Как видно из этого краткого обзора статей, настоящий сборник в определенной степени заполняет пробелы в наших знаниях о социально-экономическом и культурно-историческом развитии Дагестана с древнейших времен до средневековья включительно. Тематика сборника, содержание публикуемых в нем статей могут оказаться интересными не только для специалистов-археологов, историков, этнографов, искусствоведов, но и для всех тех, кто интересуется древней историей и культурой народов Дагестана и Кавказа.

М. Г. Гаджиев.

МЕТАЛЛ ВЕЛИКЕНТСКОЙ КАТАКОМБЫ

Великентский катакомбный могильник находится в приморской части Дагестана у сел. Великент Дербентского района, рядом с одноименным поселением эпохи ранней бронзы. Могильник состоит из бескурганых катакомб, вырытых в толще естественного холмообразного возвышения с плоской вершиной. Катакомбы представляли собой довольно крупные сооружения, состоящие из погребальных камер округлой формы (диаметр 3—6 м) со сводчатым потолком, и четырехугольного входного колодца. Вход в погребальную камеру закрывался каменной плитой. Каждая из катакомб функционировала в течение длительного времени и служила в качестве семейно-родовой усыпальницы, в которой многократно совершались захоронения членов близкородственных коллективов (некоторые катакомбы содержали более сотни костяков).

Характерной чертой погребального обряда великентского могильника является также обилие погребального инвентаря. Катакомбы содержали иногда до сотен глиняных сосудов и другого инвентаря (орудия, предметы вооружения, украшения). Показательным в этом отношении является полуразрушенная катакомба на южной окраине могильника, исследованная археологической экспедицией Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР в 1979 году¹. От нее сохранилось только $\frac{2}{3}$ погребальной камеры круглой в плане формы, диаметром 6 м, содержавшей большое число человеческих захоронений, сопровождавшихся многочисленными и разнообразными глиняными сосудами, орудиями труда, предметами вооружения и принадлежностями туалета.

Керамика характеризуется в основном серолощенными сосудами выработанных, почти стандартных форм. Очень редки сосуды с грубо обмазанным туловом (рис. 1). В типологическом отношении в керамической коллекции из этой катакомбы выделяются округлобокие миски с загнутым внутрь краем (рис. 1, 13). Обычны горшки с широкой цилиндрической горловиной, четко отделенной от тулова (рис. 1, 9, 15, 19) редки кувшины с цилиндрической горловиной (рис. 1, 18), а также сосуды баночных форм (рис. 1, 2, 7). В наибольшем количестве представлены сосуды с сильно вздутым туловом и короткой воронковидной горловиной (рис. 1, 8, 14, 16), разнообразные кружки, чашки (рис. 1, 6, 12, 17).

---

¹ Гаджиев М. Г. Изучение памятников бронзового века в Прикаспийском Дагестане.— АО, 1979, М., 1980, с. 102; *Он же*. Великентский склеп — памятник древней металлургии.— Природа, 1983, № 8, с. 116.

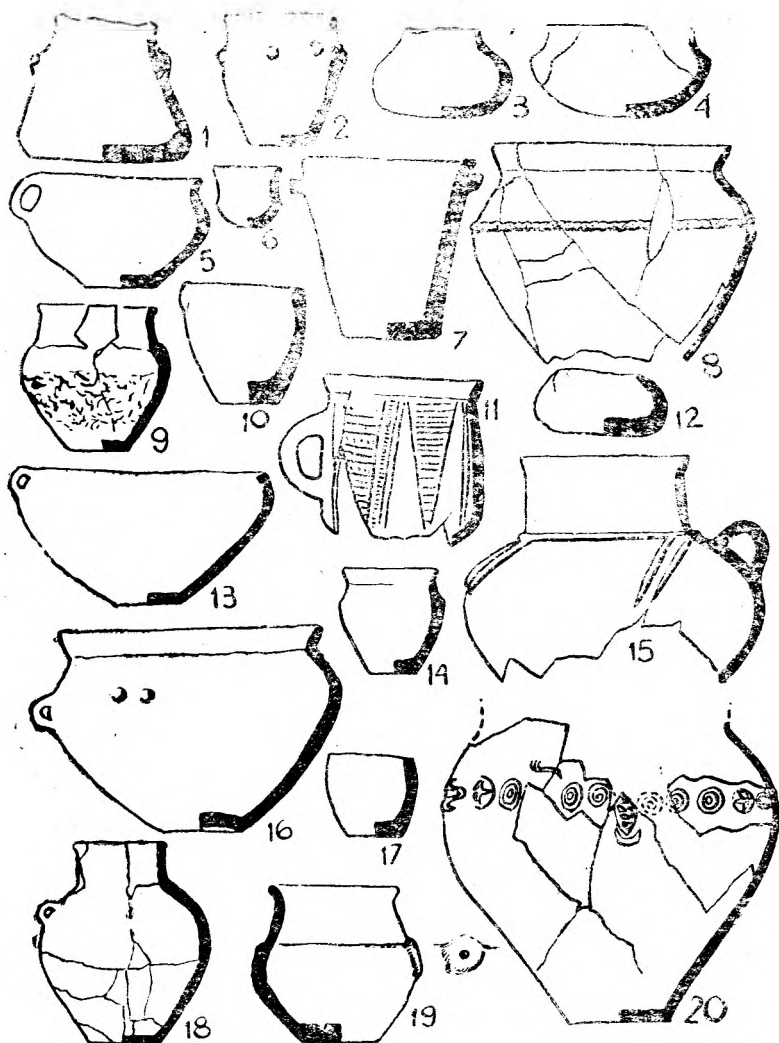

Рис. 1. Керамика великентской катакомбы.

Орнаментированная керамика в коллекции встречается довольно редко и представлена в основном сосудами с одиночными, двойными, тройными коническими, полусферическими выступами, валиками с защипами (рис. 1, 2, 8, 16). А на одном из крупных сосудов имеется фриз из рельефного спирально-концентрического орнамента, занимающий его лицевую часть, характерный для керамики куро-аракской культуры эпохи ранней бронзы (рис. 1, 20).

В целом керамика интересующей нас великентской катакомбы

характерна для конца эпохи ранней — начала средней бронзы, она во многом (формы сосудов, орнаментация, обработка поверхности) сохранила традиции гончарного производства эпохи ранней бронзы и генетически связана с керамикой северо-восточно кавказского варианта куро-аракской культуры. Наряду с местной керамикой, в рассматриваемой катакомбе найдены импортные сосуды алазано-беденской культуры из Восточной Грузии (рис. 1, 11) ².

Помимо керамики, погребальный инвентарь включал полированные наверхия каменных булав (30 экз.), сверленный каменный топор ромбовидной формы, разнообразные бусы и подвески из сердолика, горного хрусталя, гагата, стекловидной пасты, а также около полутора тысяч металлических предметов ³. По обилию найденного металлического инвентаря великентская коллекция превосходит весь фонд изделий эпохи ранней и средней бронзы Дагестана, открытый за последние десятилетия.

Данная статья о типологии бронзовой утвари и составе металла великентской коллекции. Оружие и орудия в ней представлены топорами, черенковыми ножами, долотами, теслами, шильями. Декоративные предметы включают серии булавок, якоревидных подвесок, медальонов, пронизей, спиралей, браслетов, серёг, бляху и колпачок.

Втульчатые топоры (рис. 2, 1—3) имеют круглое отверстие для насадки на рукоять, идентичную конфигурацию клина и втулки. Спинка клина у них плоская. На одном топоре виден след усадки раковины в спинке. Такая деталь является следствием отливки изделий в литейную форму через литник в спинку предмета. Брюшко клина у всех топоров подострено. Лезвие оттянуто вниз в виде лопасти. Аналогичный топор был обнаружен при случайных обстоятельствах в кургане у поселка Дагестанские Огни Дербентского района ⁴. На Северном Кавказе великентская группа топоров не имеет детальных параллелей. В какой-то мере она сближается с топорами типа Хабаз—Орджоникидзе, происходящими из Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, манасской катакомбы в Дагестане. Орудия группы Хабаз—Орджоникидзе также имеют короткую шейку клина и расширенное в лопасть лезвие. Отличия между рассматриваемыми типами заключаются в пропорциях строения клина и втулки, уплощенности брюшка клина у изделий из манасской катакомбы у сел. Хабаз на р. Малке. Более отчетливо великентские топоры расходятся в морфологии признаков с арочными топорами сачхерских и дигорских могильников Осетии, горной Имеретии, а также с находками из нижнего слоя дольменов Эшери ⁵.

Ножи великентской катакомбы представлены самой простой и ши-

² Гобеджишвили Г. Ф. Бедени — культура курганных погребений. Тбилиси, 1981, табл. XXXII, 5; XXXIII, 2, 4.

³ Гаджиев М. Г. Новые данные о бронзовом веке Дагестана.— В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978, 1979 гг.: Тез. докл. Махачкала, 1980, с. 2.

⁴ Котович В. Г., Котович В. М. Находки древних бронзовых топоров в Дагестане.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 78, рис. 1, 2, с. 80.

⁵ Корневский С. Н. Втульчатые топоры — оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа.— В кн.: Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981, с. 24, рис. 3, 9—13.

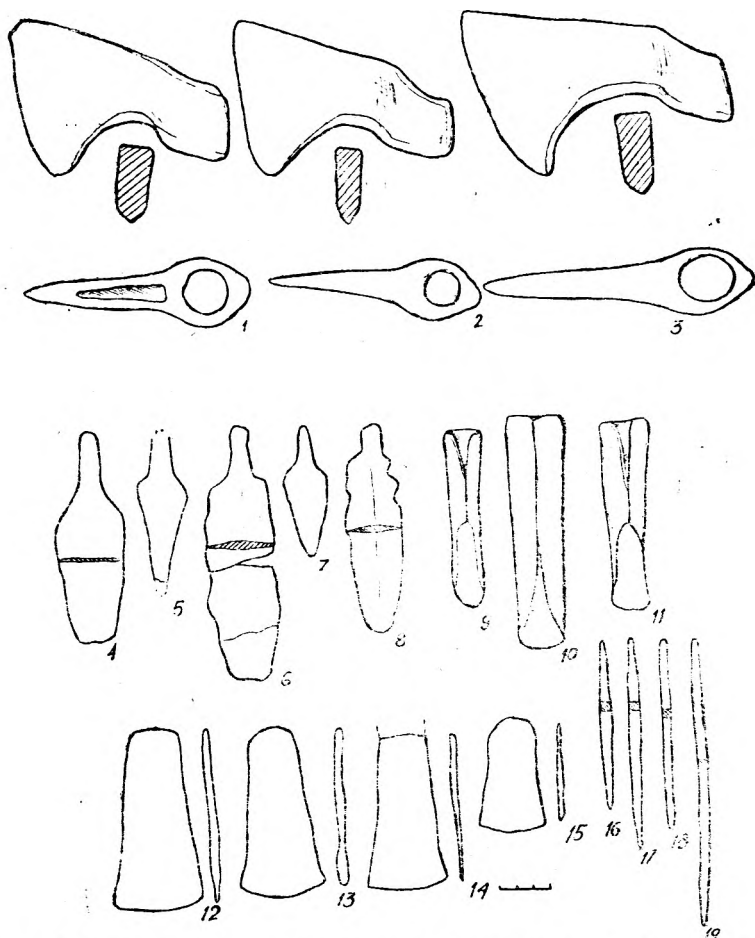

Рис. 2. Орудия и оружие великентской катакомбы. 1—3 — топоры, 4—8 — ножи, 9—11 — долота, 12—15 — тѣсла, 16—19 — шилья.

роко распространенной формой — черенковым типом с листовидным лезвием (рис. 2, 4—8)⁶.

Долота имеют кованую втулку с сомкнутыми краями (рис. 2, 9—11). В Дагестане такие долота ранее были обнаружены в кургане у сел. Дагестанские Огни, в катакомбном захоронении у ст. Манас⁷. В эпоху средней бронзы долота с кованой втулкой стали широко распространенным инструментом племен предгорий Северного Кавказа.

⁶ Магомедов С. М. К вопросу о культурных связях племен Дагестана с племенами Северного Кавказа и степей Юго-Восточной Европы в эпоху средней бронзы.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, рис. 20, 18.

⁷ Фѣдоров Г. С. Ещё одна манасская катакомба.— В кн.: Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977, с. 24, табл. I, 10.

В Прикубанье они известны по находкам в кладах у сел. Привольного и ст. Костромской⁸, в погребении кургана 26 у ст. Усть-Джегутинской⁹, в материалах катакомбного периода Калмыкии¹⁰, а также в других районах предгорного и равнинного Предкавказья¹¹.

Бронзовые тесла (рис. 1, 12—15) имеют небольшие размеры — от 66 до 110 мм. По незначительному расширению орудий от пятки к лезвию, их можно отнести к так называемому «привольненскому» типу тесел, хотя великентские находки меньше по длине, чем сами тесла клада у сел. Привольного¹². Морфологически близкие великентским орудиям тесла известны из Южной Грузии, курганов в Шулавери, Тетри-Цкаро¹³, Бедени¹⁴. На Северном Кавказе подобное тесло найдено в погребении племен пятигорской группы северокавказской культурно-исторической области у колонии Константиновской, а также в ст. Абадзехской и в других местах¹⁵.

Шилья великентской катакомбы имеют стандартное четырёхгранное сечение (рис. 2, 16—19).

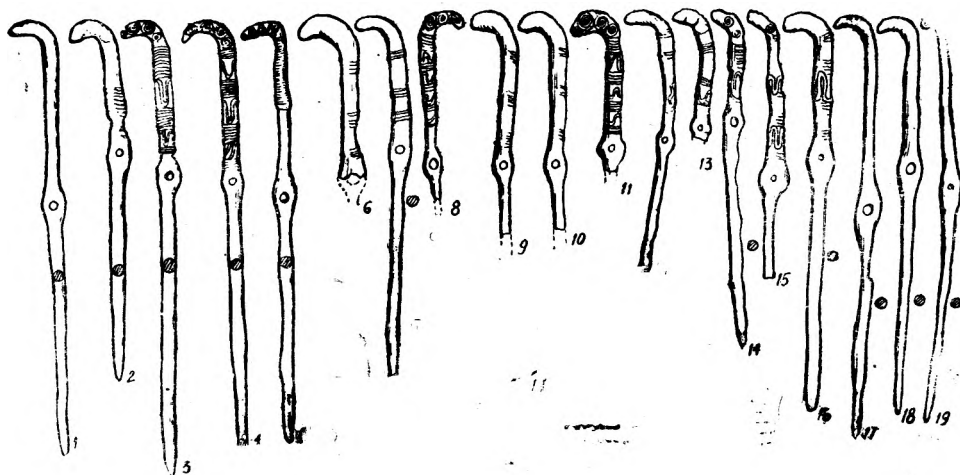

Рис. 3. Великентская катакомба. Булавки с изогнутой головкой.

⁸ Нессен А. А. К хронологии «больших кубанских» курганов.— СА, 1950, вып. 12, табл. III, 2, IV, 2.

⁹ Синицын И. В. Древние памятники восточного Маныча. Саратов, 1978, с. 92, 5.

¹⁰ Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978, с. 99, рис. 39, 114.

¹¹ Отюцкий И. В. Погребения эпохи бронзы у сел. Ивановского Ставропольского края.— В кн.: Конференция по археологии Северного Кавказа.— XII Крупновские чтения: Тез. докл. М., 1982, с. 21, 22.

¹² Нессен А. А. К хронологии «больших кубанских» курганов..., табл. III, 1.

¹³ Джaparидзе О. М. К этнической истории грузинских племен по данным археологии. Тбилиси, 1978, с. 132, рис. 59, 4, 7.

¹⁴ Гобеджишвили Г. Ф. Бедени — культура курганных погребений, табл. XXXVIII, 1.

¹⁵ Маркович В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.) — МИА. М., 1959, № 93, с. 81, рис. 41, 6—9.

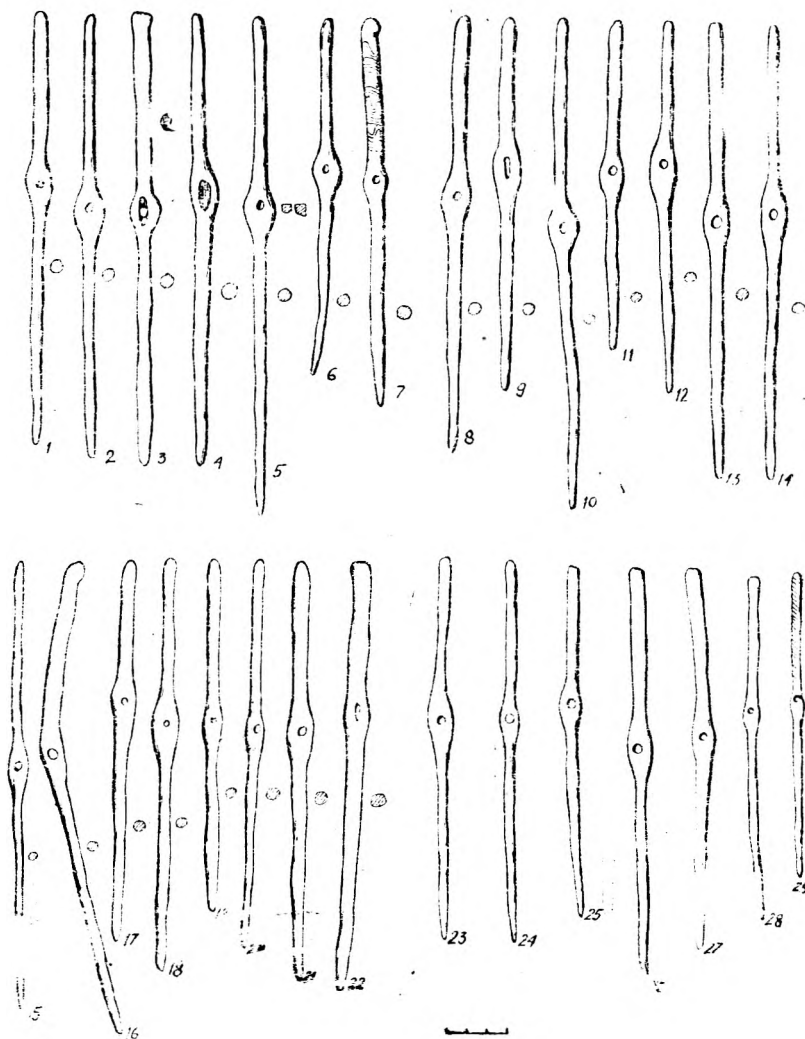

Рис. 4. Булавки с прямой головкой великентской катакомбы и Палестины. 1—27 — великентская катакомба, 28 — Газа, 29 — Мегиддо.

Бронзовые булавки великентской коллекции представляют собой стержни круглого сечения от 5 до 7 мм в диаметре и длиной от 160 до 220 мм (рис. 3, рис. 4). Все булавки снабжены отверстием, посредством которого украшение, вероятно, крепилось к костюму. Вокруг отверстия стержень образует утолщение. Отверстие делит булавку как бы на две части: длинную, нижнюю с подостренным концом и верхнюю — головку, более короткую. Такая конструкция булавки объясняется, скорей всего, стремлением удержать украшение головкой вверх, когда

оно прикреплялось к детали костюма. Верхняя часть булавки украшалась орнаментом, состоящим из одинаковых элементов узора: линейных разделителей, зигзаго-змейек между разделителями, волнообразных змеек, а также спиралеобразно закрученных линий, наподобие широко известного мотива «бегущей эгейской спирали». По конфигурации головки великентские булавки распадаются на два типа: с изогнутой головкой (рис. 3) и с прямой головкой (рис. 4). Первый тип булавок чаще покрывался орнаментом, чем второй. Условно к булавкам с изогнутой головкой можно отнести украшение с головкой, завитой в кольцо (рис. 3, 19). Бронзовые булавки великентской катакомбы не имеют аналогов на Кавказе.

По конструкции они резко отличаются от булавок предгорной и горной зон Северного Кавказа эпохи средней бронзы. Лишь в какой-то степени украшения с изогнутой головкой великентской коллекции напоминают посоховидные булавки северокавказских племен. За пределами Кавказа булавки с прямой головкой великентской катакомбы обнаруживают большое сходство с украшениями из Палестины, некрополей Газы, Иерихона, Фары, Мегиддо, Египта. Палестинские булавки имеют такое же строение — отверстие в стержне с узловатым утолщением. Отверстие делит булавку на короткую головку и более длинное подостренное окончание. Верхняя часть палестинских украшений не имеет орнамента или могла снабжаться винтообразной нарезкой (рис. 4, 28, 29)¹⁶.

Якоревидные подвески великентской катакомбы включают две разновидности: подвески с длинным узким стержнем (рис. 5, 1—10) и с коротким широким (рис. 5, 11, 12). Условно к категории якоревидных подвесок можно отнести обломок украшения с орнаментом в виде змейки (рис. 5, 13). Все якоревидные подвески с узким стержнем имеют стандартные крупные размеры — около 100 мм в длину. Они покрыты по стержню однообразным шнуровым орнаментом, заканчивающимся змейкой, спиральными кругами по серповидной части. Якоревидные подвески с широким стержнем меньше подвесок предыдущего типа. Их длина доходит только до 50 мм. Присутствие орнамента на якоревидных подвесках с широким стержнем определить трудно, так как оба экземпляра окислены. Украшения, наподобие якорька, хорошо известны в эпоху средней бронзы на Северном Кавказе. В Закавказье аналогичные украшения найдены в комплексах эпохи ранней бронзы (Сачхери, Амиранис-Гора)¹⁷. В Дагестане якоревидные подвески входят в состав декоративных предметов из погребений Миатлинской курганной группы, но миатлинские изделия отличаются от великентских якоревидных подвесок с узким и длинным стержнем меньшими разме-

¹⁶ Schaeffer Cl. *Stratigraphie Comparee et Chronologie de l'Asie Occidentale*. London, 1948, fig. 119, 1—31; fig. 123, 6, 10, 25, 29; fig. 125, 15, 17; fig. 133, 2—6, 19—24; fig. 142; fig. 143; fig. 207, 26, 27.

¹⁷ *Джапаридзе О. М. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры*. Тбилиси, 1961, с. 81, рис. 36, 4, табл. XX, 6, 7; *Чубиншвили Т. Н. Амиранис Гора*. Тбилиси, 1963, рис. 14, 17.

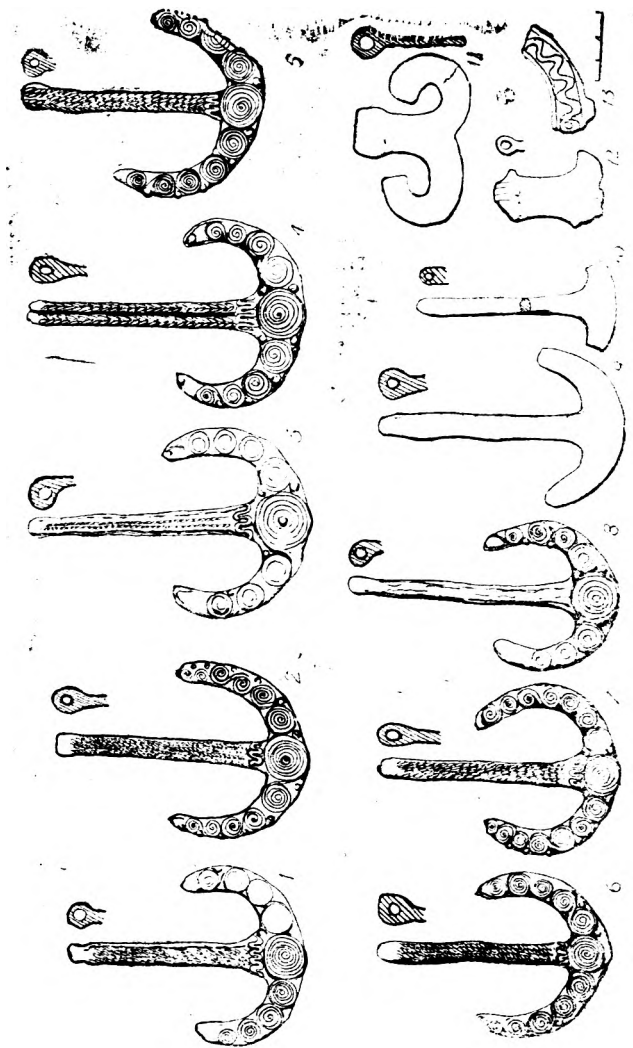

Рис. 5. Великентская катакомба. Якоревидные подвески. 1—10 — якоревидные подвески с узким длинным стержнем, 11, 12 — якоревидные подвески с коротким широким стержнем, 13 — обломок якоревидной подвески?

рами и отсутствием орнамента¹⁸. Подвескам с широким стержнем великентской катакомбы находят аналоги в верхнем Прикубанье, в кургане 37, погребении 1 ст. Усть-Дженгутинской¹⁹.

Бронзовые медальоны рассматриваемой коллекции имеют крупные размеры для этой категории украшений. Их диаметр колеблется от 40 до 76 мм. Среди медальонов выделяются следующие типы: кольцевидные (рис. 6, 1—9), кольцевидный с крестовидной перекладиной (рис. 6, 10), дисковидный (рис. 6, 11). Отдельные экземпляры покрыты шнуровыми мотивами, змейками. Медальоны этих типов были обычным украшением эпохи средней бронзы племен Северного Кавказа. В Дагестане пока не известны медальоны столь больших размеров, как великентские.

Литая бронзовая бляха с двумя отверстиями в центре (рис. 6, 12) из великентской катакомбы покрыта шнуровым и геометрическим ор-

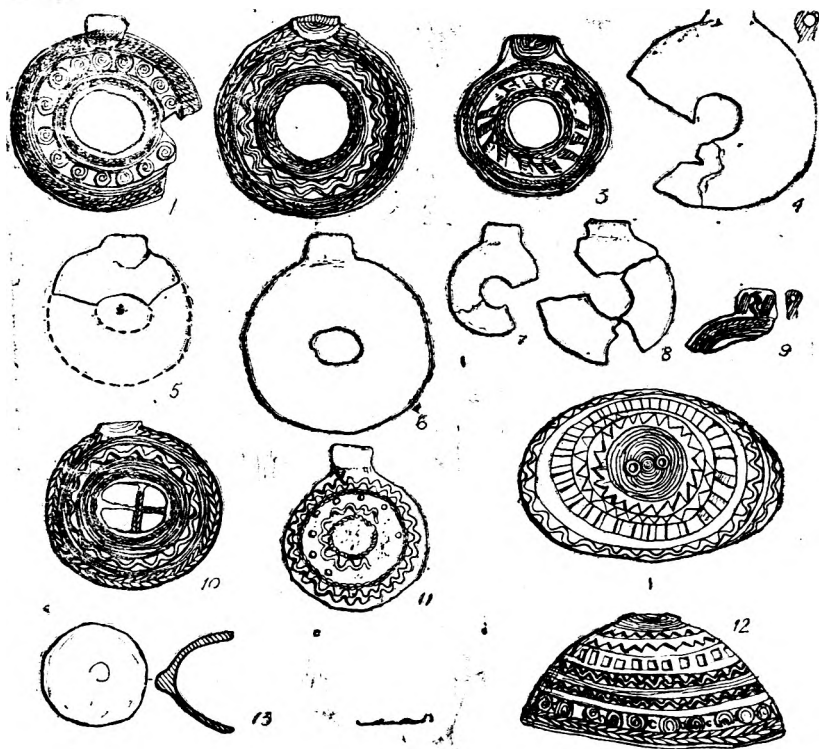

Рис. 6. Великентская катакомба. Медальоны, бляха, колпачок.
1—11 — медальоны, 12 — бляха, 13 — колпачок.

¹⁸ Канивец В. И. и Березанская С. С. Курганы бронзового века на Сулаке — МАД. Махачкала, 1959, т. I, с. 83, табл. IV, I; Костюченко И. П. Раскопки миатлинского курганного поля в 1955 г. — МАД. Махачкала, 1959, т. I, с. 90, табл. I, 8, 9.

¹⁹ Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье..., с. 99, рис. 39, 74.

наментом. Аналогии ей связаны с бляхами из предгорий Северного Кавказа — верхнего Прикубанья (ст. Суворовская, курган 11, погребение 11)²⁰, Кабардино-Балкарии (сел. Чегем II, курган 23)²¹, Чечено-Ингушетии, Дагестана (аул Согратль)²², Северной Осетии (сел. Дигора)²³.

Бронзовый колпачок изготовлен отливкой (рис. 6, 13). Он имеет диаметр 40 мм и высоту 30 мм. Подобные литые колпачки найдены в Усть-Джегутинском могильнике, курган 3, погребение 1²⁴, в кургане 48 у сел. Чегем I²⁵.

Литые бронзовые пронизи великентской катакомбы распадаются на два типа, отличающиеся размерами, сечением и орнаментацией. К первому типу относятся пронизи с прямыми окончаниями трубки (рис. 7, 1—24). Ко второму типу принадлежат пронизи с манжетовидными окончаниями (рис. 7, 25—37). Первый тип представлен крупными экземплярами, в среднем длиной около 100 мм при диаметре 12—

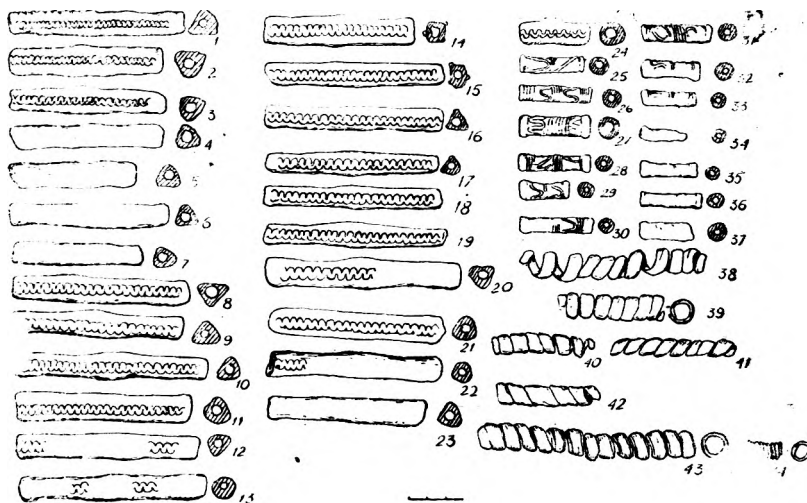

Рис. 7. Великентская катакомба. Пронизи и спирали. 1—24 — пронизи с прямыми окончаниями, 25—37 — пронизи с манжетовидными окончаниями, 38—43 — спирали из металлической ленты, 44 — спиралька из проволоки.

²⁰ Там же, рис. 39, 64.

²¹ Мизиев И. М., Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х. Археологические раскопки 1972 года в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1973, рис. 19, 2.

²² Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы — МИА, 1960, т. 93, рис. 15, 28.

²³ Тменов В. Х. Новые археологические памятники на территории Северной Осетии, 1980, т. 34, вып. 1, с. 17, рис. 3, 2.

²⁴ Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье..., с. 73, рис. 26, 14—17.

²⁵ Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х. Основные итоги раскопок курганов эпохи бронзы у селений Чегем I и Чегем II в 1973 году. — В кн.: Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1980, рис. 7, 9.

15 мм. Пронизи первого типа однообразно орнаментированы горизонтальными, тянущимися вдоль украшения змейками. Сечение таких пронизей, как правило, подтреугольное, редко круглое. Манжетовидные пронизи мельче предыдущих. Они имеют длину до 40 мм при диаметре 6—10 мм. Концы трубки у них украшены валиками — «манжетами». Сама трубка покрывалась поперечными линиями-разделителями, которые чередуются с зигзагами-змейками. Аналогии пронизям с прямыми окончаниями и подтреугольным сечением пока не известны. Манжетовидные пронизи в Дагестане происходят из Утамышского кургана 1²⁶, кургана 23 у сел. Чегем II в Кабардино-Балкарии²⁷, кургана у сел. Дигора в Северной Осетии²⁸.

Спирали великентской катакомбы представлены экземплярами, изготовленными из металлической ленты. В скрученном виде такие спирали имеют диаметр 6—10 мм и достигают 120 мм длины (рис. 7, 38—43). Другой вид спиралей сделан из тонкой круглой проволоки (рис. 7, 44). Металлическим спиралькам находится широкий круг аналогий эпохи ранней и средней бронзы.

Браслеты великентской катакомбы имеют диаметр от 60 до 80 мм. Концы браслетов могут соприкасаться, не доходить друг до друга или пересекаться, в зависимости от того, как изделие было согнуто в древности. По форме сечения эти украшения можно подразделить на два типа: браслеты с круглым сечением и браслеты с плоским сечением. Браслеты с круглым сечением наиболее многочисленны (рис. 8, 1—14, 16—30). Концы изделий могут иметь утолщение в виде шляпки или не иметь утолщения. Толщина стержня браслетов варьирует от 10 до 4 мм. Характерным признаком великентских браслетов является бугорок на тыльной стороне (металлического прута. Некоторые браслеты не имеют бугорка (рис. 8, 9, 13, 19, 20, 29). Браслет с плоским сечением согнут из пластины шириной 10 мм (рис. 8, 15). Браслеты с круглым сечением стержня являются характерным атрибутом среднебронзовых памятников Дагестана. Они обнаружены в погребениях 1, 2 кургана I VI курганной группы у сел. Миатлы²⁹, в кургане I у сел. Утамыш³⁰. В других районах Северного Кавказа браслеты с круглым сечением эпохи средней бронзы нам не известны. Сравнивая великентские браслеты с находками из миатлинского и утамышского кургана, следует, безусловно, сделать оговорку, что аналогия наиболее точна для браслетов, не имеющих утолщения-бугорка, так как последний вид пока в среднебронзовых памятниках Дагестана и Северного Кавказа, за исключением великентской катакомбы, не обнаружен.

Серьги великентской коллекции представлены обычной формой

²⁶ Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М. Утамышские курганы. — В кн.: Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980, с. 49, рис. 5, 9, 13.

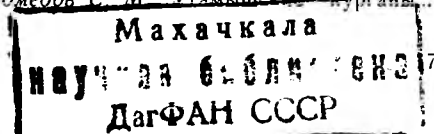
²⁷ Мизиев И. М., Бетрозов Р. Ж., Нагоев А. Х. Археологические раскопки 1972 года в Кабардино-Балкарии..., рис. 19.

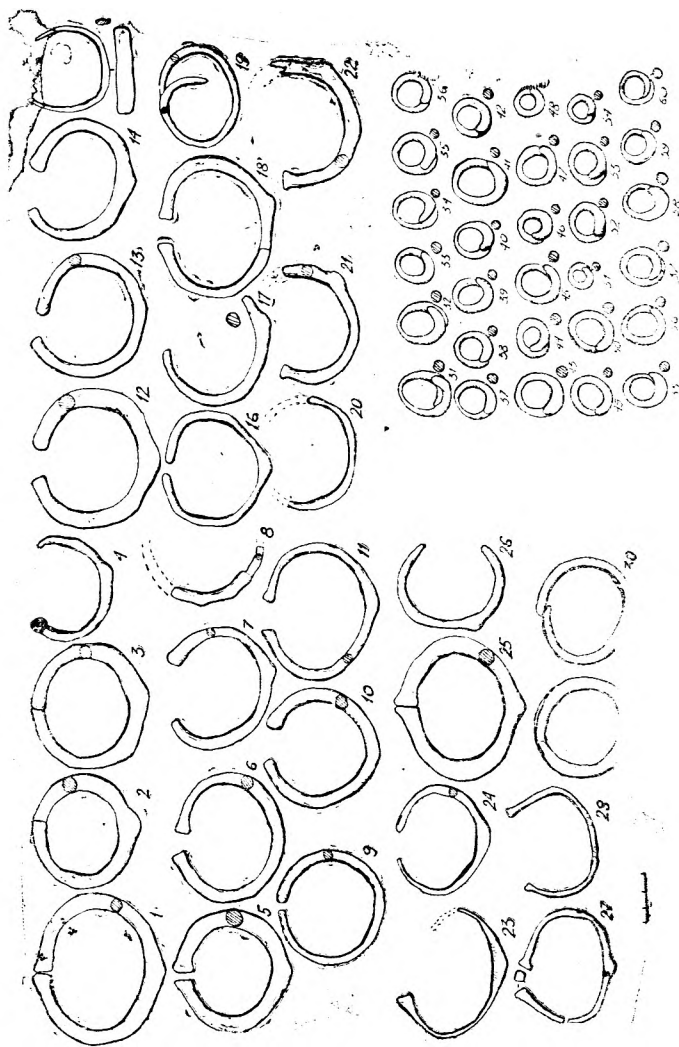
²⁸ Тменов В. Х. Новые археологические памятники..., с. 17, рис. 3, 4—10.

²⁹ Канивец В. И. и Березанская С. С. Курганы бронзового века на Сулаке..., с. 83, табл. IV, 2, 5.

³⁰ Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М. Утамышские курганы..., с. 49, рис. 5, 22.

117869

Р и с. 8. Великентская кагакомба. Браслеты и серьги. 1—30 — браслеты, 31—60 — серьги.

в полтора оборота. Они согнуты из куска проволоки круглого сечения (рис. 8, 31—60).

Исследование состава металла великентской катакомбы проведено по выборке, включающей 195 вещей (см. таблицы анализов). В неё вошли: 3 топора, 5 ножей, 3 долота, 4 тёсла, 4 шила, 46 булавок, 11 медальонов, 1 бляха, 1 колпачок, 37 пронизей, 7 спиралек, 13 якоревидных подвесок, 30 браслетов и 30 серёг. В выборке представлены полностью такие категории коллекции, как топоры, тёсла, долота, бляха, колпачок, медальоны, якоревидные подвески. В подавляющем большинстве учтены булавки, ножи, пронизи, браслеты. В меньшем количестве проанализированы категории шильев, спиралек, серёг, которые составляют наиболее многочисленные и типологически наименее выразительные разновидности коллекции. Сохранность материала различна. Многие вещи сильно окислены. Сто девяносто два изделия имеют медную основу. Один браслет изготовлен из серебра (рис. 8, 23). Два браслета отлиты с добавлением к меди серебра более 30% (рис. 8, 27, 28). Предметы на медной основе по концентрации олова распадаются на две химико-металлургические группы: безоловянистых и оловяни-

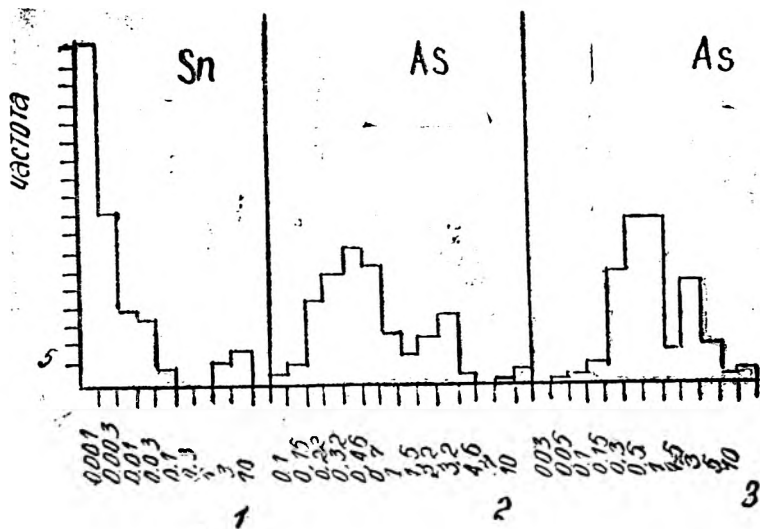

Рис. 9. Гистограммы распределения примесей олова и мышьяка в составе металла изделий великентской катакомбы. 1 — гистограмма логарифмического распределения примесей олова с интервалами 1:2 порядка, 2 — гистограмма логарифмического распределения примесей мышьяка с интервалами 1:6 порядка, 3 — гистограмма логарифмического распределения мышьяка с приближенными интервалами 1:4 порядка.

стых бронз (рис. 9. 1). Изделия без лигатуры олова характеризуются низкими концентрациями этого элемента от десятых долей процента до 0,1. В подавляющем большинстве оловянистые предметы содержат в составе металла мышьяк. Концентрации мышьяка обнаружены

в пределах от сотых долей процента до 10 и более. На гистограмме (рис. 10), построенной с интервалом 1:2 порядка, распределение микропримесей мышьяка близко к нормальному. Причём основное содержание концентраций мышьяка приходится на интервалы от 0,1 до 10%.

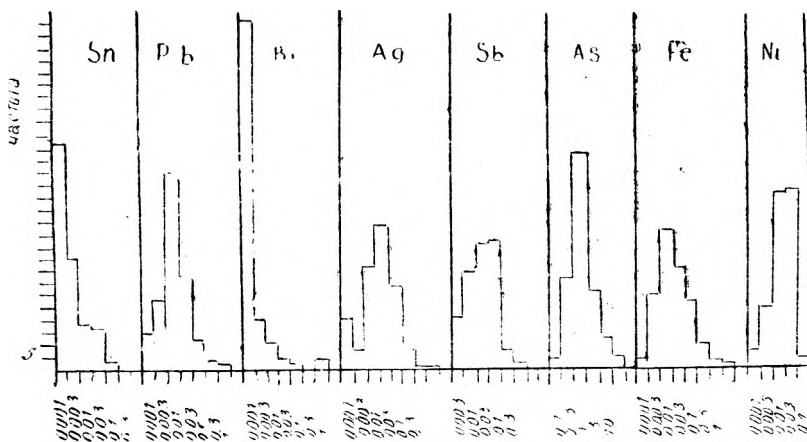

Рис. 10. Гистограмма распределения микропримесей в составе металла изделий, не легированных оловом, с интервалом 1:2 порядка.

При более детальном рассмотрении на основании гистограммы с интервалом 1:6 порядка мы видим совершенно иную картину (рис. 9, 2), так как одновыпуклый график превратился в двувыпуклую фигуру. Видимо последняя гистограмма ближе к действительности, так как более соответствует статистическому правилу выбора интервалов анализируемых величин — корню из n ($\sqrt{n}$), то есть $\sqrt{193}$. Распределение мышьяка на гистограмме 1:6 порядка мало чем отличается от распределения величин на гистограмме 1:4 порядка (рис. 9, 3), составленной по округлённым значениям: 1; 1,5; 3,5; 10, вместо значений 1; 1,8; 3,2; 5,6; 10. Распределение величин 1:4 порядка хорошо подходит для данной выборки из 193 предметов. По характеру примесей мышьяка на гистограммах 1:6 и 1:4 порядка можно отметить, что в основном содержание этого элемента определяется двумя группами концентраций. В первой группе примеси мышьяка сосредоточены, главным образом, в пределах от 0,1 до 1,5%, во второй группе — от 1,5 до 5%. Предметы с примесями мышьяка меньше 0,1% или больше 10% крайне редки. Распределение «низкой» и «высокой» групп концентрации мышьяка различно среди изделий великентской катакомбы. К группе с низким содержанием мышьяка (от 0,1 до 1%) тяготеют орудия и оружие (рис. 11, 1), спирали (рис. 11, 2), булавки (рис. 11, 3), пронизи (рис. 11, 4). Предметы, содержащие мышьяк от 1% и более в категории орудий не выявлены, но часты среди якоревидных подвесок, где они составляют 38% (рис. 10, 5). В серии серёг их процент доходит

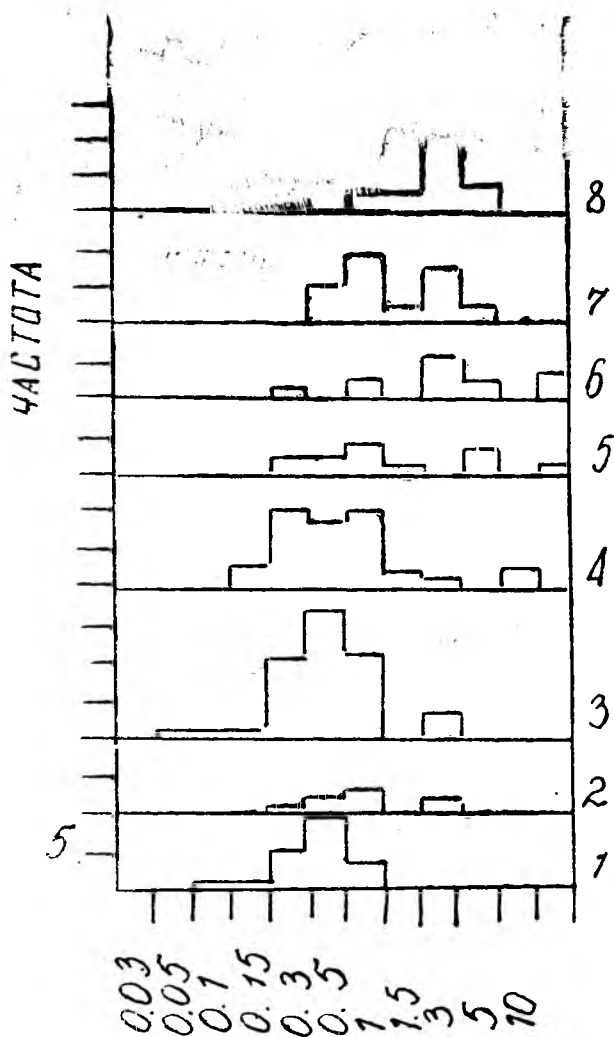

Рис. 11. Гистограмма распределения примесей мышьяка среди категорий бронзового инвентаря великентской катакомбы. 1 — орудия и оружие, 2 — спиральки, 3 — булавки, 4 — пронизи, 5 — якоревидные подвески, 6 — медальоны, бляха, колпачок, 7 — серьги, 8 — браслеты.

до 44 (рис. 10, 7). В серии спиралей «высокомышьяковая» группа составляет 14%, в серии булавок — 7%, в серии пронизей — 13%. И наконец, «высокомышьяковые» вещи часто встречены в категориях медальонов — 76% (рис. 11, 6) и браслетов — 83% (рис. 11, 8). Таким образом, мы можем констатировать явную зависимость содержания

мышьяка от типа бронзовой утвари, часть из которой: орудия, спирали, булавки, пронизи — изготовлялись, главным образом, из «низкомышьяковой» бронзы, а медальоны, бляха, колпачок, браслеты — преимущественно из «высокомышьяковой».

Среди вещей без оловянистой лигатуры можно отметить четыре, содержащих висмут, — от 0,3% до 0,8% (рис. 10). Это медальоны (рис. 6, 1, 10), пронизь (рис. 7, 34), булавка (рис. 3, 10). Все изделия с повышенным содержанием висмута относятся к группе «высокомышьяковых» бронз великентской коллекции. Присутствие мышьяка в составе их металла колеблется от 1 до 5%. Три из четырёх мышьяково-висмутовых изделий отличаются к тому же насыщенностью примесями сурьмы и серебра — в десятых долях процента.

Состав металла предметов великентской коллекции слабо насыщен примесями цинка, кобальта, золота. У подавляющего большинства изделий содержание висмута, как отмечалось выше, не превышает 0,1%. Регулярно отмечены примеси свинца, серебра, сурьмы, никеля, железа (рис. 10). Микропримеси свинца и никеля сохраняют свою односторонность при более детальном рассмотрении на гистограмме 1:4

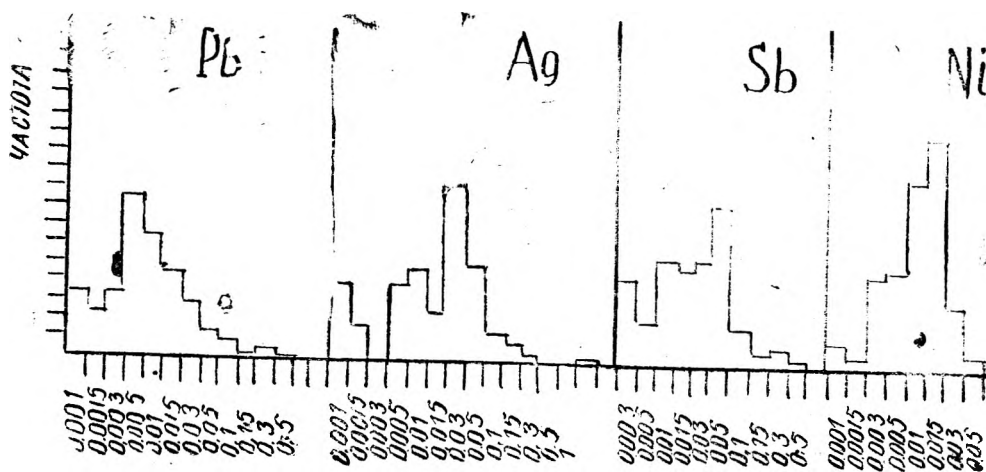

Рис. 12. Распределение микропримесей свинца, серебра, сурьмы, никеля по приближенным значениям 1:4 порядка.

порядка (рис. 12). А примеси серебра и сурьмы проявляют тенденцию к многовершинности или неоднородности распределения микроэлементов. На корреляционном графике серебро—сурьма (рис. 13) можно отметить, что по содержанию серебра великентские бронзы без лигатуры олова распадаются как бы на две группы. К первой принадлежат бронзы, содержащие минимальные концентрации этого элемента — до 0,001%, ко второй — преимущественно с концентрациями от 0,003 до 0,1%. От обеих групп на графике выделяются семь анализов бронзы с повышенным присутствием сурьмы — от 0,15 до 0,3%. В четырёх

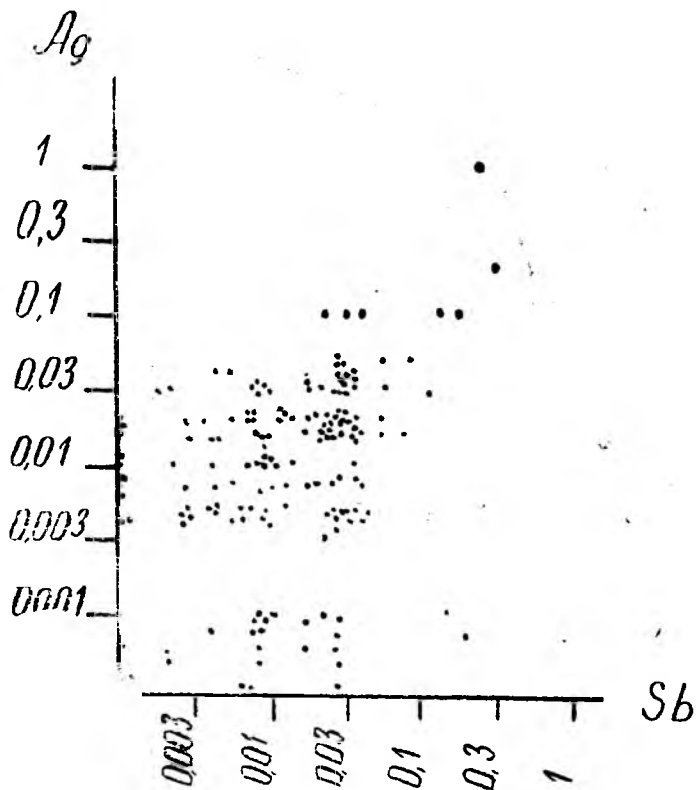

Рис. 13. Корреляционный график микропримесей серебра и сурьмы.

случаях такое содержание сурьмы сопряжено со значительным процентом серебра — от 0,1 до 1%. Примеси сурьмы от 0,15 до 0,3% были обнаружены в металле: пронизи (рис. 7, 37), топора (рис. 2, 1), булавки (рис. 3, 12), браслета (рис. 8, 9), серьги (рис. 8, 57), медальона (рис. 6, 7), спирали рис. 7, 40). Видимо, они не тяготеют, как и примеси висмута в десятых долей процента, к какому-либо определенному типу изделия и могут быть связаны с геохимией руд меди или мышьяка, поскольку в природе висмут и сурьма иногда сопряжены с комплексом, содержащим мышьяк³¹.

Таким образом, для подавляющей массы изделий великентской коллекции были свойственны низкие микропримеси олова — до 0,1%, свинца до 0,1%, редко выше, и висмута, сурьмы, серебра, никеля до 0,1% (рис. 10). По сравнению с ними можно рассматривать, как нети-

³¹ Тавадзе Ф., Сакверелидзе Г. Бронзы древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 30; Кузнецова Е. В., Кузнецов И. Г. Цветные и редкие металлы Кабардинской АССР. М.; Л., 1946, с. 212, 213.

личные, предметы с повышенным содержанием висмута — в десятых долях процента, и сурьмы — более 0,15%. Для большинства вещей великентской коллекции характерны примеси мышьяка от 0,1 до 5%. Скорей всего такие предметы были выплавлены из медного сырья, обогащённого минералами мышьяка. Какие-либо особые медно-мышьяковые руды в Дагестане нам не известны. По незначительному присутствию мышьяка в составе металла великентских предметов рассматриваемые вещи аналогичны мышьяковым бронзам гинчинского могильника в горном Дагестане³². Этот факт позволяет видеть в изделиях великентской катакомбы проявление местной, дагестанской, традиции производства орудий и украшений.

В великентской коллекции выявлено 15 предметов, металл которых содержит искусственные добавки олова. На гистограмме они резко отличаются от основной массы мышьяковых бронз (рис. 9, 1). В составе металла этих вещей олово присутствует в концентрациях от 1 до 10%, лишь в одном случае оно зафиксировано в количестве 0,7%. Из

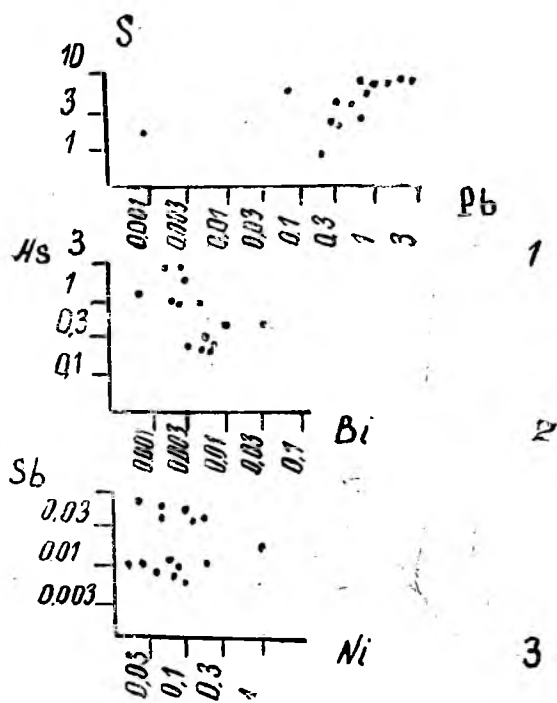

Рис. 14. Корреляционные графики предметов, выплавленных из оловянистой бронзы

оловянистой бронзы были выплавлены 1 булавка (рис. 3, 6), 5 серёг (рис. 8, 35, 36, 37, 51, 58), 9 браслетов (рис. 8, 3, 11, 14, 17—21). По данной выборке можно предположить, что между категориями серёг, браслетов и оловянистыми сплавами существует определённая зависимость. Может быть, древних людей прельщал золотистый цвет изготавливаемых украшений из сплавов меди с оловом? Оловянистые бронзы великентской катакомбы характеризуются следующими показателями. Все 15 предметов содержат в составе металла мышьяк — от 0,1 до 3% (рис. 14, 2). Концентрации свинца в тринадцати случаях приходятся на диапазон от 0,1 до 3% (рис. 14, 1). Примеси никеля колеблются от сотых

³² Корневский С. Н. О металле могильника Гинчи эпохи средней бронзы. — В кн.: Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980, с. 38, рис. 1, 4.

до десятых долей процента (рис. 14, 3). Примеси сурьмы и висмута не превосходят 0,1%, а примеси цинка, кобальта незначительны (рис. 14, 2, 3). В сравнении с металлом мышьяковых бронз оловянистые сплавы отличаются более высокими примесями свинца, никеля, но похожи по содержанию мышьяка, сурьмы и висмута. По-видимому, оловянистые бронзы великентской катакомбы не были результатом простого добавления к традиционному мышьяковому металлу присадок олова. Скорей всего они отражали новую металлургическую традицию литья и быть может иную геохимию сырья, более насыщенного никелем. По номенклатуре оловянистых бронз Тлийского могильника³³, великентские сплавы с оловом относятся к типу оловянисто-мышьяковой группы Б₃ — 3 экземпляра (булавка, серьга, браслет) и к типу оловянисто-свинцовых сплавов группы Б₅ — 12 экземпляров (4 серьги и 8 браслетов). Следовательно, бронзы с лигатурой олова великентской коллекции довольно однородны по составу микропримесей. Если сравнить изделия из великентской катакомбы с оловянистыми бронзами Гинчинского могильника в горном Дагестане, то первые будут отличаться меньшим содержанием сурьмы³⁴, так как в гинчинской коллекции её содержание в оловянистом металле (группа Д-1), как правило, больше 0,1%.

В целом изложенный выше материал позволяет прийти к следующим выводам. Обширная коллекция металла великентской катакомбы включает оригинальные предметы, характерные только для эпохи средней бронзы Дагестана или зафиксированные исключительно в составе инвентаря данного памятника. Таковы топоры, булавки, браслеты с утолщением, пронизи с гладкими концами. Другие типы орудий, украшений имеют аналогии в различных районах Кавказа. Некоторые из них, такие, как крупные медальоны, бляха, колпачок, литые манжетовидные пронизи напоминают изделия предгорных племен центрального Предкавказья. Вся коллекция великентской катакомбы обладает внутренним производственным единством, выражающемся в тенденции отливки крупных украшений, в одинаковых мотивах орнамента, в стандартизации размеров орудий и декоративных вещей. Этому выводу не противоречит и состав металла, так как подавляющее большинство вещей отлито из довольно однородного по геохимическим примесям медного сырья с незначительным присутствием мышьяка — от 0,1 до 5%, а главным образом — от 0,1 до 1%. Последнее свойство особенно характерно для металла Дагестана эпохи бронзы и не типично для центральных районов Северного или Южного Кавказа³⁵. Обнаружение в коллекции небольшого числа изделий из оловянистой бронзы позволяет констатировать, что литейщики, обслуживавшие родовой коллектив, оставивший великентскую катакомбу, были уже знакомы с новой

³³ Корневский С. Н. Химический состав бронзовых изделий из Тлийского могильника.— СА, 1981. № 3. с. 154.

³⁴ Корневский С. Н. О металле могильника Гинчи эпохи средней бронзы..., рис. 1, 3.

³⁵ См., например: Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966. с. 43, рис. 15; Геворкян А. Ц. Из древнейшей металлургии Армянского нагорья. Ереван, 1980.

для эпохи средней бронзы лигатурой олова. Последний металл они использовали, как отмечалось выше, главным образом для изготовления браслетов, серёг, редко булавок.

Предметы из сплавов меди с оловом не были импортными для «великентцев» из какого-либо другого района Кавказа, так как из оловянистых бронз отливались украшения, свойственные именно рассматриваемой коллекции. В пределах Дагестана металл великентской катакомбы по своим формам обладает определённым своеобразием. Великентская коллекция в целом заметно отличается от всех известных наборов бронзовых вещей из памятников горной зоны республики, могильников Гинчи, Гоно, Галгалатли, Чиркей и Верхнегунибского поселения. С предгорно-равнинными памятниками великентские бронзы сближает большее число типов погребального инвентаря, как например, долота с кованой втулкой, браслеты с круглым сечением, якоревидные подвески (если рассматривать последние в качестве проявления традиций особой категории украшений) и манжетовидные пронизы. Поэтому мы можем заключить, что великентская коллекция цветного металла отражает своеобразный локальный участок предгорного района металлообработки Дагестана на заре эпохи средней бронзы.

Хронологический диапазон бытования великентских металлических изделий представляется весьма широким. Он охватывал, по-видимому, последние века III—первую половину II тыс. до н. э. В пользу этого можно привести следующие аргументы.

В Дагестане великентским бронзам близки вещи из кургана первой половины II тыс. до н. э. у сел. Утамыш, где обнаружена, в частности, совершенно такая же, что и в великентской катакомбе, манжетовидная трубочка — пронизь³⁶ из манасской катакомбы, в составе инвентаря которой находилось долото с разомкнутой кованой втулкой³⁷. На Северном Кавказе предметы великентской коллекции имеют параллели среди металлических вещей ранних этапов северокавказской культуры³⁸, в том числе из погребений ранней и средней хронологической групп Верхнего Прикубанья, датируемых концом III—первой половиной II тыс. до н. э.³⁹

В Закавказье металлические изделия великентской коллекции имеют аналогии в Сачхери⁴⁰ (вторая половина III тыс. до н. э.), погребениях алазано-беденской⁴¹ и триалетской⁴² культур. Следует отметить также и то, что великентские украшения имеют родственные мотивы орнаментации в виде «бегущей эгейской спирали», с таким же типом декоративного узора, на разнообразной утвари блестящей триалетской культуры (первая половина II тыс. до н. э.). Примечательно, что такой

³⁶ Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М. Утамышские курганы, с. 45—50, рис. 59, 73.

³⁷ Федоров Г. С. Еще одна манасская катакомба, с. 25.

³⁸ Марковин В. И. Культура племени Северного Кавказа..., с. 84—86.

³⁹ Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке, с. 103—104.

⁴⁰ Джапаридзе О. М. К истории грузинских племен..., с. 181.

⁴¹ Гобеджишвили Г. Ф. Бедени — культура курганных погребений, табл. X, XXXVIII, 1.

⁴² Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети I. Тбилиси, 1941, с. 96—99.

же узор известен и на керамике Центрального Кавказа (Северная Осетия), относимой Е. И. Крупновым и В. И. Марковиным к начальному периоду северокавказской культуры⁴³, датируемого с конца III тыс. до н. э.

Датировку великентских бронз в пределах последних веков III—первой половины II тыс. до н. э., основанную на собственно кавказских аналогиях, подтверждают также восточно-средиземноморские параллели прямым булавам с отверстиями в стержне. Памятники Сирии и Палестины, откуда происходят подобные булавы (Расшамра—Угарит, Библ, Хаммам, Тарс, Газа, Тель-Фара, Иерихон, Мегиддо), датируются в пределах 2300—1600 гг. до н. э.⁴⁴

Вместе с тем находки импортных сосудов алазано-беденской культуры, как нам представляется, позволяют несколько уточнить время функционирования самой великентской катакомбы. Выявленная в последние десятилетия в Восточной Грузии алазано-беденская культура с характерными чертами как раннебронзовой — куро-аракской, так и среднебронзовой — триалетской культур, относится к промежуточному между этими культурами периоду, т. е. к концу III тыс. до н. э.⁴⁵

Исходя из хронологии, принятой для алазано-беденской культуры, а также аналогий металлическим изделиям преимущественно в ранних комплексах северокавказской культуры, рассматриваемую великентскую катакомбу, по-видимому, следует датировать в пределах конца III—начала II тысячелетия до н. э. Такой дате не противоречит и наличие в великентской коллекции, наряду с мышьяковыми, оловянистых бронз, так как последние спорадически появляются в Закавказье в конце эпохи ранней бронзы⁴⁶, но уже широко представлены не только в курганах триалетской культуры⁴⁷, но и в памятниках алазано-беденской культуры⁴⁸.

⁴³ Крупнов Е. И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода — МИА. М.; П., 1951, № 23; Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа..., с. 44.

⁴⁴ Schaffer C. *Stratigraphia comparée*..., pl. 64—65, 78, 120, 197, 271, pl. VIII, XII; fig. 45, 58, 59, 61, 66, 68, 73, 79, 104, 157, 143, 195.

⁴⁵ Пицхелаури К. Культура Центрального Закавказья эпохи бронзы и железа.— В кн.: IV Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1983, с. 2.

⁴⁶ Геворкян А. Ц. Из истории древней металлургии Армянского нагорья, с. 87—88.

⁴⁷ Абесадзе Ц. Н. К истории меднобронзовой металлургии триалетской культуры.— В кн.: Реставрация, консервация, технология музейных экспонатов. Тбилиси, 1974.

⁴⁸ Пицхелаури К. Указ. соч., с. 3; *Он же*. Центральное Закавказье в конце III и начале II тыс. до н. э.: Доклад, прочитанный 14 ноября 1983 г. на международном симпозиуме «Кавказ и Юго-Восточная Европа в эпоху ранних металлов» в г. Сигнахи Грузинской ССР.

К ВОПРОСУ О ДРЕВНИХ РАЗРАБОТКАХ СИДЕРИТОВЫХ РУД В ГОРНОМ ДАГЕСТАНЕ И ИХ ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ

Несмотря на наметившиеся в последнее время очевидные успехи в изучении вопросов о местной металлургии и металлообработке в древнем Дагестане, нельзя не признать, что они все еще недостаточно разработаны.

И если в середине 60-х годов сама постановка вопроса о существовании в древнем Дагестане собственного очага металлургии¹ вызвала немало возражений², то конец 60-х и 70-е годы, благодаря новым работам дагестанских исследователей³, ознаменовались полным признанием этого теперь уже бесспорного факта.

Однако археологические материалы, освещающие многие конкретные проявления процесса развития древней дагестанской металлургии весьма скудны и именно поэтому их выявление и изучение имеет несомненную научную значимость. В этой связи представляется интересным

---

¹ Котович В. М. Верхнегуньбское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965, с. 222—229.

² См.: Марковин В. И. Рец. на кн.: Котович В. М. Верхнегуньбское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. — СА, 1968, № 2.

³ Гаджиев М. Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969, с. 137—146; 159—162; Котович В. Г., Котович В. М. Находки древних бронзовых топоров в Дагестане. — В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 77—83; Котович В. Г. Некоторые вопросы древней металлургии меди в связи с проблемой зарождения железной металлургии на Кавказе. — СА, 1977, № 3, с. 69—78; Котович В. Г. О времени и путях широкого распространения железа на Северном Кавказе. — Изв. СКНЦВШ, обществ. науки. Ростов-на-Дону, 1978, № 3, с. 17—24; Котович В. Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982, с. 165—212; Давудов О. М. К вопросу о материальной культуре и производстве древнего Дагестана. Махачкала, 1968, с. 5—8; Магомедов С. М. К вопросу о культурных связях племен Дагестана с племенами Северного Кавказа и степей Юго-Восточной Европы в эпоху средней бронзы. — В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 65—78; Магомедов С. М. К вопросу о металлопроизводстве в Дагестане в III—II тыс. до н. э. — В кн.: Пятое Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Махачкала, 1975; Магомедов С. М. К вопросу о местном металлургическом очаге в Древнем Дагестане. — В кн.: Археология Северного Кавказа: VI Крупновские чтения в Краснодаре: Тез. докл. М., 1976, с. 35—36; Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 175; Корневский С. Н. О металле эпохи ранней бронзы в Дагестане. — В кн.: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978, с. 39—45; Корневский С. Н. О металле могильника Гинчи эпохи средней бронзы. — В кн.: Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980, с. 37—46; Мирзоев Р. Н. Вооружение племен Северо-Восточного Кавказа в III—II тысячелетии до н. э. — Автореф. дис.... канд. ист. наук. Тбилиси, 1978, с. 11—15.

рассмотреть некоторые материалы о древних разработках сидеритовых руд в горном Дагестане и их первоначальном использовании.

В Дагестане богатые залежи сидеритовых руд⁴. Здесь известны три большие группы сидеритовых месторождений. Наиболее значительная среди них — Южнодагестанская, в которую входят крупные залежи: Присамурская, Казардикамская, Текиндагская, Штульская. Другая — Центральнодагестанская группа имеет две залежи: Кокмачайскую (в верховьях р. Казикумухское Койсу, недалеко от сел. Кули и Хосрех) и Каракойсунскую (по реке Багар-ор и прилегающему к ней участку реки Кара-Койсу, неподалеку от сел. Ругуджа и Куядинских хуторов). Северодагестанскую группу образует Чиркатинская и Присулакская залежи, расположенные на территории Буйнакского района, между селениями Кафыр-Кумух и Зурама⁵. Кроме этих крупных залежей сидеритовых руд, на территории Дагестана встречается много и менее значительных их выходов (рис. 1).

Залежи сидеритовых руд в виде сплошных масс, или стяжений — сферосидеритов — часты в естественных обнажениях. Они легко доступны для разработки и весьма легкоплавки⁶. При костровом обжиге облочков сферосидеритов из них нетрудно изготовить минеральную краску — охру. Есть все основания полагать, что именно для изготовления такой краски и использовались первоначально сидеритовые руды и сферосидериты. И в этой связи нельзя не обратить внимания на такой интересный факт — районы известных сейчас в горном Дагестане местонахождений древних рисованных наскальных изображений довольно точно совпадают с расположением двух основных групп сидеритовых месторождений: Северодагестанской и Центральнодагестанской. При этом Чиркатинской залежи сидеритовых руд в Северодагестанской группе соответствуют несколько местонахождений древних наскальных изображений в окрестностях сел. Чирката (Харитани-I, Харитани-II, Хизани, Нуц/цабада), Каракойсунской залежи в Центральнодагестанской группе — месторождения древних наскальных изображений Гунибского района (Чувал-Хвараб-нохо, Чинна-Хитта, Рукдал-Хит, Ботлоб-нохо), а вокруг Кокмачайской залежи Центральнодагестанской группы располагаются Каринское местонахождение древних наскальных изображений в Лакском районе и 17 местонахождений в Дахадаевском районе. И только на территории Южнодагестанской группы сидеритовых залежей пока еще не производилось планомерных поисков древних наскальных изображений, хотя сведения о встреченных там рисунках, исполненных красной краской, уже имеются.

Совершенно ясно, что такое совпадение не может быть случайным. В нем, очевидно, можно усматривать свидетельство того, что сидеритовые руды, особенно сферосидериты, служили основным сырьем для по-

⁴ Викторов А. Ф., Гиммельрейх В. А., Львов П. Л., Микулич И. Н., Эльдаров М. М. Дагестанская АССР. 1958, с. 33, 34; Гюль К., Власова С., Кисин И., Тертеров А. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959, с. 57, 58.

⁵ Халифа-заде Ч. М., Аббасова С. М. Сидеритовые залежи Дагестана. М., 1963, с. 13—15, 27—28, 41—44, 52, 73—74, рис. 3.

⁶ Мхитаров Н. К. Железная руда.— В кн.: Секровища недр Северного Кавказа. Пятигорск, 1937, с. 88, 92.

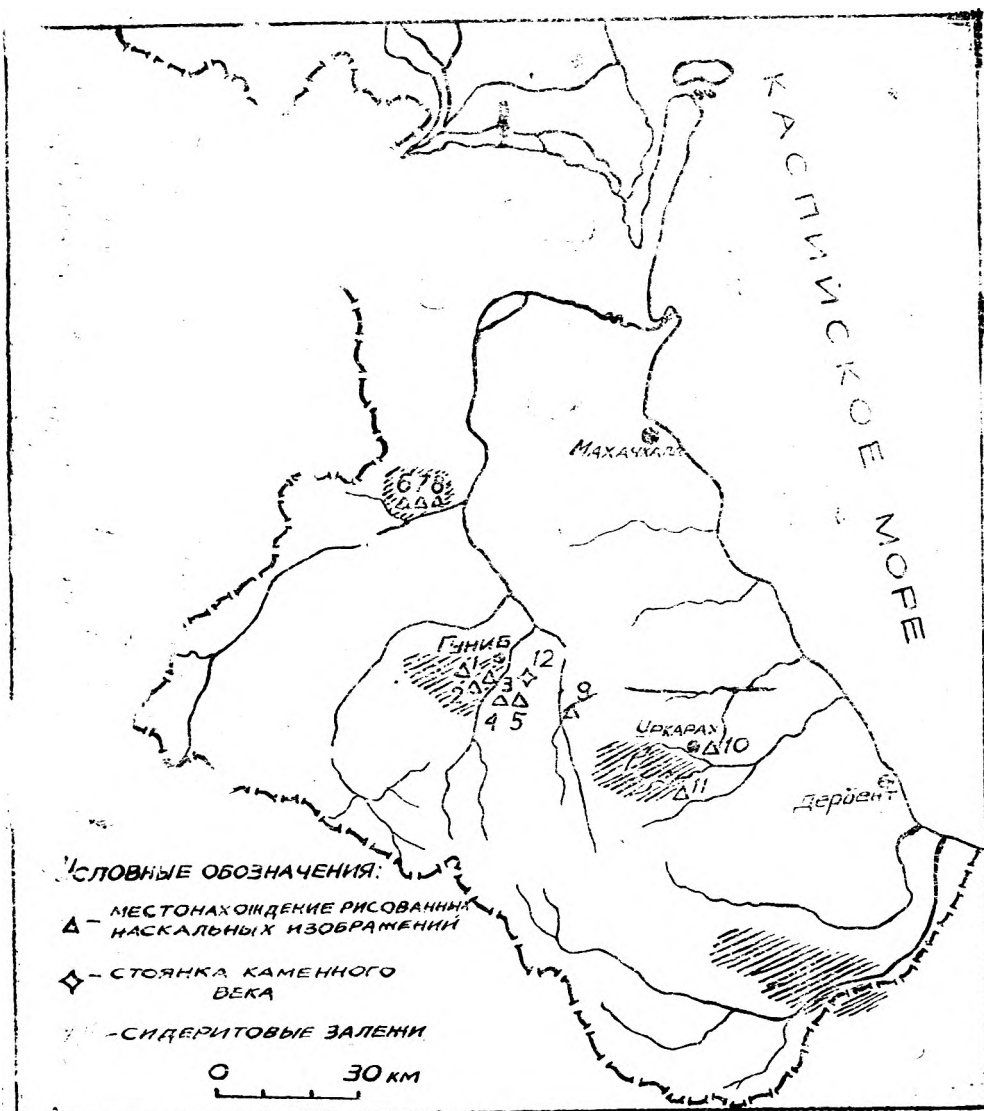

Рис. 1. Расположение основных залежей сидеритовых руд в Дагестане (по Ч. М. Халифа-заде): 1—3 — сел. Ругуджа, 4—5 — сел. Согратль, оба — Гунибский район; 6—8 — сел. Чирката, Гумбетовский район; 9 — сел. Кара, Лакский район; 10 — сел. Трисанчи, 11 — хутор Санжи, оба — Дахадаевский район; 12 — Чохская стоянка, Гунибский район.

лучения минеральных красок. По имеющимся в настоящее время в нашем распоряжении археологическим данным, использование сильно обожженных оболочек сферосидеритов для получения минеральной краски (служившей и для рисунков на скалах, и для раскрашивания

тела участников ритуальных обрядов, и для различных тагуировок) началось в горном Дагестане еще в раннем мезолите и широко практиковалось здесь вплоть до середины I тысячелетия н. э.⁷ Первоначально сидериты обжигались на открытых кострах. Позднее для этих целей служили весьма своеобразные «мастерские», где обжиг производился не только на кострах, но и в небольших сферических лунках, образовывавшихся прямо в скале по мере выборки и использования выступавших на ее поверхность округлых сидеритовых конкреций.

Рассмотрим эти материалы .

Самые ранние из них находятся в высокогорном Гунибском районе Дагестана, на Турчидагском плато, сложенном плотными известняками. Каньонообразные русла нескольких горных потоков глубоко прорезали здесь известняки, в обнажениях которых во множестве встречаются сферосидериты⁸. И это неудивительно, так как Гунибский район и Турчидагское плато входят в Каракойсунскую залежь Центральнодагестанской группы сидеритовых месторождений⁹.

Кострища для обжига сферосидеритов были выявлены в мезолитическом слое Чохской стоянки. Характерной особенностью этого слоя на западном участке стоянки была насыщенность его комочками минеральной краски — охры, отличающейся богатым разнообразием оттенков цветов: желтого, светло-оранжевого, карминно-красного, темно-бордового и коричневого. Отдельные комочки охры достигали сравнительно крупных размеров — до 2,5 см. Здесь же в большом количестве встречены обломки оболочек сферосидеритов, значительная часть которых несет явные следы пребывания в огне. Они были, вероятно, сырьем для изготовления охры. Растирание обожженных оболочек сферосидеритов производилось на специальных терках, найденных у кострища. Они представляют собой удлиненные песчаниковые гальки, нередко расколотые вдоль длинной оси (рис. 2, 4). В углублениях поверхности раскалывания обычно находятся следы втертой туда минеральной краски, не оставляющие сомнений в назначении этих орудий и знакомящие со способом приготовления тертых красок. Найден и пест для растирания краски, сделанный из небольшого обломка сланцевой плитки. Его широкие стороны и боковые края от длительного употребления имеют вид неправильных граней различной величины и формы. На каждой из них отчетливо видны параллельно направленные неглубокие бороздки, — следы линейного движения песта в работе (рис. 2, 2).

В одном кострище обнаружены участки красновато-коричневой охристой массы, образованной распавшимися в процессе прокалывания обломками оболочек сферосидеритов, а также много настолько сильно прокаленных таких обломков, что при незначительном нажиме они распадаются и легко поддаются растиранию. Очевидно, расчищенные здесь кострища представляли собой специальные открытые очаги, пред-

⁷ Котович В. М. Опыт классификации древних писаниц горного Дагестана.— Б кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 30—47.

⁸ Шукин И. Очерки геоморфологии Кавказа. 4, 1. Большой Кавказ.— Тр. НИИ географии. М.: МГУ, 1926, т. I, с. 152—153.

⁹ Халифа-заде Ч. М., Аббасова С. М. Сидеритовые залежи..., с. 13—15, 27—28, 41—44, 52, 73—74.

назначенные для обжига оболочек сферосидеритов, из которых изготовлялась минеральная краска¹⁰.

Подобного рода кострища специального производственного назначения обнаружены на территории нашей страны еще в палеолитических памятниках¹¹. Известно, что изготовление минеральных красок широко практиковалось в верхнем палеолите и мезолите. В инвентаре некоторых памятников этого времени встречаются краскотерки и песты¹². Однако на Кавказе, насколько можно судить по опубликованным данным, они впервые встречены в Дагестане, на Чохской стоянке.

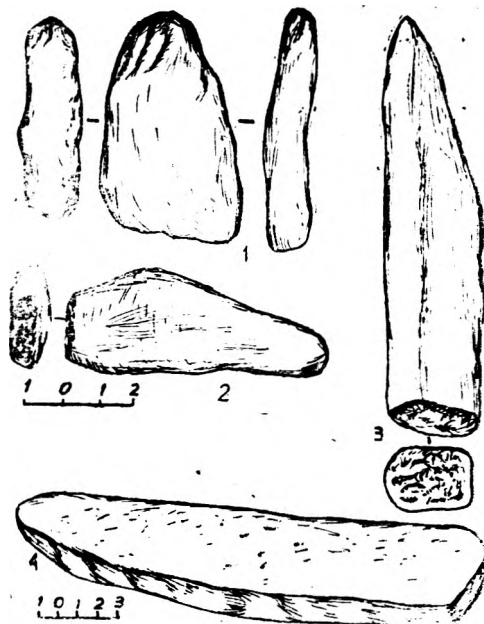

Рис. 2. Песты и терки для растирания обожженных сферосидеритов. 1, 2, 3 — песты; 4 — терка; 1, 2, 4 — Чох, 3 — Чувал—Хвараб-нохо.

В этой же связи весьма любопытно было бы рассмотреть особенности расположения местонахождения древних наскальных изображений Чувал-Хвараб-нохо. Памятник этот находится в том же Гунибском районе, что и Чохская стоянка, на расстоянии примерно 8—9 км от нее и около 5 км от другой, мезолитического времени, стоянки — Козьма-

¹⁰ Котович В. Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964, с. 115—116.

¹¹ Ефименко П. П. Костенки. М.; 1958, т. 1, с. 140—141.

¹² Рогачев А. Н. Александровское поселение древнекаменного века у сел. Костенки на Дону.—МИА, 1955, № 45, с. 72, 75; Семенов С. А. Первобытная техника.—МИА, 1957, № 54, с. 164—170; Черныш А. П. Поздний палеолит среднего Приднестровья.—Тр. Комис. по изуч. четверт. периода. М., 1959, т. 15, с. 173.

нохо. Есть предположение, что названный грот с древними рисунками мог быть одним из святилищ, находящихся в пределах охотничьих угодий обитателей этих стоянок¹³.

Урочище Чувал-Хвараб-нохо находится в долине р. Багар-ор, северо-западного притока Кара-Койсу. Сланцевые края этой долины расчленены выходами мощных пластов крепких известняков на несколько ярусов. Над одним из известняковых обнажений здесь нависает небольшой козырек скального выступа, образуя грот Чувал-Хвараб-нохо. Вертикальная поверхность скального обнажения внутри грота очень неровная, бугристая, с многочисленными выщербинами и сферическими углублениями и лунками — явными следами разрушенных сферосидеритов. Пласты плотного известняка на нем перемежаются узкими горизонтальными прослойками выходов сидеритовых, железистых пород. На втором снизу известняковом выходе располагается глубокая сферическая полость, с покрывающими ее стены древними рисунками — Чувал-Хвараб-нохо («Пещера, где нарисованы лошади»), — давшая название всему урочищу. Перед полостью находится очень узкая гори-

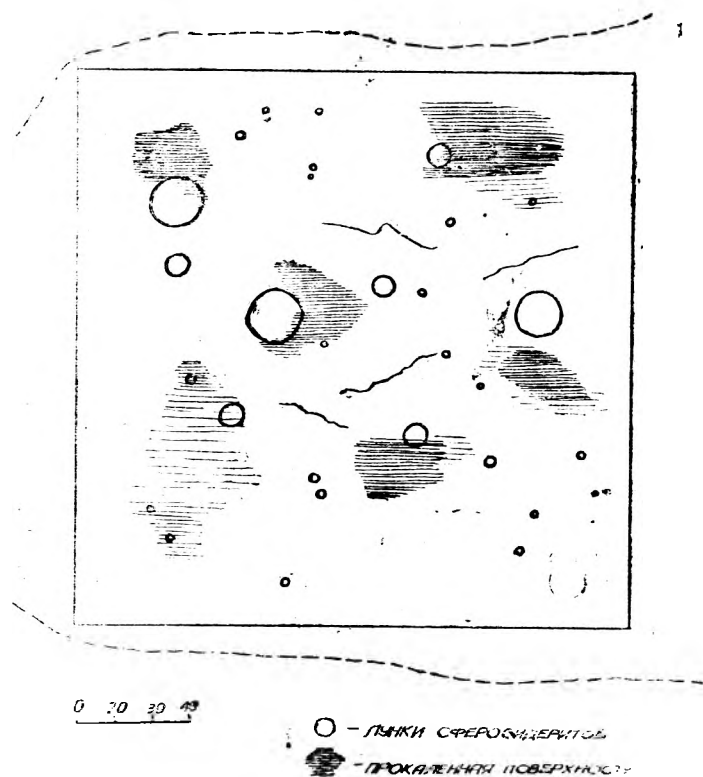

Рис. 3. Мастерская у местонахождения Чувал-Хвараб-нохо.

¹³ Котович В. М. Древнейшие писанницы горного Дагестана. М., 1976, с. 61, 91.

горизонтальная площадка, служащая как бы «полом» грота, а дальше склон, протяженностью метров 20, довольно круто падает вниз, к сравнительно небольшой поляне, примыкающей к краю глубокого ущелья долины Багар-ор. Эта поляна, как и все окружающие ее склоны, хорошо задернована — здесь зона альпийских лугов. В процессе поисков возможного культурного слоя вокруг местонахождения древних наскальных изображений на поляне был заложен разведочный раскоп. Раскопом сняли дерн и обнажили скальное основание поверхности на площади 9 м². На этом небольшом участке оказалось 3 больших (диаметром 20—25 см) и 5 средних (диаметром от 7 до 10—12 см) лунок от разрушенных сферосидеритов и множество мелких сферосидеритов, выступающих над поверхностью (рис. 3). Около и внутри крупных лунок отмечены бурые, с красноватым оттенком пятна, что в сочетании с трещинами на дне лунок, вероятнее всего, свидетельствует о воздействии огня. Здесь же было найдено несколько мелких полуобгоревших обломков сферосидеритов и крупная продолговатая темно-серая галька, в порах оббитого конца которой заметны следы темнокрасной краски (рис. 2, 3). Вероятно, она служила пестиком, которым разбивали и толкли в лунках обожженные куски сферосидеритов для получения краски охры.

Как сами описанные находки, так и особенности их расположения дают достаточно веские основания, для того, чтобы определить их как следы бывшей здесь «мастерской» для изготовления красок. В таком случае заманчиво было бы связать весь этот комплекс, находящийся в непосредственном соседстве с гротом Чувал-Хвароб-нохо, с деятельностью создателей древних наскальных изображений на его стенах.

Такая мастерская была здесь, рядом с древним святилищем, более чем уместна, если учитывать постоянную потребность в минеральной краске охре, нужной не только для создания рисунков, но и находившей широкое применение при совершении различных обрядовых ритуальных действий, регулярно происходивших около святилища. Первобытные святилища, на стенах которых в рисунках запечатлевались какие-то деяния тотемических предков, календарные знаки, отмечавшие важные в жизни людей события, святилища, в которых происходили сокровенные обряды и церемонии посвящения и совершались магические обряды приумножения промысловых животных, способствовавшие благополучию общин, занимали очень большое место в жизни первобытных коллективов. Участники таких церемоний обычно раскрашивали себя красками, нанося на тело различные сакральные знаки и символы.

Сырье для изготовления минеральной краски охры, крайне необходимой, чтобы обеспечивать активное функционирование святилища Чувал-Хвароб-нохо имелось в изобилии вокруг в виде сферосидеритов, а также прослоек и линз сидеритовых руд в коренных известняковых породах.

Таким образом, остатки «мастерской» по изготовлению минеральной краски охры, найденные около святилища Чувал-Хвароб-нохо, так же как и подобный комплекс Чохской стоянки, документируют знакомство мезолитических охотников горного Дагестана с изготовлением

такой краски; они использовали для этой цели выходящие на поверхность сидеритовые рудопроявления.

К неолитическому времени можно отнести следы производства из сферосидеритов минеральной краски охры, обнаруженные вблизи Хаританского «святилища» с наскальными рисунками этого времени¹⁴ Урочище Харитани, где сделаны находки, расположено неподалеку от сел. Чирката Гумбетовского района, в глубине Салатавского хребта. Геологически этот район входит во внутренний горный известняковый Дагестан и является как бы «ядром» Чиркатинской залежи в Северодагестанской группе сидеритовых месторождений.

Чтобы добраться до грота-«святилища», нужно подниматься по узким расщелинам между глыб камнепада, по лишенным почвы и растительности «голым» скальным складкам, на которых хорошо просматривается немало разноразмерных сферосидеритов. Да и в самом гроте, на очень ровной вертикальной поверхности скалы с изображениями, тоже находится несколько включений сферосидеритов сравнительно небольших размеров, сосредоточенных преимущественно на левой половине скалы, выше уровня древних рисунков. Рисунки исполнены охрой различного цвета от оранжево-желтого до коричневого и темно-бордового.

На всем протяжении большого подъема здесь есть только две небольшие узкие горизонтальные скальные площадки, верхняя из которых ступенькой выдвинута перед гротом, другая же, находящаяся примерно посредине этого подъема, служила, вероятно, своеобразной «мастерской» для изготовления красок, которыми разрисовывались стены грота.

К такому заключению можно прийти, присмотревшись к характеру скальной поверхности на этой площадке. Площадка имеет протяженность 4,1 м, при ширине 2,5 м. Скальная поверхность площадки достаточно ровная, как бы сглаженная, а местами даже приобрела естественную залощенность. На этой поверхности, однако, во множестве выступают сферосидериты разной величины, с диаметрами от 6—8 до 20 и даже — 25 см. Значительное количество самых крупных сферосидеритов сосредоточено на северном (правом по ходу подъема) участке площадки, где большая часть их разрушена — от них фактически остались только лунки. Здесь же сохранилась легкая красноватая окрашенность поверхности площадки, причем в некоторых лунках такая окрашенность выражена значительно больше, их поверхность трещиновата и на дне встречаются небольшие обгорелые кусочки оболочек сферосидеритов (рис. 4). Допустимо предположить, что именно в этих лунках могли обжигать оболочки сферосидеритов для получения из них охры, как это довольно широко практиковалось и раньше, и в более позднее время.

Обращает на себя внимание сходство условий расположения этих своеобразных «мастерских» как около святилища Чувал-Хвараб-нохо, так и близ святилища Харитани. И это сходство, помимо приближенности «мастерских» непосредственно к пределам гротов-святилищ,

¹⁴ Котович В. М. Древнейшие писаницы..., с. 81—90.

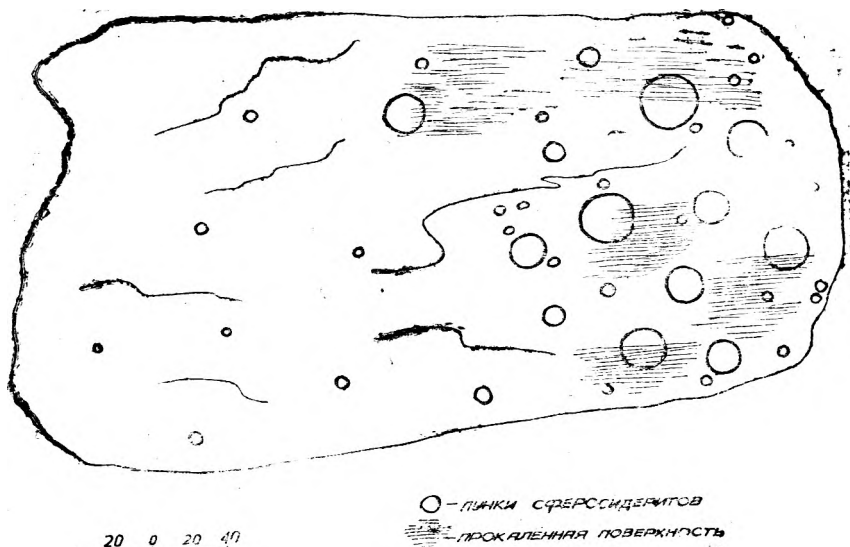

Рис. 4. Мастерская у местонахождения Харитани.

определяется еще и неперменным нахождением здесь же, на месте, сырья для изготовления охры — сферосидеритов и других мелких поверхностных сидеритовых рудопроявлений. Факт такого сходства позволяет видеть в нем уже сложившуюся и устоявшуюся на протяжении тысячелетий традицию, которой придерживались не только охотники в глубокой древности, но ее восприняли в последующем и ранние земледельцы горного Дагестана.

Не была забыта и в последующие исторические эпохи традиция устройства мастерских по изготовлению минеральной краски охры вблизи древних святилищ, отмеченных наскальными росписями. И сырьевой базой для них, как правило, служили выходящие здесь на поверхность сферосидериты и различные другие мелкие поверхностные проявления сидеритовых руд.

Одна такая мастерская была обнаружена вблизи так называемых Анадинских местонахождений наскальных изображений в Гунибском районе, который, как уже отмечалось выше, находится на территории Каракойсунской залежи Центральнодагестанской группы сидеритовых месторождений. Обнажения слагающих известняковых пород выступают здесь несколькими ярусами, образующими ступенчатый водораздел между Кара-Койсу и ее левым притоком Бец-ор. Местонахождения наскальных изображений приурочены ко второму ярусу обнажений. Они представляют собой две большие группы древних рисунков в урочищах Рукдал-хит и Ботлоб-нохо, в ближайших окрестностях ругуджинского хутора Анада. Изображения в урочище Рукдал-хит многослойны и датируются в широком хронологическом диапазоне — от эпохи ранней бронзы вплоть до раннего средневековья. Изображения

урочища Ботлоб-нохо создавались в пределах одной исторической эпохи — эпохи средней бронзы.

Наибольший интерес в плане нашей темы представляет местонахождение Ботлоб-нохо. Оно занимает господствующую над долиной Кара-Койсу высоту и своеобразным «амфитеатром» открыто к реке. На верхнем уровне большого скального обнажения, на широком зеркале скалы, обращенном к востоку, находится много изображений, расположенных широким поясом, занимающим значительную площадь около 20 м².

В расположении этого местонахождения нельзя не отметить чрезвычайно интересную деталь — непосредственно перед нарисованным на скале «поясом» изображений находится огромная каменная глыба почти правильных квадратных очертаний. Она воспринимается как какое-то специальное сооружение типа трибуны (рис. 5). Стоящий на

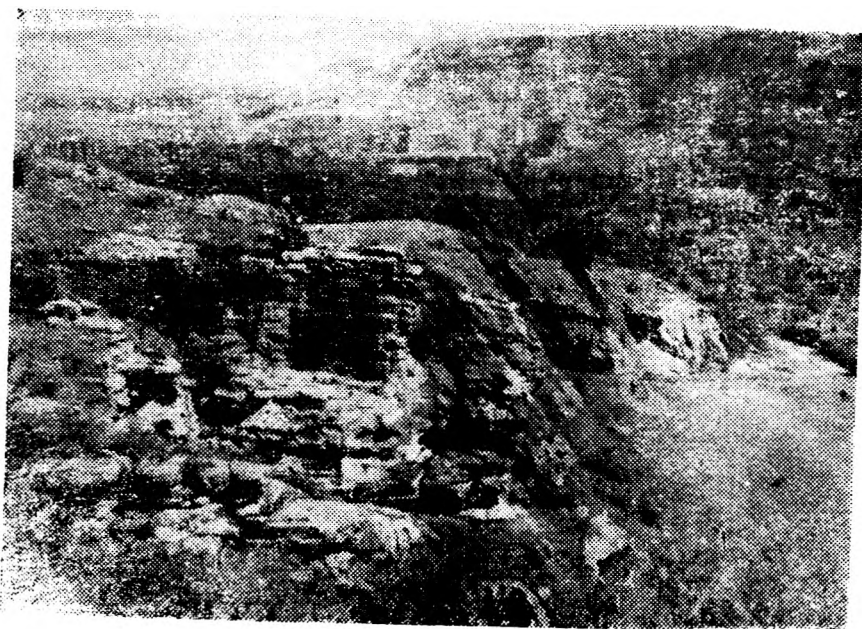

Рис. 5. Местонахождение Ботлоб-нохо.

ней имел бы за спиной «экран» с изображениями, а перед собой — огромную, амфитеатром спускающуюся аудиторию. Трудно представить, чтобы такое естественно необычайно удобно устроенное место не было использовано в древности в культовых целях. И, конечно, неоспоримым свидетельством культового по назначению использования этого природой созданного «храма», святилища, является самый факт нахождения здесь изображений. Участок скалы с изображениями образован очень плотными известняками и представляется в виде единого монолита с почти идеально выровненной поверхностью, покрытой плотным слоем

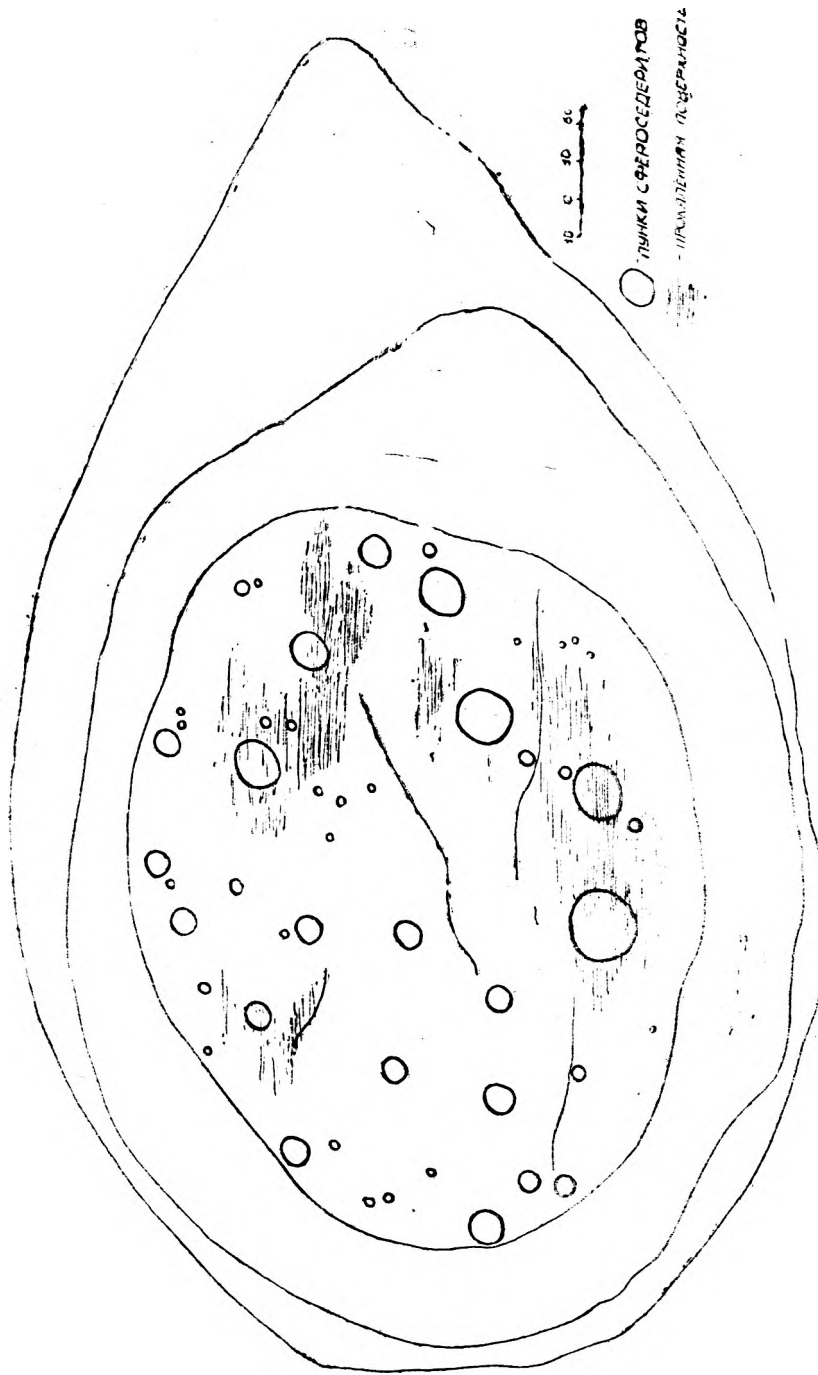

Рис. 6. Мастерская у местонахождения Ботлоб-нохо.

пустынного загара и без каких-либо посторонних включений. На гладкой светло-бежевой поверхности скалы четко и ярко выделяются рисунки, выполненные охрой красного, коричневого и желтого цветов различных оттенков. Впечатление необычайности и таинственности окружающего пейзажа здесь усиливается как бы нарочно помещенными по боковым склонам останцами, причудливой формой напоминающими фантастических животных, стерегущих древнее святилище.

На расстоянии около 200 метров к юго-западу от этого святилища (в сторону святилища Рукдал-хит), на третьем ярусе известняковых обнажений, содержащем множество мелких поверхностных сидеритовых рудопроявлений, была найдена совершенно горизонтальная выровненная скальная площадка округлых очертаний размером 30 м² (6×5 м). Вся поверхность площадки покрыта множеством вкрапленных в нее крупных и мелких сферосидеритов (рис. 6). Диаметры сферосидеритов от 15 до 25—30 см. Весьма характерно, что оказалось разрушенным большинство крупных сферосидеритов, тогда как сферосидериты небольшого размера сохранились в большей части и по сей день.

Можно с уверенностью полагать, что в данном случае перед нами остатки древней мастерской по производству минеральной краски охры. А крупные сферосидериты, находящиеся на этом горизонтальном скальном обнажении, вероятнее всего и были использованы для приготовления этой краски. Именно здесь, на скальной площадке, весьма наглядно и отчетливо видно, что округлые выемки-лунки из-под сферосидеритов использовались и для дробления конкреций, и для их обжига, и для растирания полученных таким образом «полуфабрикатов» краски. Потому что внутренние поверхности лунок красновато-серого цвета, и местами на них заметны пятна ошлакованности и глубоко прокопченные трещины — следы одновременного воздействия огня и высоких температур, а на дне трех таких лунок были отмечены остатки мелкодробленных обгорелых оболочек сферосидеритов. Кое-где и на поверхности скалы, особенно около лунок, отмечается легкая красноватая окрасченность и трещиноватость — свидетельство постоянного соприкосновения с огнем и раскаленными массами веществ, выгребаемых из лунок после обжига.

К сожалению, здесь не удалось найти орудий труда, связанных с производством красок, — например, нестов для дробления конкреций перед обжигом и растирания обожженных оболочек сферосидеритов в порошок. Да это и неудивительно, если учесть, что мастерская находилась на совершенно открытом скальном обнажении.

И в данном случае мы можем рассматривать образование комплекса: святилище и мастерская по производству красок, как пример продолжения уже сложившейся прежде в горном Дагестане традиции такого близкого их соседства на базе находящихся здесь же поверхностных сидеритовых рудопроявлений.

Примером подобной же традиции может, вероятно, служить и «трисанчинский регион древнего наскального искусства в Дахадаевском районе, где в небольшой округе, ограниченной селениями Трисанчи, Зильбачи, Кудагу, Зубанчи, обнаружено 14 местонахождений с более чем тремя тысячами рисунков — едва ли не половина всех известных

дагестанских петроглифов. Основная масса этих изображений датируется раннеземледельческим периодом и эпохой раннего железа¹⁵.

Дахадаевский район входит в зону расположения Кокмачайской залежи сидеритовых руд — одной из крупнейших в Дагестане¹⁶. А это обстоятельство определенным образом сказалось на некоторых деталях здешнего микрорельефа и облика многих скальных обнажений. Они испещрены множеством глубоких раковистых полостей различного размера, образовавшихся в результате размыва и выпадения из поверхностных пластов скальных пород сферосидеритов и других рудосодержащих конкреций. В результате, на таких обнажениях нередко можно наблюдать причудливый рельеф поверхности, напоминающий гигантские пчелиные соты. Чаще всего именно в таких крупных раковистых полостях скальных обнажений и находятся древние рисунки, прикрытые от непогоды своеобразными «козырьками» сферической поверхности (рис. 7). Очевидно, что одной из основных причин широкого распро-

Рис. 7. Раковистые полости скальных обнажений в окрестностях сел. Трисанчи (Дахадаевский район).

¹⁵ Котович В. М. Опыт классификации..., с. 39—40.

¹⁶ Халифа-заде Ч. М., Аббасова С. М. Сидеритовые залежи..., с. 13—15, 27—28.

странения на данном участке древних рисованных наскальных изображений можно считать именно наличие здесь богатых запасов легко доступного сырья, из которого путем несложной обработки легко добывалась необходимая для этого минеральная краска. О том, что здесь же и изготовлялась краска можно судить по встреченным под несколькими такими сферическими навесами с древними рисунками обгорелым кускам дробленых конкреций и следам долговременного воздействия огня, а в некоторых местах даже и по ошлакованности их скального пола. Если к тому же учесть, что большинство сферических гротов с рисунками и следами добычи краски находилось здесь на скальных обнажениях в глухих труднодоступных ущельях, предпочитаемых обычно для укрытия древних святилищ, то нельзя не признать, что и в данном случае перед нами комплекс: святилище и мастерские по производству красок, продолжающий прочно сложившуюся традицию их близкого соседства в зоне нахождения поверхностных выходов сидеритовых рудопроявлений.

Подобная же картина фиксируется и в Санжинском гроте с древними рисунками раннеземледельческого времени и эпохи раннего железа, находящемся также в зоне расположения Кокмачайской залежи сидеритовых руд, в верховьях р. Уллу-чай.

Такое раннее, как зафиксировано нашими памятниками, традиционное использование сидеритовых рудопроявлений в Дагестане первоначально для получения красок важно и интересно еще и потому, что в нем неизбежно были заложены возможности зарождения истоков железоделательного производства. Как уже отмечалось выше, сидериты весьма легкоплавки и восстановление железа из таких руд может происходить при довольно низких температурах, в пределах $230\text{--}500^{\circ}$ ¹⁷. При их костровом обжиге, а особенно при обжиге в лунках из-под сферосидеритов, в отдельных случаях могли возникать условия, подобные тем, которые обеспечивали восстановление железа при способе его получения в глиняных горшках на открытых кострах, широко практиковавшемся в Восточной Европе¹⁸. А так как обжиг сидеритов для получения краски производился довольно регулярно, то повторяемость таких случаев, когда происходило и восстановление небольших количеств железа, могла быть относительно частой.

Наглядно устанавливаемая таким образом связь между обжигом сидеритов и образованием железа, была, по-видимому, довольно рано замечена местными металлургами и использована ими в практических целях¹⁹. И об этом свидетельствуют известные археологические факты. Подтверждением выплавки железа сыродутным способом из сидеритов считаются находки железных шлаков на Нижнесигитминском поселении (Кизилюртовский р-он), которое датируется не позднее середины II тысячелетия до н. э. Эти находки являются древнейшими на

¹⁷ Лукас А. А. Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1958, с. 372.

¹⁸ Стоякова Н. Н. Появление железа и первые способы его получения.— Тр. Ин-та ист. естествозн. и тех.-ки. М., 1960, т. 33, с. 236—239.

¹⁹ Котович В. Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982, с. 201.

Кавказе свидетельствами овладения местными металлургами сыродутным способом добычи железа²⁰.

В I тысячелетии до н. э. железоделательное производство в Дагестане получило широкое распространение, о чем можно судить в том числе и по географии памятников, где оно зафиксировано. Остатки мастерской по выплавке железа из сидеритовых руд (следы горнов, железные шлаки, сопла) известны на Аркаском городище (Буйнакский р-он)²¹. Железные шлаки найдены на Макинском поселении (Докузпаринский р-он)²², кучи шлаков (остатки мастерской) находятся вблизи Хабадинского могильника (Гунибский р-н)²³, следы добычи и первичной обработки железной руды есть и около селений Дуги (Акушинский р-он), Капкайкент (Каякентский р-он)²⁴ и др. В данном случае важно отметить, что все названные памятники приурочены соответственно к основным местонахождениям крупных сидеритовых залежей Дагестана, уже неоднократно упоминавшимся выше.

Разработка этих залежей практиковалась и в последующие времена. Активно действующий очаг железной металлургии известен в раннесредневековый и средневековый периоды в бассейне среднего течения р. Кара-Койсу (куда территориально входит и рассмотренная выше мастерская по производству охры близ святилища Ботлоб-нохо). Следы этого очага в виде россыпей обломков шлаков и железной руды, а также обломков глиняных сопел, встречаются особенно часто в районе к западу от сел. Ругуджа и на Куядинских хуторах²⁵, то есть в зоне распространения Каракойсунской залежи Центральнодагестанской группы сидеритовых месторождений.

Итак, все рассмотренные здесь материалы свидетельствуют о том, что разработка сидеритовых руд в горном Дагестане началась в глубокой древности — еще с эпохи мезолита здесь широко практиковался костровый обжиг оболочек сферосидеритов, из которых затем изготавливалась минеральная краска охра. Одним из далеко идущих последствий такой практики можно считать возникавшую при этом возможность раннего знакомства с металлургическим железом, которое при определенных условиях могло в небольших количествах образовываться при таком обжиге. И как показывает все дальнейшее историческое развитие дагестанского общества, возможность эта довольно рано была реализована, способствуя широкому распространению здесь железоделательного производства.

---

²⁰ Котович В. Г. Проблемы культурно-исторического..., с. 202—203.

²¹ Пикуть М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, с. 52, 89.

²² Там же, с. 89.

²³ Давудов О. М. К вопросу о материальной культуре и производстве древнего Дагестана (X—IV вв. до н. э.). Махачкала, 1968, с. 6.

²⁴ Исаков М. И. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966, с. 25, № 302; 63, № 807; Давудов О. М. К вопросу о материальной..., с. 6—7; Давудов О. М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974, с. 120.

²⁵ Криштопа А. Средневековый очаг металлургии в бассейне Кара-Койсу.— В кн.: Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980, с. 233.

КОСТЯНАЯ БУЛАВКА С ЗООМОРФНЫМ НАВЕРШИЕМ ИЗ БЕРИКЕЙСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ

В 1972 году отрядом Северокавказской археологической экспедиции Института этнографии АН СССР в Дагестане, в селе Берикей был расчищен большой каменный ящик, сложенный из шести обработанных плит ракушечника и ориентированный с запада на восток.

В этом каменном ящике были погребены два человека. Здесь же найдена железная цепь с бронзовыми ворворками. Множество бисера, раковины каури, стеклянные и каменные просверленные местные ракушки составляли большое ожерелье. На фалангах одной из рук обнаружены бронзовые и железные кольца. В ногах стоял красноглиняный сосуд; в разных местах встречались костяные четырехгранные наконечники стрел. В головах лежал железный нож и костяная орнаментированная булавка с зооморфным навершием. Датируется погребение VI—V вв. до н. э.¹

Среди этих памятников данного погребения особенного внимания заслуживает костяная булавка лопатовидной формы с зооморфным навершием, которая в художественном отношении является наиболее интересным памятником древнего прикладного искусства, обнаруженным на территории Дагестана.

Остановимся на зооморфном изображении, украшающем булавку. Булавка имеет плоское лопато- или весловидное навершие, которое представляет собой хищника, пантеру, барса или волка — коротконового, сутулого, с отвислым животом, толстый круп его переходит в длинный хвост, который представляет собой иглу булавки. Впрочем, хвост не был виден, когда булавка использовалась по назначению — скрепляла одежду или прическу: булавка местами даже заложились от длительного употребления². Эта ритмичная композиция, выполненная в технике гравировки, резьбы по кости, строго подчинена контуру булавки, лопатовидному навершию и не мешает восприятию формы предмета в целом.

Несмотря на условность и схематизм изображения, можно заметить, что художник-косторез стремился к реалистической передаче особенностей животного — насколько это позволяла первоначальная форма лопато- или весловидной булавки и желание не уменьшить ее прочность. Так, он показал изогнутость (вогнутость) спины, быть мо-

¹ Нечаева Л. Г., Кривицкий В. В. Погребение скифского времени у сел. Берикей. — МАД, 1978, т. 8, с. 136—144.

² Общая длина изделия свыше 11 см (кончик хвоста-иглы не сохранился), дл. животного до иглы — 4,5 см, шир. — 2 см.

Рис. 1. Костяная булавка с зооморфным навершием из Берикейского погребения.

жет, потому, что имел в виду образ животного, подобного изображенным на кобанских топорах. Но, применяясь к форме весловидной булавки, вытянул хвост и показал только концы лап... Морда животного, в отличие от плоского туловища, имеет объемную трактовку: над заостренным овалом торчат нависающие вперед уши, что почти натуралистически передает черты морды кошачьего хищника внимание которого направлено вперед. Однако рот (пасть) даже не намечен, глаз — в виде глубокой ямки — «точки» обозначен только с одной стороны, являвшейся лицевой. Орнамент нанесен также только с одной стороны (тыльная сторона не видна при употреблении булавки, поэтому только лишь выравнена). Неподвижную, статичную, несколько застывшую в движении фигуру животного с отвислым животом и короткими ножками художник постарался на лицевой стороне оживить с помощью врезного орнамента. И орнамент совершенно преобразует животное.

Два параллельных глубоких желоба с врезанными в них ямками окаймляют туловище животного — спину и отвислый живот—и, загибаясь, вливаются в короткий выступ передней ноги. Изгиб желобков как бы удлиняет ногу вверх и... создает впечатление длинной, изогнутой, прижатой к груди мягкой пластинчатой лапы. Этот мотив повторяется и на крупе животного, где желобок с ямками и параллельная ему линия ямок огибают контур и смыкается с выступом задней ноги, превращая и её также в изогнутую лапу, прижатую к животу. Таким образом, контур животного и покрывающий его орнамент подчинены одному художественному замыслу, что резко отличает берикейскую булавку от гравированных изображений кобанского круга, различны также и основные стилистические особенности берикейского и кобанского изображений.

Моделировка тела животного с помощью углубленных и выпуклых линий, кружков, точек и завитков, иногда повторяющих контур плоской скульптуры, а иногда выделяющих отдельные части тела животного и усиливающих мускулатуру, силовые и магические качества изображаемого животного, широко практиковались в скифском и савроматском искусстве, придавая изделиям черты, объединяющие их художественно в скифо-сарматском зверином стиле.

Вероятно, древний косторез был хорошо знаком с образцами так называемого скифского и сарматского искусства — звериного стиля —

и стремился животному, вырезанному на лопато-весловидном навершии булавки, придать черты хищника кошачей породы — пантеры, барса или волка, столь часто изображавшихся в искусстве скифов и савроматов³.

Однако морда животного лишена изображения клыков или зубов, широко раскрытой оскаленной пасти — этого неперменного атрибута кошачьего хищника, свойственного скифскому и савроматскому искусству и произведениям искусства из знаменитого Саккызского клада⁴. Немоделированная морда гораздо ближе местной северокавказской металлической пластике, в которой преобладают изображения вполне мирных животных — быков, коней, баранов, козлов, оленей и т. д. Гравированные изображения кобанского круга, как это можно видеть на памятниках кобанской культуры, в частности на бронзовых топорах, значительно отличаются от пластики как трактовкой, так и позой животного⁵.

Все это свидетельствует в пользу того, что берикейская булавка является продуктом творчества местного мастера, художника-костореза; а также уникальным, единственным в своем роде великолепным образцом прикладного искусства, одним из шедевров (без преувеличения будет сказано) так называемого звериного стиля, пока еще не имеющего аналогий среди памятников древнего искусства не только Дагестана, но и вообще Кавказа и других районов нашей страны. Сочетание средств пластики, объемной круглой скульптуры (голова) и плоскостного изображения (туловище) с умелым использованием гравировки придает предмету своеобразную выразительность и ощущение непосредственности мировосприятия мастера, заимствовавшего сюжет, но не следовавшего шаблону скифо-сарматского звериного стиля. Это характерно и другим изделиям — булавкам, изготовленным из бронзы, которые были широко распространены на Северном Кавказе в эпоху бронзы и раннего железа и являлись предметами сугубо местного производства и употребления⁶. Булавка из Берикейского погребения служила своего рода застежкой, скрепляла одежду, но вместе с тем являлась украшением. О чем свидетельствует и кавказская этнография, утверждающая, что некоторые кавказские народы закалы-

---

³ Местные классические образцы звериного стиля представлены, например, костяными гребнями курганов у сел. Гойты и находками предметов, выполненных в зверином стиле из других местностей Северного Кавказа.— См.: *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, рис. 2, 5, 7, 4—6, 14, 18, 23, 22, 30, 20, 21, 62. 6; *Давудов О. М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974, табл. XIX.

⁴ *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1967, рис. 78—80. *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. М.: Л., 1966, рис. 13—15, 17; Ghirschman Inap. München, 1963, fig. 137, 142, 143, 147.

⁵ *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа.— МАК, 1900, т. 8, табл. I—III.

⁶ *Гаджиев М. Г.* О бронзовых булавках Дагестана эпохи бронзы.— С. А., 1964, № 4, с. 187—189; *Виноградов В. Б.* Указ. соч., рис. 39, 11, 17, 40, 41; 3—5, 7; 50, 18—20.

вали, скрепляли свою одежду большой костью, напоминающей булавку⁷.

Что же касается животного, украшающего берикейскую булавку — по-видимому, волка, пантеры или барса, — то это весьма почитаемые звери на Кавказе⁸.

Булавка могла представлять собой культовый знак, являться апотропеем, оберегом, принадлежать какому-либо лицу, наделенному сакральными полномочиями, заменять собой жезл или другой символ сакральной власти, используемый во время религиозно-магических обрядов. Поэтому мастер неслучайно так, весьма условно, предельно схематично, стилизованно трактовал животное, чтобы еще больше придать ему магический смысл. Реальный же образ, очевидно, не интересовал художника, создавшего это замечательное произведение древнего косторезного искусства, обнаруженное на территории Советского Дагестана.

---

⁷ Об этом нигде в публикациях не сообщается: пользуясь случаем, хочу поблагодарить за это сообщение этнографа-кавказоведа, заведующего отделением Кавказа ГМЭ Е. Н. Студенецкую.

⁸ Услар П. К. Кое-что о словесных произведениях горцев.— ЭК., 1888, т. 2, с. 81—84. В одной из героических кавказских песен поется:

Мы родились той ночью,
Когда шенилась волчица,
А имя нам дали утром
Под барса рев заревой...

СТОЛОВАЯ КЕРАМИКА ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА
РУБЕЖА АЛБАНСКОГО
И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ВРЕМЕНИ

Керамика Южного Дагестана рассматриваемого времени (III—V вв.), как и позднеалбанского и раннесредневекового периодов в целом, изучена еще довольно слабо. Однако необходимо отметить большую значимость работ А. А. Кудрявцева по изучению керамических комплексов Дербента. Им была дана общая характеристика керамики албанского и раннесредневекового (сасанидского) периодов, выявлены наиболее характерные формы и типы изделий, бытовавших в Дербенте в это время, установлено распространение красноангобированной керамики «в период, связанный с отложением второго слоя албанского времени» (I—III вв.), отмечено незначительное наличие в слоях Дербента середины I тыс. н. э. сероглиняной керамики, характерной для кочевых племен Северного Кавказа и свидетельствующей «о проникновении в район Дербентского прохода определенного процента степняков». А. А. Кудрявцевым исследована керамика сасанидского периода истории Дербента, отмечено ее существенное отличие от керамики албанского периода, выявлены две ее хронологические группы: ранняя, датируемая V—VI вв., и поздняя — VI—VII вв.¹

В основу настоящей статьи положены также материалы керамических комплексов Дербента позднеалбанского и раннесредневекового времени, добытых Дербентской археологической экспедицией ИИЯЛ (нач. А. А. Кудрявцев), керамических комплексов из могильников Южного Дагестана рассматриваемого времени близ сел.: Цнал, Чувек (обследования М. И. Исакова), Яраг, Сардаркент, Кулиф (раскопки и обследования М. И. Пикуль), Ашага-Стал-Казмаляр (раскопки А. Р. Магомедова), Ново-Мака (курган Кухмазкунт — раскопки О. М. Давудова), Паласа-сыртского могильника (раскопки В. Г. Котовича) и случайно обнаруженные изделия².

Реконструкция форм сосудов проводилась как по крупным фрагментам, немногочисленным целым экземплярам, так и по аналогичным изделиям, происходящим из других археологических объектов Дагестана. Для отдельных типов и видов изделий удалось выяснить их основные пропорции. Работа над относительной хронологией керамики

¹ Кудрявцев А. А. Древний Дербент (опыт историко-археологического изучения). — Автореф. дис... канд. ист. наук. Махачкала, 1975, с. 13, 14, 19, 20; *Он же*. Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976, с. 33—35, 37—39, 44, 45, 63—68, 87, 88; *Он же*. Древний Дербент. М., 1982, с. 58, 81, 110—113.

² Автор приносит благодарность А. А. Кудрявцеву, О. М. Давудову и А. Р. Магомедову за разрешение использовать неопубликованные материалы раскопок.

была облегчена уже проведенными А. А. Кудрявцевым исследованиями над стратиграфией Дербента.

Сопоставление керамических фрагментов из стратифицированных слоев Дербента с целыми экземплярами из других памятников Дагестана позволяет не только более четко представить форму изделий, их типологию, но и уточнить датировку некоторых типов и видов керамики.

Задачи, которые ставятся в данной работе состоят:

1) в уточнении типологии и хронологии столовой керамики Южного Дагестана на основе керамических комплексов Дербента с привлечением материалов из других памятников Южного Дагестана;

2) в выявлении локальных особенностей развития местного керамического ремесла;

3) в выявлении уровня развития керамического ремесла в исследуемое время;

4) в установлении характера и направления культурных связей Дербента и Южного Дагестана с другими территориями на рубеже албанского и раннесредневекового времени;

5) в установлении связи изменения керамического производства Южного Дагестана с историческими событиями, происходившими в тот период на территории Дагестана.

Вся керамика по своему назначению разделена на четыре класса: кухонная, столовая, тарная и строительная. Настоящая статья посвящена столовой керамике, самой многочисленной и разнообразной, составляющей 55,4% от общего количества керамических изделий³.

В столовой керамике выделено три основных группы.

Кувшины. Основным принципом деления этой группы керамики на типы явилась форма горловины. Это объясняется тем, что основные пропорции у абсолютного большинства кувшинов примерно одинаковые: соотношение высоты и ширины тулова равно 1:1 или 1:0,9, соотношение высоты тулова с высотой горловины 1:0,3—0,6, т. е. кувшины в массе имеют шаровидное округлое тулово с высокой горловиной. Кувшины с низкой горловиной выделены в отдельный тип.

Емкость небольших кувшинов 0,8—1 л, самых крупных до 8 л. Все кувшины плоскодонные (табл. III, 12—17).

К типу I относятся широкогорлые кувшины с высокой цилиндрической горловиной (табл. I, 1—7). Диаметр горловины от 7 до 13 см, высота 4—8 см; по форме венчика выделяются два вида.

Вид 1. Кувшины с прямым невыделенным, слегка заостренным или чуть утолщенным венчиком (табл. I, 5—7). Тесто этих кувшинов кремового, желто-коричневого, коричневого цвета. В качестве примесей применялся шамот для повышения огнестойкости глины при ее обжиге. Многие экземпляры изготовлены без гончарного круга, некоторые недообожжены. Эти кувшины, как правило, имеют густое ангобное покры-

---

³ При определении количественного соотношения различных групп керамики, количество строительной не учитывалось. Статистические подсчеты, как и стратиграфические наблюдения проводились по материалам раскопа II, заложенного в цитадели Дербента.

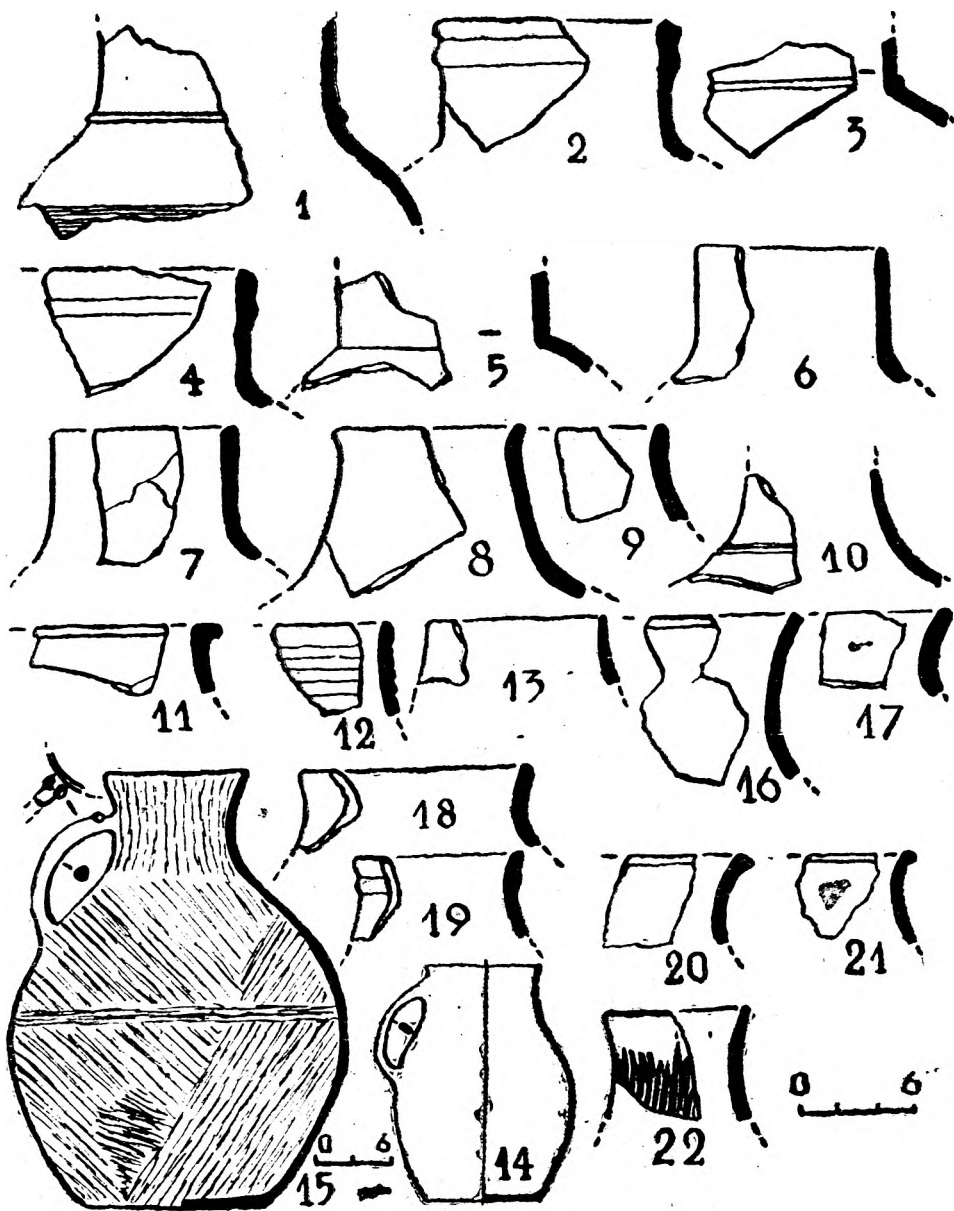

Табл. I. Кувшины (14 — сел. Ашага-Стал—Казмаляр; 15 — курган Кухмазкунт).

тие красных тонов (от светло-красного до коричневого) и ленточные ручки, которые крепятся одним концом к тулову, другим — к венчику или чуть ниже. Некоторые ручки, так называемые коленчатые, имеют в верхней части, в месте крепления к горловине, горизонтальную площадку для пальца. Эти кувшины хорошо известны по материалам из позднеалбанских слоев памятников центрального Дагестана⁴.

Вид 2. Кувшины с утолщенным наружу, иногда двух- или трехваликовым венчиком (табл. 1, 2, 4). Тесто красное, реже коричневое, хорошей отмучки и равномерного обжига. Примеси отсутствуют, некоторые фрагменты имеют остатки белого легкоотслаивающегося ангоба. Все обнаруженные фрагменты этих кувшинов сформованы на гончарном круге, возможно, ножном, о чем свидетельствует характерная волнистая поверхность кувшинов, образовавшаяся при быстром вращении круга. Ручки округлой, иногда Г-образной формы, в сечении круглые, овальные. У этих кувшинов горловина часто резко отходит от тулова, а место перехода от тулова к горловине отмечено или валиком (одним, реже двумя) или углублением (бороздкой) (табл. 1, 1, 3). Синхронные аналогии этим кувшинам на остальной территории Дагестана нам неизвестны. Кувшины с подобными рифлеными венчиками рифленым основанием горловины распространяются в верхних слоях Андрейаульского городища (VII—VIII вв.) на заключительном этапе его бытования, но они отличаются цветом черепка и составом теста⁵. Более близкие аналогии им известны в позднеантичной и раннесредневековой керамике Переднего Востока, Средней Азии и Закавказья⁶.

Кувшины типа II имеют широкую, высокую, конусообразную горловину, расширяющуюся к тулову (табл. 1, 8—14). Диаметр верхней части горловины (венчика) 7—11 см, нижней — 9—13 см. По своим параметрам они сходны с кувшинами типа I.

Здесь также выделяются два вида: кувшины с прямым невыделен-

⁴ *Маммасв М. М.* Ремесло Дагестана албаино-сарматского и раннесредневекового времени (по материалам раскопок Урцекского городища ДАЭ в 1960—1964 гг.): Дис..., канд. ист. наук. М., 1971.—Архив ИА АН СССР, р-2, № 2065, с. 35, рис. 1, 6; с. 63—64; рис. 8, 4; *Он же.* Знаки на керамике Урцекского городища.—МАН. Махачкала, 1973, т. 3, с. 89, рис. 1, 10; *Абрамова М. П.* Буйнакский курган.—В кн.: Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980, с. 122, 123, рис. IV, 6—8, 10; с. 124, рис. VI, 16—18; с. 126, рис. VII, 2.

⁵ *Глырл Л. Б.* Столовая керамика Андрейаульского городища (типология и стратиграфия).—В кн.: Средневековые древности сарматских степей. М., 1980, с. 113, рис. 6, 1, 2, 8—12.

⁶ *Рутковская Л. М.* Античная керамика древнего Мерва.—Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1962, т. II, с. 74, рис. 10, 1, 4, 7, 8; с. 102, рис. 14, 1—5, 7, 8; *Неразик Е. Е.* Керамика Хорезма афригидского периода.—В кн.: Керамика Хорезма.—ТХАЭ. М., 1959, с. 229, рис. 1, 9, 10; с. 242, рис. 6, 3; *Левина Л. М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н. э. М., 1971, с. 126, рис. 40, 5, 6, 11, 22—24, рис. 42, 23, 29, 30, 34, 35; с. 126, рис. 48, 4; с. 155, рис. 53, 19, 20, 63; *Заурова Е. З.* Керамические печи VII—VIII вв. на городище Гяур-кала старого Мерва.—Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1962, т. 11, с. 200, рис. 19, 2, 17; с. 202, рис. 20, 3, 11, 12; с. 203, рис. 21, 27; *Вандов Р. М.* Мингечаур в III—VIII вв. Баку, 1961, табл. VI, 2; *Казиев С. М.* Историко-археологическое обследование Кабалы.—МКА. Баку, 1965, т. 5, с. 59, табл. IX, 2; *Чилашвили Л. А.* Городище Урбинси. Тбилиси, 1964, табл. XII, 4; Ghirshman R. Begram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kouchans.—MDAFA. t. 12. Caire, 1946, pl. LIV, 65, 66.

ным венчиком (табл. I, 12—14) и со слегка отогнутым наружу и чуть утолщенным венчиком (табл. I, 8—11).

Одни кувшины этого типа по технологии изготовления, структуре, качеству и цвету теста, ручкам, внешнему оформлению сходны с кувшинами типа I, вида I, другие — по аналогичным признакам — сближаются с кувшинами типа I, вида 2.

Кувшины второго типа широко представлены в керамике позднеалбанского и раннесредневекового времени Центрального Дагестана⁷. Подобной формы кувшины известны были на Кавказе и в Средней Азии⁸.

Тип III составляют кувшины с высокой, широкой горловиной, плавно расширяющейся к тулову и венчику (табл. I, 15—22). Диаметр отогнутого наружу венчика (8—12 см) часто равен диаметру нижней части горловины. В узкой части горловина имеет диаметр 6—10 см. Высота горловины также 6—10 см.

Вид 1. Кувшины с невыделенным, иногда чуть утоньшенным венчиком (табл. I, 15—18, 22). Тесто этих кувшинов желто-коричневого, коричневого, темно-серого цвета, иногда с примесью шамота, мелкозернистого песка. Некоторые экземпляры имеют густое красное, красно-коричневое ангобное покрытие. Сероглиняные кувшины ангобом не покрывались, но имели сплошное или полосчатое лощение. Из катакомбы кургана Кухмазкунт (III—VI вв.) происходит целый сероглиняный кувшин. Внешняя поверхность его покрыта вертикальными, наклонными лощеными полосками, а в месте наибольшего расширения тулова — тремя горизонтальными полосками. Ручка кувшина, круглая в сечении, имеет в верхней части по бокам два небольших пуговичных налета, придающих ей зооморфный вид. Сосуд с аналогичной ручкой известен из погребения II—III вв. н. э. Моздокского могильника, подобные им известны и по памятникам Прикубанья первых веков н. э.⁹ Ручки с двумя небольшими круглыми налетами в верхней части распространяются в верхнем слое (VII—VIII вв.) Андрейаульского городища¹⁰.

Вид 2. Кувшины с утолщенным наружу, профилированным венчиком (табл. I, 19—21). Среди этих кувшинов имеются сосуды, сходные по цвету, структуре теста, обжигу, внешнему оформлению с кувшинами

⁷ Пиккуль М. И. Хабдинский могильник — МАД. Махачкала, 1961, т. 2, с. 148, 151, 157; табл. X, 8; Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент. — МАД. Махачкала, 1961, т. 2, с. 170, рис. 7, № 22; с. 215, рис. 33, № 112; с. 216, рис. 40, № 124; Атаев Д. М. Археологические исследования в горном Дагестане осенью 1962 г. — МАД. Махачкала, 1973, т. 3, с. 53, рис. 5, 9; Маммаев М. М. Ремесло Дагестана..., рис. 8, 3; Абрамова М. П. Буйнакский курган, с. 121, рис. V, 41; с. 122

⁸ Кузнецов В. А. Атланские племена Северного Кавказа. — МИА, 1962, № 106, рис. 27, А, 4; рис. 27, Б, 2; Толстова В. Материалы к истории Иберского царства в последние века I тыс. до н. э. — МАГК. Тбилиси, 1971, т. 3, табл. IV, 4, 5; Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи..., с. 59, рис. 13, 21, 22; с. 108, рис. 32, 17, 23; Литвинский Б. А. Керамика из могильников Западной Ферганы (первое тысячелетие н. э.). М., 1973, табл. 4, 4, 6, 8, 12; табл. 6, 1, 4, 11; табл. 21, 6, 10.

⁹ Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, с. 77; с. 206, рис. 33, 1.

¹⁰ Глыр Л. Б. Столовая керамика Андрейаульского городища, с. 118; с. 119, рис. 8, 1—3; с. 130.

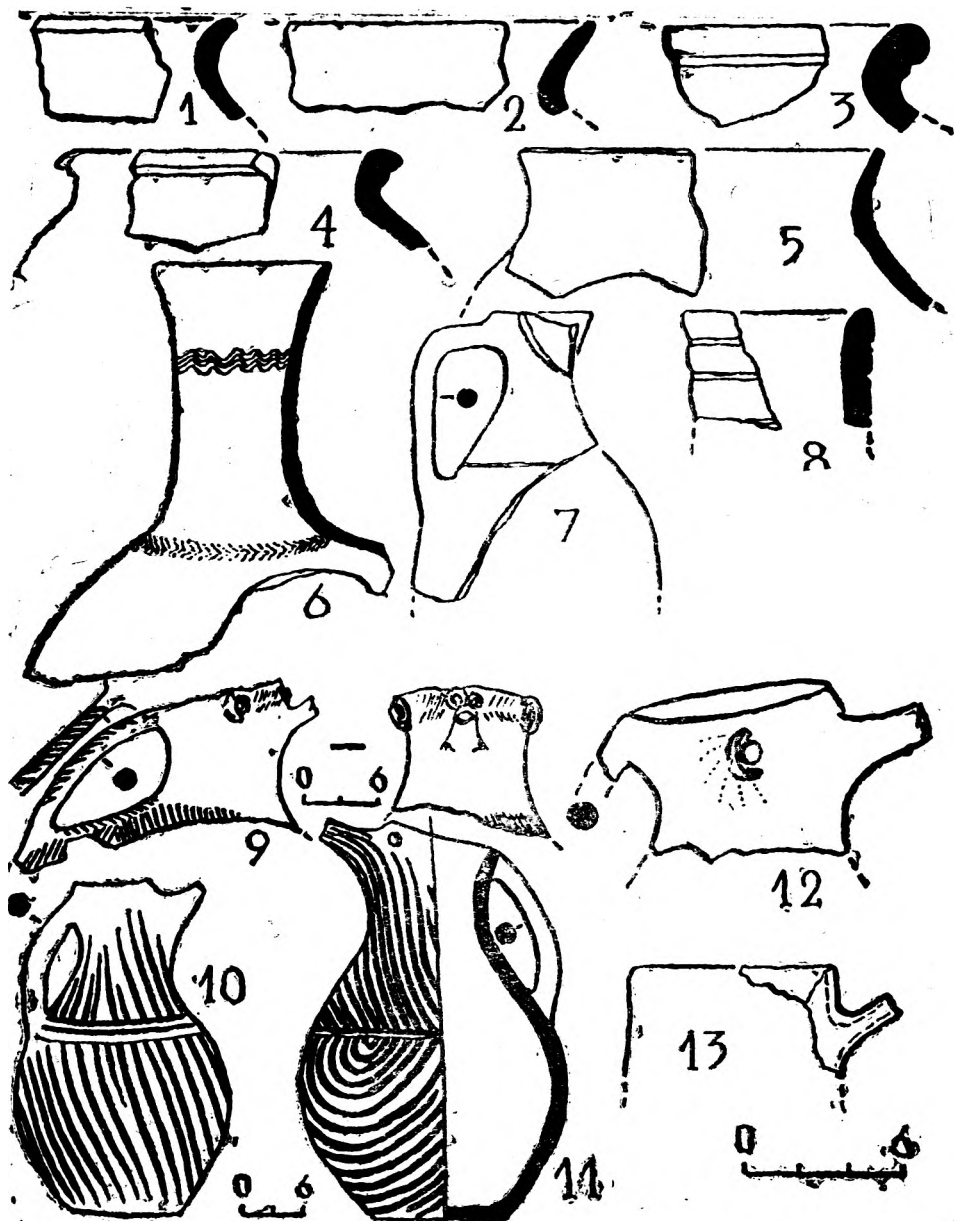

Табл. II. Кувшины (10 — сел. Цнал; 11 — сел. Ашага-Стал—Казмаляр).

предыдущего типа, и сосуды, отличающиеся более высоким качеством изготовления: хорошей отмучкой, без примесей, звонким черепком и красным обжигом. Последние часто имеют более профилированные венчики.

Красноангобированные кувшины этого типа, как и подобные им других типов, имеют прямые аналогии с кувшинами из памятников Центрального Дагестана исследуемого времени¹¹. Кувшины аналогичной формы представлены в позднеантичной и раннесредневековой керамике Закавказья и Средней Азии¹².

Тип IV представлен кувшинами с низкой горловиной и отогнутым наружу венчиком (соотношение высоты тулова и высоты горловины менее 1:0,3) (табл. II, 1—5). Диаметр венчика от 7 до 12 см, высота горловины 3—5 см. Разделены на два вида: кувшины с невыделенным, иногда чуть утоньшенным венчиком (табл. II, 1, 2, 5) и с венчиком, утолщенным наружу, часто округлым в профиле (табл. II, 3, 4). Судя по целым экземплярам, происходящим из других районов Дагестана¹³, они имели по две ленточные или овальные вертикальные ручки, которые крепились на противоположных сторонах в месте наибольшего расширения тулова или чуть выше.

Кувшины этого типа имеют темно-коричневое, желто-коричневое тесто иногда с красным ангобным покрытием.

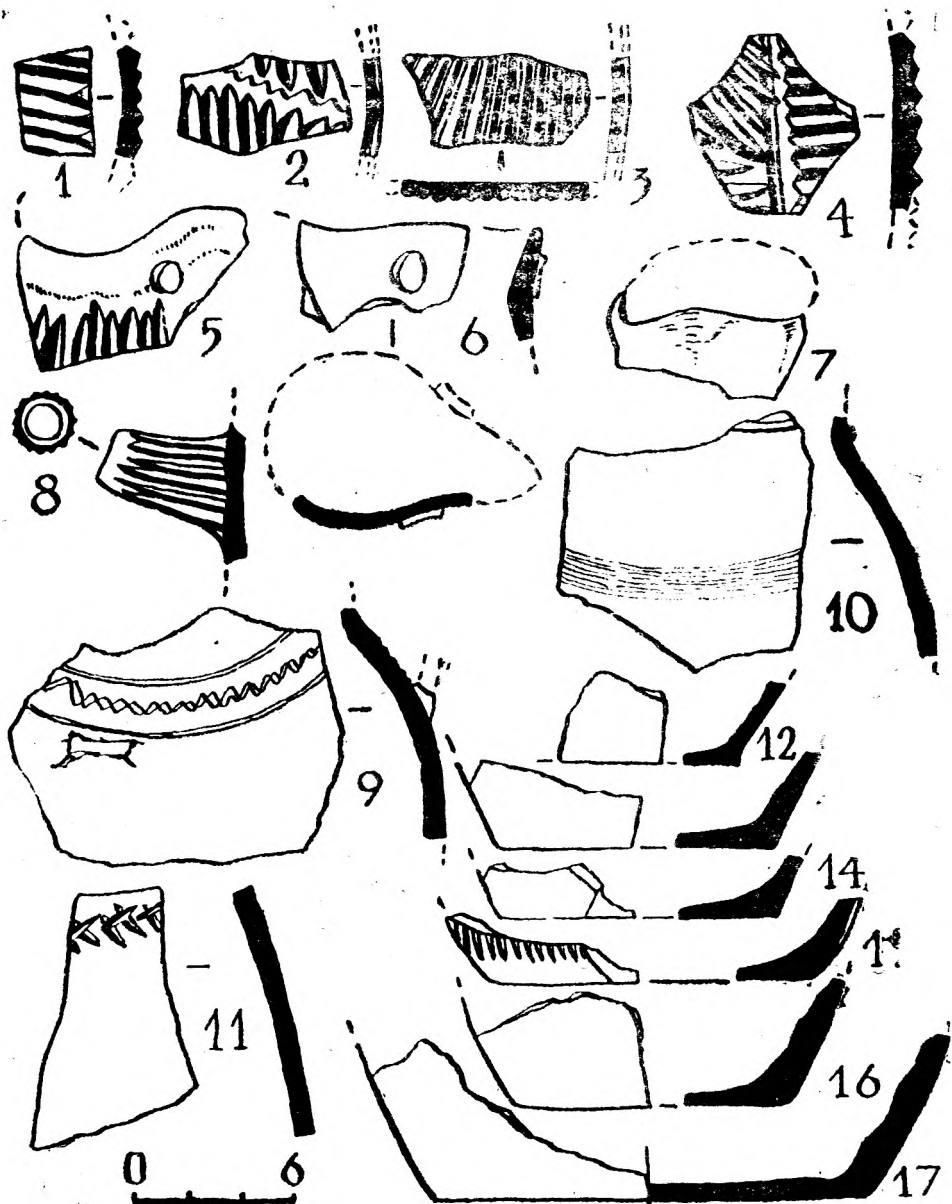
Кувшины типа V характеризуются узкой высокой горловиной (табл. II, 6—8). Этот тип самый малочисленный и представлен лишь несколькими фрагментами, происходящими из слоев Дербента сасанидского времени. Они имеют плавно отогнутый наружу, слегка утолщенный или утоньшенный венчик. Диаметр венчика 4—7 см, диаметр горловины в узком месте 3,5—6 см, высота горловины 6—10 см. Тесто кувшинов красного цвета, хорошо промешано, без примесей, равномерно обожжено. Встречен лишь один сероложенный фрагмент рифленой горловины подобных кувшинов (табл. II, 8). Он аналогичен кувшинам с рифленой горловиной Андрейаульского городища¹⁴. Некоторые кувшины имели Г-образные ручки, круглые в сечении, которые крепились одним концом чуть ниже венчика, а другим — к тулову (табл. II, 7).

¹¹ *Мамаев М. М.* Ремесло Дагестана..., с. 35, рис. 1, 5; *Исиков М. И.* Археологические памятники Дагестана.— МАД. Махачкала, 1959, т. 1, с. 232; табл. IV, 1, 3; *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники..., с. 191, рис. 21, № 238; с. 192, рис. 22, № 279; с. 210, рис. 35, № 82; *Мамаев М. М.* Знаки на керамике..., с. 89, рис. 1, 8; *Атаев Д. М.* Археологические исследования..., с. 52, рис. 2, 3.

¹² *Ваидов Р. М.* Мингечаур в III—VIII вв., табл. VI, 1, 3, 7, 8; *Толордава В.* Материалы к истории..., табл. IV, 3—5; *Чилишвили Л. А.* Городище Урбинси, табл. XXI, 1, 2, 4; табл. XXII, 2—5; *Неразик Е. Е.* Керамика Хорезма..., с. 229, рис. 1, 6—9; *Рутловская Л. И.* Античная керамика..., с. 80, рис. 12; *Дьяконов М. М.* Археологические работы в нижнем течении реки Кафирингана (Кобадан).— МИА, 1953. № 3, с. 291, рис. 27; *Кацурис К., Буряков Ю.* Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы.— ТЮТАКЭ. Ашхабад, 1963, т. 12, с. 143, рис. 14, 3, 8, 9, 16; с. 144, рис. 15; с. 145, рис. 16, 37, 47, 49.

¹³ *Магомедов А. Р.* Результаты археологических разведок на территории Ногайской степи и р. Манас (1975 г.).— В кн.: Проблемы социально-экономического и политического развития Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1978, с. 48, табл. II, 1—3, 5.

¹⁴ *Гмыря Л. Б.* Столовая керамика..., с. 113, рис. 6, 9—12.

Т а б л. III. Кувшины: венчики, стенки, донца.

Кувшины с такими ручками были широко распространены в античное и раннесредневековое время в странах Переднего Востока и Средней Азии¹⁵. В Южном Дагестане (Дербент) они получают широкое распространение в VIII—XIII вв.

Кувшины VI типа схожи с кувшинами III типа, т. е. имеют высокую широкую горловину, плавно расширяющуюся к тулову и венчику (табл. II, 9—13). Но в отличие от последних кувшины VI типа имеют в верхней части горловины сливные носики длиной 3—6 см. По бокам носика горловина украшалась пуговичными налечами, что придавало сосуду зооморфный вид (табл. II, 9, 11, 12). С противоположной стороны крепилась овальная ручка круглого сечения одним концом к верху горловины, другим — к тулову.

Кувшины этого типа, различающиеся по технике изготовления, составу, цвету черепка и обжигу, по приемам орнаментации — признакам, являющимся хронологическими показателями, разделяются на три группы.

Немногочисленную группу составляют красноангобированные кувшины с желто-коричневым, красноватым, коричневатым тестом с примесью шамота, песка (табл. II, 13). В большинстве своем они изготовлены вручную, почти неорнаментированы. Эти кувшины характерны для памятников центрального Дагестана позднеалбанского времени.

Для другой группы характерны как лепные, так и гончарные кувшины с хорошо промешанным и равномерно обожженным тестом красного или коричневого цвета. Поверхность их сплошь покрывалась характерными вдавленно-прочерченными бороздками типа каннелюров (табл. II, 9, 11, табл. III, 8). Встречено несколько фрагментов стенок сероглиняных изделий с такой орнаментацией. Для нанесения подобно го орнамента, видимо, использовали плоский удлиненный инструмент с дугообразным срезом, шириной от 0,3 до 2 см. Возможно, что в некоторых случаях каннелюры мастер наносил пальцами. Направление каннелюров различно: вертикальное, горизонтальное, наклонное, хаотичное. Много фрагментов, отличающихся тщательностью орнаментации, четкими равномерными вертикальными или горизонтальными каннелюрами. В этих случаях они весьма напоминают металлические каннелюрованные ритоны и сосуды античного Востока¹⁶.

Кувшины с такими каннелюрами помимо Южного Дагестана, распространены в памятниках первой половины — середины I тыс. н. э. Северного Азербайджана, в особенности его северо-восточной части¹⁷, и

¹⁵ Рутковская Л. М. Античная керамика... с. 74, рис. 10, 6—9, 11; с. 102, рис. 11, 1—3, 8; Кацурис К., Буряков Ю. Изучение ремесленного квартала..., с. 141, рис. 15; с. 145, рис. 16, 37, 39, 50, 55; Мережин Л. Н. К характеристике керамических печей периода рабовладения и раннего средневековья в Мервском оазисе.— ТЮТАКЭ. Ашхабад, 1962, т. 11, с. 37, рис. 20, 8.

¹⁶ Луконин В. Г. Искусство Древнего Ирана. М., 1977, с. 80, 81, 121; Фрой Р. Наследие Ирана. М., 1972, илл. 121—123.

¹⁷ Халилов Дж. А. Археологические памятники I тысячелетия у с. Худжбала в Азерб. ССР.— СА, 1965, № 3, с. 165, рис. 1, 3; Он же. Раскопки на городище Хьныслы, памятнике древней Кавказской Албании.— СА, 1962, № 1, с. 218; Халилов Дж. А., Аразова Р. Б., Ахундов Т. И., Кошкарлы К. О. Новые памятники Северо-Восточного Азербайджана.— В кн.: Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1978 г.). Баку, 1982, с. 27.

известны в Ирагинской гробнице V в. (Дахадаевский район ДАССР)¹⁸. Фрагменты сосудов с подобной орнаментацией начинают встречаться в Дербенте в слое переходного (от албанского к раннесредневековому) периода. Судя по их стратиграфическому положению и аналогиям, эти кувшины могут быть датированы IV—V вв. Позднее их вытесняют аналогичные сосуды с носиками, но с технически более простой и разнообразной линейно-волнистой врезной орнаментацией.

Последние составляют третью группу кувшинов этого типа. Они изготовлены исключительно на гончарном круге, имеют тонкий и звонкий черепок красного и коричневого цвета, ровный обжиг. Украшались они многорядными горизонтальными, волнистыми и вертикальными линиями у основания горловины и по плечикам. Часто эти кувшины помимо пуговичных налепов украшались налипными ушками, придававшими кувшину еще большее сходство с изображаемым животным (поросенком) (табл. II, 9, 12).

Последний, VII тип, один из самых многочисленных, составляют кувшины с высокой горловиной, завершающейся энохоевидным венчиком (табл. IV). Эти кувшины имеют высоту от 15 до 40 см, причем для крупных кувшинов характерна более низкая горловина (соотношение высоты тулова и высоты горловины 1:0,3—0,42), а для мелких — более высокая (соотношение 1:0,5—0,6). Эти кувшины также снабжались по бокам слива пуговичными налестками. Ручка крепилась на противоположной сливу стороне.

Кувшины этого, как и кувшины предыдущего типа, различаются по технике изготовления, составу теста, цвету черепка и обжигу, приемам орнаментации и по этим признакам делятся на группы аналогичные предыдущим. Это — лепные, в большинстве, красноангобированные с желто-коричневым тестом и сероглиняные кувшины (1) (табл. III, 6, 7), лепные и гончарные с каннелюрами (2) (табл. III, 5) и гончарные красноглиняные высококачественные кувшины с врезным линейно-волнистым орнаментом (3) (табл. IV). Последние, как и соответствующие им по вышеперечисленным декоративно-технологическим признакам кувшины VI типа, дополнялись иногда зооморфными украшениями в виде налипных ушек (табл. IV, 3).

Гончарные красноглиняные кувшины с врезным линейно-волнистым орнаментом, нанесенным, как правило, на плечики сосуда, получили широкое распространение на территории Южного Дагестана в раннем средневековье.

Чаш и. Основным принципом деления чаш на типы и виды служит форма тулова и венчика соответственно. По своим размерам чаши различны: диаметр венчика от 13—15 см до 26—27 см, при высоте чаш до 8—9 см. Толщина стенок чаш от 0,6 до 1,4 см. Чаши имеют плоское, чаще широкое дно. Все обнаруженные фрагменты чаш сделаны на гончарном круге.

Тип I, наиболее многочисленный, представлен чашами с округлым туловом, плавно расходящимися от дна стенками (табл. V, 1—5, 7,

¹⁸ Давудов О. М. Отчет об археологических исследованиях в Южном Дагестане в 1977 г. — Архив ИА АН СССР, р-1, № 7342, с. 89—91; р-1, № 7342-а, рис. 2.

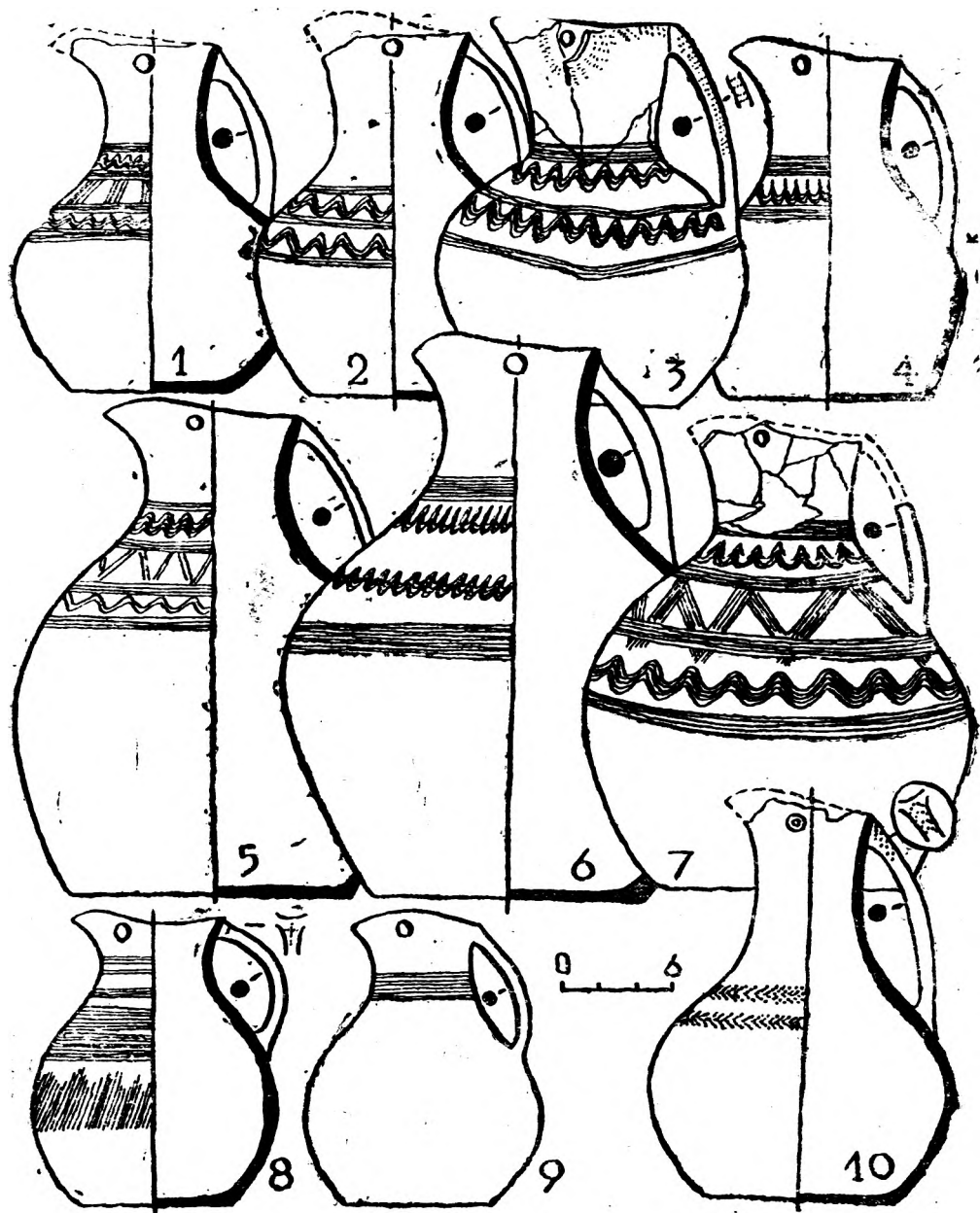

Табл. IV. Кувшины (1 — сел. Ерси; 2, 5 — сел. Яраг; 3, 7 — сел. Мугерган; 4, 8 — сел. Сардаркент; 6 — сел. Кулиф; 9 — сел. Чувек; 10 — сел. Сыртыч).

9, 10, 11). Чаши красноглиняные, или светлоглиняные с красным ангобным покрытием, без посторонних примесей, равномерного обжига. Выделены два вида: 1) чаши с загнутым внутрь утолщенным или утоньшенным венчиком (табл. V, 2, 3, 5, 9—11). Они часто профилировались врезной линией или вдавленными углублениями типа каннелюров и украшались насечками; 2) чаши с невыделенным, чуть утолщенным или утоньшенным венчиком иногда с верхним горизонтальным краем (табл. V, 1, 4, 7). Чашам этого типа находятся аналогии в позднеалбанской керамике Центрального Дагестана¹⁹ и в керамике II—VI вв. Южного Туркменистана²⁰.

Тип II составляют чаши с прямыми, резко расходящимися от дна стенками (табл. V, 6, 8). В массе они красноглиняные, но есть и фрагменты серолощенных чаш. Разделены они на два вида: 1) чаши с загнутым внутрь венчиком (табл. V, 6) и 2) чаши с вертикальным бортиком и утолщенным наружу венчиком (табл. V, 8). Подобной формы чаши известны в керамике Дагестана (I—VI вв.)²¹, Северного Кавказа (III в. до н. э. — IV—V вв. н. э.)²², Средней Азии (II—III вв. н. э.)²³.

Тип III немногочислен: он представлен одним целым экземпляром, происходящим из кургана Кухмазкунт и несколькими фрагментами. К нему относятся чаши с резко расходящимися от дна и слегка вогнутыми внутрь стенками (табл. V, 12). Все они имеют залощенное темно-серое тесто и загнутый внутрь венчик. Близкие аналогии этим чашам известны в раннесредневековой керамике памятников центральных и восточных районов Кавказа²⁴.

Миски. К этой группе столовой посуды мы относим сосуды по форме схожие с чашами, но отличающиеся от них более крупными размерами: диаметр венчика от 23 до 35—36 см, при высоте их 10—12 см, толщине стенок 0,8—2 см. Они имеют близкое сходство со среднеазиатскими тагара²⁵.

¹⁹ Пиккуль М. И. Эпоха раннего железа..., с. 144, рис. 27, 1—3.

²⁰ Рутковская Л. М. Античная керамика..., с. 101, рис. 13, 2—4; с. 106, рис. 17; Губаев А. К. К изучению замков сасанидского времени в Южном Туркменистане.— Изв. АН Турк. ССР. Сер. общ. наук, 1969, № 4, с. 83, табл. 3, 1—3, 6—9.

²¹ Гмыря Л. Б. Столовая керамика..., с. 108, рис. 1, 6, 9, 10; с. 111, рис. 4, 8—11, 13, 14; с. 129, рис. 14, 3, 7, 12, 14.

²² Анфимов Н. В. Мео-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской.— МИА, 1951, № 23, с. 194, рис. 15, 10; Кузнецов В. А. Аланские племена..., рис. 3А, 12; Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 55, 74, 114, рис. 20, 30, 43, 10; Алексеева Е. И. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1971, табл. 21-б, 16.

²³ Филанович М. И. Гяур-кала — Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1974, т. XV, с. 312, рис. 6; Усманова З. И. Эрк-кала (по материалам ЮТАКЭ 1955—1959 гг.).— Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1963, т. XII, с. 84, рис. 43, 1, 5.

²⁴ Кузнецов В. А. Раскопки Змейского поселения VIII—X вв.— МАДИСО. Орджоникидзе, 1969, т. 2, с. 90, рис. 6, 3, 4; Гмыря Л. Б. Столовая керамика..., с. 108, рис. 1, 1—5; Магомедов М. Г. Керамика Северо-Восточного Дагестана хазарского времени.— В кн.: Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1981, с. 63, 64, рис. 1, 1, 3, 4, 13, 21.

²⁵ Рутковская Л. М. Античная керамика..., с. 70, рис. 9, 12; Кацурис К., Буряков Ю. Изучение ремесленного квартала..., с. 142, рис. 13, 6; Неразик Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966, с. 41, рис. 20, 9; Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А. Дильберджин. М., 1977, с. 26, рис. 21; с. 95, рис. 96.

9, 10, 11). Чаши красноглиняные, или светлоглиняные с красным ангобным покрытием, без посторонних примесей, равномерного обжига. Выделены два вида: 1) чаши с загнутым внутрь утолщенным или утоньшенным венчиком (табл. V, 2, 3, 5, 9—11). Они часто профилировались врезной линией или вдавленными углублениями типа каннелюров и украшались насечками; 2) чаши с невыделенным, чуть утолщенным или утоньшенным венчиком иногда с верхним горизонтальным краем (табл. V, 1, 4, 7). Чашам этого типа находятся аналогии в позднеалбанской керамике Центрального Дагестана¹⁹ и в керамике II—VI вв. Южного Туркменистана²⁰.

Тип II составляют чаши с прямыми, резко расходящимися от дна стенками (табл. V, 6, 8). В массе они красноглиняные, но есть и фрагменты серолощенных чаш. Разделены они на два вида: 1) чаши с загнутым внутрь венчиком (табл. V, 6) и 2) чаши с вертикальным бортиком и утолщенным наружу венчиком (табл. V, 8). Подобной формы чаши известны в керамике Дагестана (I—VI вв.)²¹, Северного Кавказа (III в. до н. э. — IV—V вв. н. э.)²², Средней Азии (II—III вв. н. э.)²³.

Тип III немногочислен: он представлен одним целым экземпляром, происходящим из кургана Кухмазкунт и несколькими фрагментами. К нему относятся чаши с резко расходящимися от дна и слегка вогнутыми внутрь стенками (табл. V, 12). Все они имеют залощенное темно-серое тесто и загнутый внутрь венчик. Близкие аналогии этим чашам известны в раннесредневековой керамике памятников центральных и восточных районов Северного Кавказа²⁴.

Миски. К этой группе столовой посуды мы относим сосуды по форме схожие с чашами, но отличающиеся от них более крупными размерами: диаметр венчика от 23 до 35—36 см, при высоте их 10—12 см, толщине стенок 0,8—2 см. Они имеют близкое сходство со среднеазиатскими тагара²⁵.

¹⁹ *Пикуль М. И.* Эпоха раннего железа..., с. 144, рис. 27, 1—3.

²⁰ *Рутковская Л. М.* Античная керамика..., с. 101, рис. 13, 2—4; с. 106, рис. 17; *Губаев А. К.* К изучению замков сасанидского времени в Южном Туркменистане.— *Изв. АН Турк. ССР. Сер. общ. наук*, 1969, № 4, с. 83, табл. 3, 1—3, 6—9.

²¹ *Гмыря Л. Б.* Столовая керамика..., с. 108, рис. 1, 6, 9, 10; с. 111, рис. 4, 8—11, 13, 14; с. 129, рис. 14, 3, 7, 12, 14.

²² *Анфимов Н. В.* Мео-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской.— *МИА*, 1951, № 23, с. 194, рис. 15, 10; *Кузнецов В. А.* Аланские племена..., рис. 3А, 12; *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 55, 74, 114, рис. 20, 30, 43, 10; *Алексеева Е. И.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1971, табл. 21-б, 16.

²³ *Филанович М. И.* Гяур-кала.— *Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад*, 1974, т. XV, с. 312, рис. 6; *Усманова З. И.* Эрк-кала (по материалам ЮТАКЭ 1955—1959 гг.).— *Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад*, 1963, т. XII, с. 84, рис. 43, 1, 5.

²⁴ *Кузнецов В. А.* Раскопки Змейского поселения VIII—X вв.— *МАДИСО. Орджоникидзе*, 1969, т. 2, с. 90, рис. 6, 3, 4; *Гмыря Л. Б.* Столовая керамика..., с. 108, рис. 1, 1—5; *Магомедов М. Г.* Керамика Северо-Восточного Дагестана хазарского времени.— В кн.: *Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала*, 1981, с. 63, 64, рис. 1, 1, 3, 4, 13, 21.

²⁵ *Рутковская Л. М.* Античная керамика..., с. 70, рис. 9, 12; *Кацурис К., Буряков Ю.* Изучение ремесленного квартала..., с. 142, рис. 13, 6; *Неразик Е. Е.* Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966, с. 41, рис. 20, 9; *Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А.* Дильберджин. М., 1977, с. 26, рис. 21; с. 95, рис. 96.

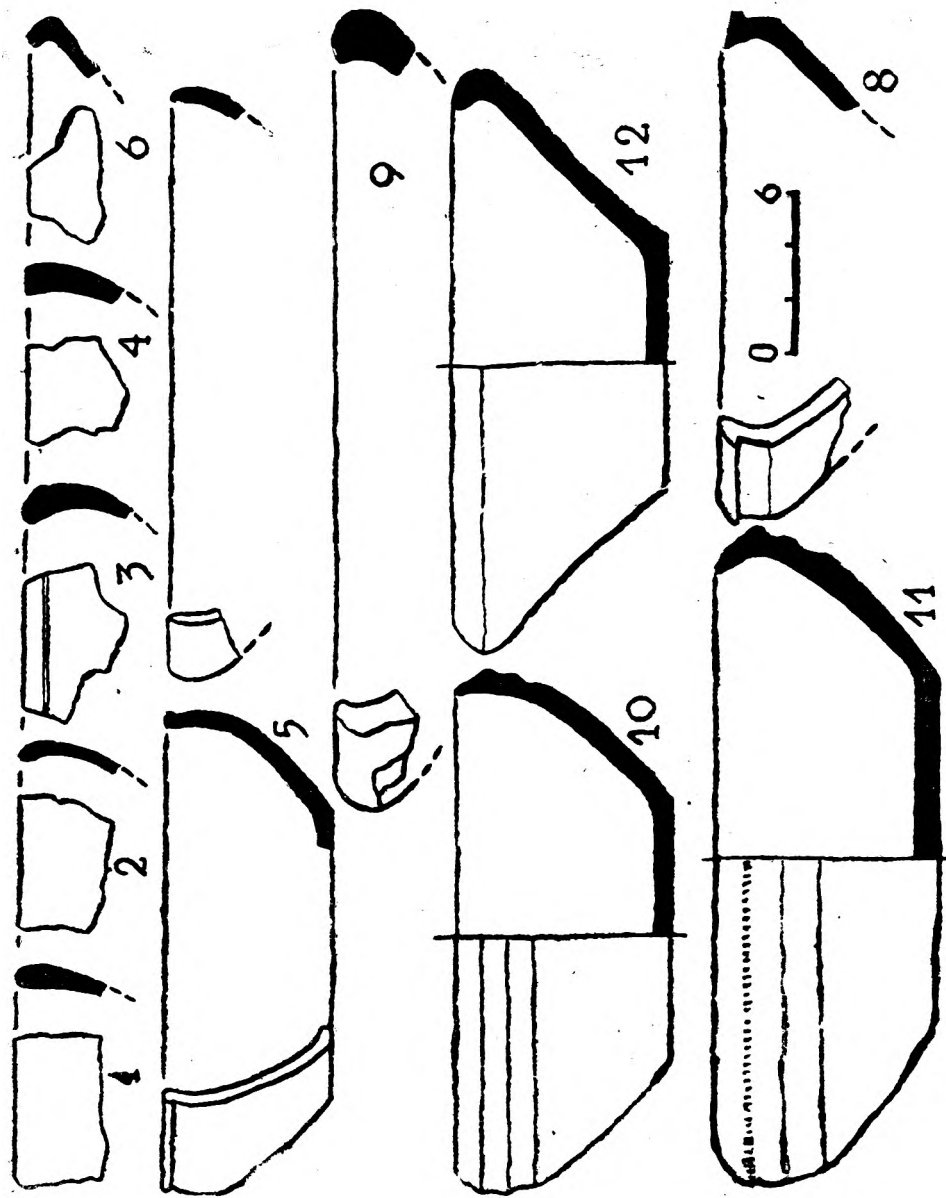

Табл. V. Чаши (10, 11 — сел. Мугерган, 12 — курган Кухмазкунт).

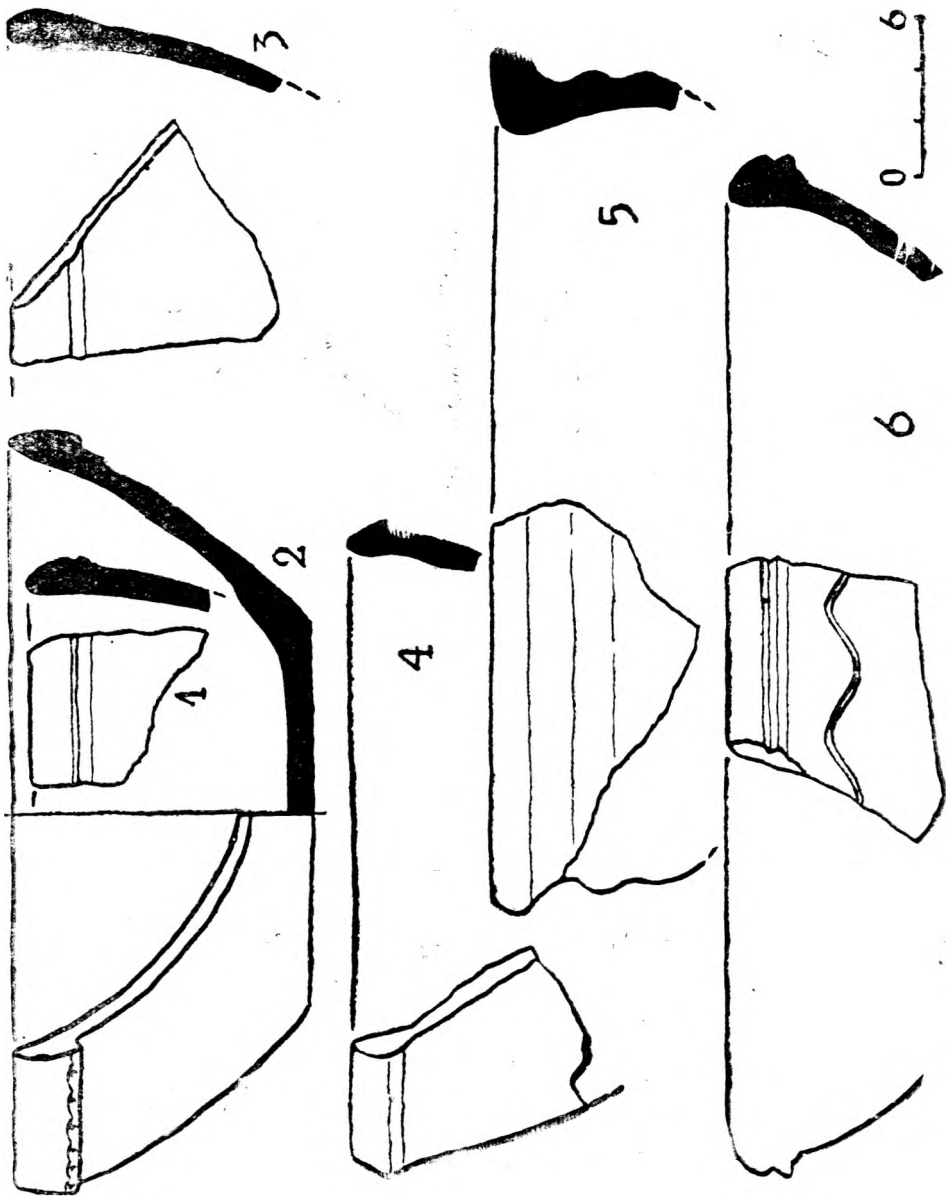

Табл. VI. Міські.

У всех этих сосудов округлое тулово и широкое плоское дно. Профилированные закраины их утолщены наружу и имеют стреловидную (табл. VI, 1, 2, 4), валикообразную (табл. VI, 3, 6) или подпрямоугольную форму (табл. VI, 5).

Все они сформованы исключительно на быстровращающемся гончарном круге из хорошо отмученного теста, черепок красного, бежевого, реже коричневого цвета. Примеси в виде просеянного мелкого песка очень незначительны. Обожжены они равномерно, но встречаются и несколько недообожженные изделия.

Распространена эта группа керамики в слоях Дербента сасанидского времени.

Ручки. Ручки столовых сосудов (главным образом, кувшинов) классифицировались на типы и виды по их форме и сечению. Все ручки крепились к сосудам вертикально: одним концом на уровне венчика (или чуть ниже), реже к горловине, другим концом — к тулову сосуда. И лишь некоторые крепились обоими концами к тулову.

Тип I. Так называемые коленчатые ручки, имеющие сверху горизонтальную площадку для упора большого пальца руки (табл. VII). Большинство их принадлежит сосудам, покрытым густым ангобом

Табл. VII. Ручки столовых сосудов (кувшинов). Римскими цифрами обозначены типы ручек, буквами — виды.

красных тонов, хотя встречаются ручки и без ангобного покрытия. По своему сечению они делятся на два вида: уплощенно-подчетырехугольные (вид А), которые являются доминирующими, и уплощенно-овальные (вид Б).

Ручки этого типа широко представлены в керамике позднеалбанского времени Центрального Дагестана²⁶.

Тип II, ручки, имеющие округлую форму (табл. VII), крепились, главным образом, обоими концами к тулову кувшина. В этом случае сосуд имел две ручки, расположенные на противоположных сторонах тулова. Как и ручки предыдущего типа, многие из них имеют ангобное покрытие красных тонов. В сечении ручки этого типа круглые (вид А) или овальные (вид Б). Они также распространены в керамике позднеалбанского времени Дагестана²⁷.

²⁶ Абрамова М. П. Буйнакский курган, с. 123, рис. IV, 7, 10.

²⁷ Гадло А. В. Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья. — В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 316, рис. 36, 6; Магомедов А. Р. Результаты археологических разведок..., с. 48, табл. II, 1—3, 5; Абрамова М. П. Буйнакский курган, с. 121, рис. V, 48; с. 122, рис. VI, 19.

Тип III, самый многочисленный (59,3%) и разнообразный. К нему относятся ручки овальной формы, которые крепились к венчику (или горловине) и тулову сосуда по почти минимальной кривой линии (табл. VII). По форме сечения они делятся на четыре вида.

Вид А. Ручки с уплощенно-подчетыреугольным сечением, что придает им ленточный вид и близость по этому признаку к ручкам типа I вида А. Аналогично ручкам первых двух типов они в большинстве имеют специфическое ангобное покрытие и характерны для керамики позднеалбанского времени²⁸.

Вид Б. Ручки, имеющие в сечении круг. Такие ручки типичны для керамики Дагестана рубежа позднеалбанского и раннесредневекового периодов²⁹ и распространены в последующее время. Они редко встречаются среди красноангобированной керамики и характерны для красноглиняных кувшинов с линейно-волнистым орнаментом, а также для серолощенных изделий. Иногда ручки этого вида украшались елочным орнаментом, составленным из точек или насечек, косыми насечками. Реже встречаются ручки с изображением в верхней части правильного или косога креста. Подобные знаки встречены на ручках кувшинов Урцекского и Верхнечирюртовского городищ³⁰.

Вид В. Ручки с овальным сечением, имеют ту же характеристику, что и ручки этого типа вида Б и вместе с последними составляют около 45% всех ручек.

Вид Г. Так называемые реберчатые ручки, имеющие приподнятые края и продольную бороздку посередине, что придает ручке в разрезе профилированный вид. Иногда эти ручки по возвышенным краям имеют глубокие поперечные насечки. Ручки с подобной орнаментацией известны на территории Северного Азербайджана³¹.

Тип IV представлен немногочисленными (6%) Г-образными ручками с изгибом в верхней части (табл. VII). Все они в сечении круглые и принадлежат красноглиняным высококачественным изделиям. Ручки этого типа начинают встречаться в слоях Дербента раннесасанидского времени и в дальнейшем получают широкое распространение. Аналогии им можно найти в материалах позднеантичного и раннесредневекового времени Переднего Востока и Средней Азии³².

Орнаментация керамики. Декорированию подвергалась

---

²⁸ *Абрамова М. П.* Буйнакский курган. с. 121, рис. V, 44; с. 123, рис. IV, 6; с. 124, рис. VI, 16—18.

²⁹ *Маммаев М. М.* Знаки на керамике..., с. 89, рис. 1, 6, 7, 9; *Он же.* Ремесло Дагестана..., рис. 10, 2—6; 11, 1—5.

³⁰ *Маммаев М. М.* Знаки на керамике..., с. 90, рис. 2, 54, 59, 60; с. 93, рис. 5, 1—3.

³¹ *Исмизаде О. Ш.* Ялойлутепинская культура, табл. XV, 1, 2; табл. XX, 3; табл. XXVIII, 12, 14, 15; *Ноне Г. Н.* Керамическое производство древнего и средневекового Азербайджана (по данным раскопок Мингечаура): Дис... канд. ист. наук. Л., 1958.— Архив ИА АН СССР, р-2, № 1441, с. 205; *Махмудов Ф. Р.* Памятники ялойлутепинской культуры..., с. 141, табл. I.

³² *Рутковская Л. М.* Античная керамика..., с. 74, рис. 10, 7, 13; рис. 11, 1; *Губаев А.* К изучению замков..., с. 81, табл. 1, 8; *Левина Л. М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи..., с. 190, рис. 60, 40, 41, 43, 47; *Кожемяко П. Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959, с. 27, табл. II, 1, 6; с. 39, табл. VI, 1—3.

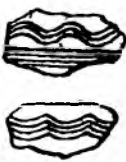

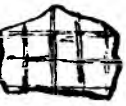

ВИД ТИП	А	Б	В	Г
ВРЕЗНОЙ				
ЛЕПНОЙ				
ЛОВЧЕННЫЕ				
СТАМП				

Табл. VIII. Типы и виды орнаментации столовой керамики.

столовая (главным образом кувшины) и тарная керамика, очень редко кухонная. Древние мастера использовали несколько приемов орнаментации керамических столовых изделий, которые подразделяются на четыре типа:

Тип I. Врезной орнамент представлен наиболее многочисленно. По технике исполнения в нем выделяются несколько видов:

Вид А. Многорядные горизонтальные, вертикальные, волнистые, зигзагообразные линии, нанесенные на поверхность сосуда в различных комбинациях многозубым гребнем (количество зубьев в основном от 3 до 7). Наиболее распространенный мотив — горизонтальные волнистые линии, заключенные между горизонтальными прямыми линиями (табл. VIII).

Вид Б. Вдавленно-прочерченные полосы типа каннелюров, нанесенные обычно вертикально или под небольшим наклоном, и реже горизонтально или хаотично (табл. VIII).

Вид В. Вертикальные и наклонные насечки, сделанные заостренным предметом (ножом или палочкой) по валику или на ручке сосуда (табл. VIII).

Вид Г. Точечные уколы, сделанные заостренной палочкой или 3—4-зубым гребнем, нередко образующие елочный орнамент (табл. VIII).

Тип II. Лепной орнамент, который часто сочетался с врезным, представлен двумя видами:

Вид А. Пуговичные налепы-«глазки» (табл. VIII).

Вид Б. Налепы в виде «ушек» (табл. VIII).

Тип III. Лощение. Наряду со сплошным лощением (которое, как и сплошное ангобирование, следует скорее относить не к орнаментации изделия, а к технике изготовления, хотя они и несли эстетическую нагрузку) применялось декоративное лощение, которое по сюжету орнамента представлено тремя видами.

Вид А. Лощение полосками, образующими квадратную сетку (табл. VIII).

Вид Б. Лощение полосками, образующими ромбическую сетку (табл. VIII).

Вид В. Лощение прямыми непересекающимися полосками (табл. VIII).

Тип IV. Штамп, в качестве приема орнаментации, не получил в Дагестане в исследуемый период такого распространения как в странах Закавказья и Средней Азии; встречается крайне редко и представлен вдавлениями, нанесенными полой трубочкой. В зависимости от комбинаций этих вдавлений, выделяются три вида штампованного орнамента: одиночные вдавления (вид А), розетка из трех вдавлений (вид Б), розетка из шести вдавлений (вид В) (табл. VIII).

Стратиграфические наблюдения над керамикой проводились по материалам раскопок Дербента, а именно, раскопа II (Р-II), общей площадью около 100 м², заложенного в восточной части цитадели, в развалинах средневекового ханского дворца³³. Такая же стратиграфическая картина наблюдалась в стратиграфических шурфах № 6 и № 9, заложенных соответственно в восточной и юго-западной частях цитадели³⁴.

Не останавливаясь на вопросах стратиграфии Дербента, получивших подробное освещение в работах А. А. Кудрявцева³⁵, отметим лишь, что в культурных напластованиях позднеалбанского и раннесредневекового времени (I—VII вв.) выделяются три слоя: позднеалбанского (I—III вв.), переходного от албанского к раннесредневековому (III — нач. V вв.) и раннесредневекового (сасанидского) времени (V—VII вв.)³⁶.

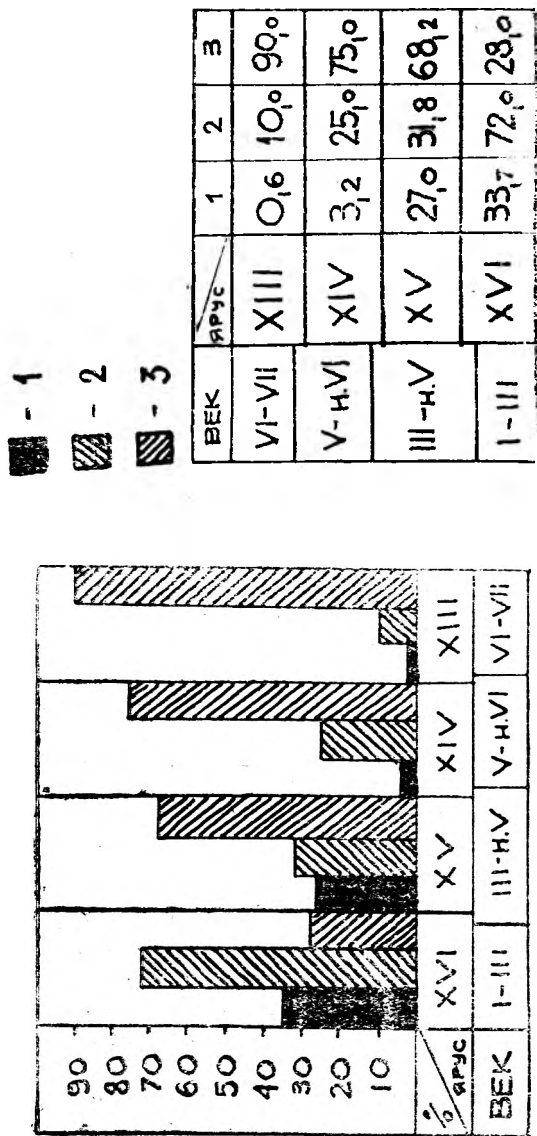
Стратиграфические наблюдения над керамикой Дербента показы-

³³ Кудрявцев А. А. Отчет о работе Дербентского отряда ДАЭ в 1973 г. — Архив ИА АН СССР, р-1, № 5153, с. 1.

³⁴ Кудрявцев А. А. Отчет о работе Дербентского отряда ДАЭ в 1972 г. — Архив ИА АН СССР, р-1, № 4951, с. 39—96.

³⁵ Кудрявцев А. А. Отчет за 1973 г., с. 39—84; *Он же*. Древний Дербент. — Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1976, с. 10—11, 14—15; *Он же*. Город, не подвластный векам, с. 31—47, 56—66, 83—89.

³⁶ Слой позднеалбанского времени охватывает нач. XVI—нач. XVII ярусов, слой переходного времени — конец XIV—нач. XVI ярусов и слон сасанидского времени — конец XII—конец XIV ярусов.

Т а б л. IX. Распространение круговой, лепной и красноангобированной керамики в слоях Дербента позднееаланского и раннесредневекового времени. 1 — красноангобированная керамика; 2 — лепная керамика; 3 — круговая керамика. Примечание: толщина одного яруса 0,5 м.

вают, что в местном гончарном деле в конце позднеалбанского — начале раннесредневекового времени происходят значительные изменения.

Процесс качественного сдвига в технологии производства четко наблюдается по соотношению керамики лепной и сделанной на гончарном круге, в зависимости от глубины залегания (табл. IX). Если на протяжении албано-сарматского периода количество круговой керамики сравнительно невелико (от 16,4% до 28,0%), то на рубеже албанского и раннесредневекового времени (IV—V вв.) наблюдается ее резкое возрастание (68,2% в XV ярусе, 75% — в XIV, и 90% — в XIII), посуда лепной выработки ограничивается определенной группой керамики — кухонной.

Как уже отмечалось, одной из характерных особенностей дагестанской керамики позднеалбанского и раннесредневекового времени является густое ангобное покрытие красных тонов. На памятниках Центрального Дагестана такая керамика датируется в пределах от рубежа н. э. до VII—VIII вв.³⁷ В слоях Дербента она бытует до V в. включительно, но ее присутствие в слоях этого времени различно. Так, если на протяжении XVI—XV ярусов (I — нач. V вв.) она составляет соответственно 33,7% и 27,0% общей массы керамики, то в слоях сасанидского времени (XIV—XIII ярусах) она представлена единичными фрагментами (табл. IX).

Ее вытесняет красноглиняная керамика, отличающаяся высоким качеством изготовления: тонкоотмученным плотным тестом, звонким красным черепком, ровным обжигом. Первоначально преобладала лепная красноглиняная керамика, но впоследствии она вытесняется такой же керамикой, но сформованной на быстровращающемся гончарном круге (в большей мере это относится к слоям позднеасанидского времени VI—VII вв.) (табл. X).

Стратиграфическое изучение сероглиняной керамики (табл. X) показало, что в слоях албано-сарматского времени она сравнительно многочисленна (34,1% в XVII ярусе и 19,8% в XVI). В последующее время ее количество снижается, а в нижних слоях сасанидского времени вновь возрастает (до 20,5% в XIV ярусе), что, вероятно, может быть связано с гунно-савирской активизацией на Северном Кавказе. Подобные изменения наблюдаются и по стратиграфическому положению серолющенной керамики (табл. X).

В слоях I—III вв. (нач. XVI — нач. XVII ярусов) в незначительном количестве представлена и чернолощенная керамика (3,2%), характерная для раннеалбанского времени Дагестана.

Анализ керамики позднеалбанского и раннесредневекового времени (I—VII вв.) показывает, что в Южном Дагестане появляется керамика ранее не свойственная этому региону.

На протяжении всего позднеалбанского времени происходило

³⁷ Маммаев М. М. Ремесло Дагестана..., с. 42; Гаджиев М. Г., Абакаров А. И. Раскопки Охлинского городища.— АО 1972 г. М., 1973, с. 116—117; Давудов О. М. Раскопки на Верхнеабкомахинском городище.— АО 1972 г. М., 1973, с. 122—123; Абакаров А. И. К характеристике керамики горного Дагестана конца I тыс. до н. э.—нач. II тыс. н. э. — IX Крупновские чтения: Тез. докл. Элиста, 1972, с. 41—42.

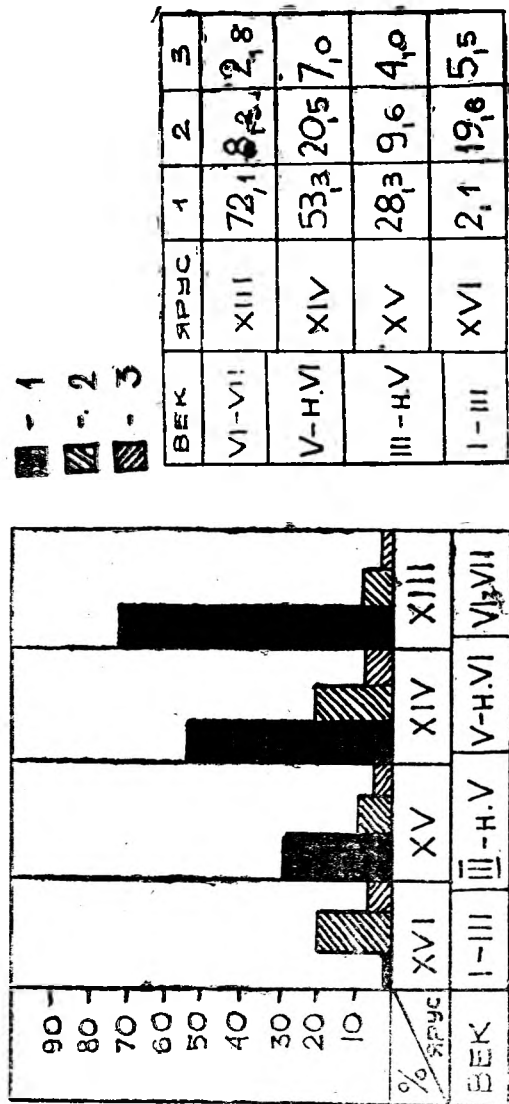

Табл. X. Распространение сероглиняной нешошей, серошошей и высококачественной красноглиняной керамики в слоях Дербента позднесабанского и раннесредневекового времени. 1 — высококачественная красноглиняная керамика; 2 — сероглиняная нешошая керамика; 3 — серошошая керамика. Примечание: толщина одного яруса 0,5 м.

культурное взаимодействие племен Южного Дагестана со степным кочевым населением, отразившееся не только в некотором распространении сероглиняной керамики в середине I тыс. н. э., но и в появлении некоторых форм изделий (чаши типа III, некоторые чаши типа II, многие формы горшков и котлов), характерных для Северного Кавказа, в частности Северного Дагестана.

С другой стороны, в конце позднеалбанского — начале раннесредневекового времени в керамике Южного Дагестана появляются формы, свойственные позднеантичной и раннесредневековой керамике Переднего Востока и Средней Азии (кувшины с профилированными валикообразными венчиками, с Г-образной ручкой, узкогорлые кувшины, миски). Массовость находок этой керамики свидетельствует не о привозном ее характере, а о производстве на месте. В то же время в формах раннесредневековой керамики Южного Дагестана сохраняется преемственность керамических традиций предшествующего времени.

В керамике Южного Дагестана III—V вв. много родственного с керамикой северных областей Азербайджана, в особенности северо-восточных районов. Наиболее четко это родство проявляется в таких видах керамических изделий, характерных для обоих регионов и встречающихся особенно часто, как зооморфные кувшины с носиком-сливом, с энохоевидным венчиком, кувшины с каннелюрами. Возможно, что эти изделия являлись одним из характерных признаков локальной археологической культуры, распространенной на территории Южного Дагестана и Северо-Восточного Азербайджана.

Керамика Южного Дагестана во многих чертах тождественна керамике Центрального Дагестана. Но характерная для памятников Центрального Дагестана красноангобированная керамика на территории исследуемого района бытовала менее длительное время. По всей видимости, это явилось следствием широкого распространения на рубеже албанского и раннесредневекового времени в Южном Дагестане гончарного круга, гончарной красноглиняной керамики, вытеснившей красноангобированную керамику.

ВЕК	ТИП ВИД ЯРУС	I		II		III				IV
		A	B	A	B	A	B	B	Г	
VI-VII	XIII	2,4	-	-	4,8	4,8	43,2	26,4	4,8	12,0
V-Н.VI	XIV	48,3	3,7	7,4	3,7	7,4	22,2	22,2	7,4	7,4
III-Н.V	XV	36,0	12,0	6,0	6,0	12,0	12,0	9,0	6,0	-
I-III	XVI	37,5	12,5	-	6,25	12,5	12,5	12,5	6,25	-

Табл. XI. Взаимовстречаемость различных типов и видов ручек столовой керамики в слоях Дербента позднеалбанского и раннесредневекового времени. Примечание: толщина одного яруса 0,5 м.

ДЕК	ТИП РИД ЯРЭС	1			2			3			4		
		А	Б	Г	А	Б	Г	А	Б	В	А	Б	В
VI-VII	XIII	64,4	-	3,3	4,9	1,6	9,0	6,6	2,4	-	0,8	-	
V-IV	XIV	55,9	11,8	6,4	2,2	5,3	8,6	4,3	2,2	1,1	1,1	-	
III-IV	XV	40,0	22,5	7,5	5,0	-	10,0	-	-	1,25	3,75	2,5	
I-III	XVI	-	-	21,4	14,3	-	21,4	14,3	-	-	-	-	

Табл. XII. Взаимострачаемость различных типов и видов орнаментации столовой керамики в слоях Дербента позднесабанского и раннесредневекового времени. Примечание: толщина одного яруса 0,5 м.

Стратиграфические наблюдения над ручками столовых сосудов подтверждают выводы, полученные при изучении керамики. Так, ручки ленточные (тип I, виды А, Б; тип III, вид А) и округлые (тип II, виды А, Б), характерные для красноангобириванной керамики, количественно уменьшаются, а затем и исчезают вместе с ней (табл. XI). Ручки овальной формы с круглым и овальным сечением (тип III, виды Б, В) распространены и в позднеалбанское, и в раннесредневековое время (табл. XI). Однако ведущими они становятся на рубеже двух периодов, когда начинает выходить из употребления красноангобириванная керамика, а вместе с ней и ленточные ручки. В то же время появляются, хотя и в незначительном количестве Г-образные ручки (табл. XI), которые, как и некоторые формы керамических изделий, отразили влияние керамических традиций Переднего Востока.

Значительные изменения на рубеже албанского и раннесредневекового периодов происходят и в декорировании изделий.

Для керамики Южного Дагестана позднеалбанского времени ornamentация изделий в целом не характерна и представлена очень бедно (табл. XII). Это, главным образом, пуговичные налесты (тип II, вид А) в верхней части горловины, придававшие сосуду зооморфный облик, насечки (тип I, вид В), точечные уколы (тип I, вид Г), нередко образующие елочный орнамент, и лощение полосками (тип III).

Бедная ornamentация изделий объясняется тем, что ангобиривание и лощение были ведущими эстетическими принципами в керамическом производстве и оттесняли на второй план ornamentацию.

С вытеснением ангобириванной керамики неангобириванной красноглиняной главным эстетическим принципом становится ornamentация изделий врезным орнаментом (тип I). Причем и в нем на первый план выдвигается ornamentация многорядными линиями, нанесенными гребнем (тип I, вид А) в различных комбинациях.

Как сравнительно простой прием и одновременно придававший изделию особенно парадный вид, он поэтому, видимо, замсняет и более трудоемкую ornamentацию изделий канцелюрами (тип I, вид Б), которая также появилась на рубеже двух эпох и бытовала сравнительно недолго.

В Южном Дагестане в это время начинает широко распространяться орнамент в виде налестных валиков с пальцевыми вдавлениями, зашипами и, реже, насечками, опоясывающими сосуд (этот прием характерен для тарной керамики). Вместе с многорядными врезными линиями этот тип ornamentации был особенно характерен для керамики Переднего Востока и Средней Азии позднеантичного и раннесредневекового времени³⁸. В дальнейшем эти приемы ornamentации получают широкое распространение в Дагестане.

Выводы. Изучение позднеалбанской и раннесредневековой кера-

---

³⁸ Массон В. М. К истории парфянского и раннесредневекового Дахистана.— Изв. АН Турк. ССР. Сер. общ. наук, 1961, № 2, с. 40, рис. 3, 3—7; Рутковская Л. М. Античная керамика..., с. 70, рис. 9, 4; Koechlin R. Les Céramiques musulmanes de Suse au Musée du Louvre.— MMAP, t. XIX, Mission en Susiane. Paris, 1928, pl. I, 17; II, 15, 18; VI, 63.

мики Южного Дагестана позволяет сделать ряд выводов общего и частного порядка.

I. III—VIII вв. характеризуются исследователями как время упадка ряда ремесел, в частности гончарного производства, на территории Кавказской Албании. Связывают этот упадок с важными внешними и внутренними причинами: с почти непрерывными войнами, грабительскими набегами, усилением гнета местных и иранских феодалов³⁹.

Однако, судя по материалам Южного Дагестана, в частности Дербента, керамическое ремесло этой области на рубеже албанского и раннесредневекового периодов претерпевает значительные, в первую очередь качественные изменения.

Широко начинает использоваться ручной гончарный круг, а в VI—VII вв., видимо, становится известен и ножной круг, который в дальнейшем получает широкое распространение. Этот гончарный станок, известный по этнографическим данным Южного Дагестана, был деревянным, состоял из двух кругов, соединенных осью. Верхний круг намного меньше нижнего. Помещался станок в яму так, что верхний круг находился на одном уровне с поверхностью пола, а нижний на дне ямы. Гончар садился на край ямы и ногами приводил ось станка в движение⁴⁰. Следует заметить, что в других районах Дагестана ножной гончарный станок не был известен.

Керамические изделия этого времени характеризуются тщательно отмученным и промешанным тестом, без примесей или с очень незначительными добавлениями, звонким черепком, красным обжигом. Ведущей становится красноглиняная керамика, вытеснившая красноангобированную, которая бытовала в Южном Дагестане — на основе стратиграфических данных Дербента — до V в. включительно. Орнаментация изделий становится намного богаче и красочней.

Эти качественные сдвиги в керамическом производстве Южного Дагестана мы склонны связывать не только с развитием местного ремесла, но и с утверждением здесь в середине — конце IV в. власти сасанидского Ирана, который оказывал непосредственное воздействие на экономическую, политическую и социальную жизнь местных племен.

Широкая строительная деятельность Сасанидов в Южном Дагестане в V—VI вв., скопление в местах строительства больших людских масс, оторванных от привычной хозяйственной деятельности и нуждавшихся в самых необходимых предметах обихода, несомненно, способствовали быстрому развитию здесь торговли и ремесла, в частности керамического. Рыночный спрос на ремесленную продукцию потребовал стандартизации и удешевления изделий, рассчитанных на широкого потребителя⁴¹. Последнее, на наш взгляд, объясняет то яркое различие

³⁹ Ионе Г. И. Керамическое производство..., с. 16; Ваидов Р. М. Мингечаур в III—VIII вв., с. 153; Рзаев Н. И. Искусство Кавказской Албании IV в. до н. э.— VII в. н. э. Баку, 1976, с. 11.

⁴⁰ Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин XIX—нач. XX вв. М., 1978, с. 83.

⁴¹ Кудрявцев А. А. Развитие торговли в Дербенте в VI—первой половине XIII вв.— В кн.: Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме: Бартольдовские чтения 1978 г. М., 1980, с. 109.

между раннеалбанской керамикой, с ее художественно-пластическими формами, и позднеалбанской с относительно большей унификацией форм. О развитии товарного производства, изготовлении керамики на рынок свидетельствует широкое распространение гончарного круга, прослеживаемая стандартизация форм керамики и типов орнаментации, находки идентичных изделий на огромной территории.

2. Важное стратегическое положение Южного Дагестана, в особенности Дербентского прохода, обуславливало тонкую политику сасанидских правителей в этой области. Закреплению Южного Дагестана за сасанидским Ираном наряду с другими акциями способствовала активная переселенческая политика Сасанидов и заселение этой области выходцами из областей Переднего Востока.

Переднеазиатские ремесленники, в их числе и гончары, появившиеся в Южном Дагестане в числе переселенцев, принесли с собой традиции и навыки своего ремесла, более высокую технологию производства. Этим (в также возросшими связями с сасанидским Ираном) объясняется появление, а затем распространение в Южном Дагестане в V—VI вв. новой технологии керамического производства, некоторых форм и орнаментации изделий, характерных для позднеантичных и раннесредневековых керамических традиций Переднего Востока и Средней Азии.

3. На протяжении всего позднеалбанского и раннесредневекового времени население Южного Дагестана имело контакты с населением степных культур Северо-Восточного Кавказа. Причем, активизация этих связей в середине I тыс. н. э. также нашла отражение в керамике.

4. Керамика Южного Дагестана позднеалбанского и раннесредневекового времени имеет много родственного, с одной стороны, с керамикой Центрального Дагестана, с другой — с керамикой Северного Азербайджана (в особенности, его северо-восточных районов), что может свидетельствовать не только о тесных связях этих областей, но и об их единой культурно-исторической общности.

5. Местные гончары, освоившие новую технологию, вместе с восприятием некоторых новых форм, сохранили и традиционные черты керамических изделий.

6. Изученные керамические комплексы Дербента позднеалбанского и раннесредневекового периодов позволяют предположить существование здесь в это время крупного ремесленного центра по производству керамики.

ИЗ ИСТОРИИ РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ДАГЕСТАНЕ

(По материалам раскопок Агачкалинского поселения)

Одной из важных сторон человеческой деятельности в древности, свидетельствующей об уровне развития общества, является ремесленное производство.

Раскопки Агачкалинского поселения¹ дали интересный материал, освещающий некоторые стороны производственной деятельности населения предгорного Дагестана в раннесредневековый период. Основным занятием жителей поселения было земледелие, развиты были также некоторые виды ремесла, характеристике которых посвящена настоящая статья.

Строительное дело. В процессе раскопок на поселении вскрыты различные виды жилых и хозяйственных построек, свидетельствующих об определенном уровне развития строительного дела.

Основным типом жилищ на поселении были четырехугольные в плане помещения, возведенные на каменном фундаменте, углубленном в материк². Фундамент сооружался из крупных и мелких необработанных блоков песчаника, сланца и галечника, положенных плашмя с применением глиняного раствора³. Стены помещений были глинобитными или турлучными, о чем свидетельствуют незначительные каменные завалы (толщины 20—30 см) и большое количество прокаленной глиняной обмазки с отпечатками выгоревших прутьев, сосредоточенных вблизи помещений⁴. Перекрытие жилищ состояло из деревянных балок; крыша и полы обмазывались толстым слоем глиняного раствора,

¹ См.: *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг.—КСИИМК. М., 1952, вып. 19; *Гмыря Л. Б.* Раскопки Агачкалинского поселения.—АО—1980, М., 1981; *Она же.* Новые археологические данные к истории раннесредневековых политических образований Дагестана. Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ист., яз. и лит.-ры Дагфилиала АН СССР в 1980—1981 гг.: Тез. докл., Махачкала, 1982; *Она же.* Раскопки раннесредневековых памятников в Дагестане.—АО 1982, М., 1983.

² *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования, с. 96; *Гмыря Л. Б.* Раскопки Агачкалинского поселения.—АО, 1980; М., 1981, с. 99.

³ Наиболее сохранившийся участок фундамента сооружения № 2 имеет следующие параметры: длина 2 м, ширина 50 см, кладка сохранилась на высоту двух рядов. См.: *Гмыря Л. Б.* Отчет об археологических исследованиях Агачкалинского отряда Северо-Дагестанской археологической экспедиции Дагфилиала АН СССР в 1980 г.—Рук. фонд Ин-та ист., яз. и лит.-ры (ИИЯЛ) АН СССР, ф. 3, оп. 3, № 514, с. 19.

⁴ К. Ф. Смирнов определил стены вскрытых им помещений как каменные с глиняной обмазкой. См.: *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг., с. 96.

в который для прочности добавляли большое количество измельченной соломы⁵.

Составной частью внутреннего интерьера жилищ были углубленные в материк очаги, обмазанные толстым слоем жидкой глины. В культурном слое поселения встречены обломки прокаленной глиняной обмазки в виде округлых закраин, которые, видимо, являлись составной частью конструкции очагов. Вблизи жилищ в материковом галечном слое сооружались объемные хозяйственные ямы (глубина ям 180—230 см, диаметр края 150 см) цилиндрической формы, с несколько наклоненными наружу стенками и плоским дном⁶. Края ямы обкладывались положенными плашмя камнями, скрепленными глиняным раствором; стенки некоторых ям имеют тонкую (2—3 см) прокаленную глиняную обмазку. В заполнении хозяйственных ям встречено большое количество слабо обожженных обломков глиняной обмазки, некоторые из них напоминают округлые закраины небольшого диаметра, другие имеют отпечатки выгоревших прутьев. Видимо, верхняя часть ямы имела сводчатую конструкцию, которая завершалась небольшим по размерам устьем.

Обработка камня. Культурные остатки Агачкалинского поселения (объемные хозяйственные ямы, зерна злаковых, отпечатки соломы в глиняной обмазке) свидетельствуют о преимущественно земледельческом укладе хозяйства его жителей. На поселении было налажено производство ряда изделий из камня, применявшихся при переработке сельскохозяйственных продуктов, в частности зерна. Это каменные чаши-ступы для растирания зерна в крупу и каменные мукомольные жернова.

Каменные чаши имели округлую форму и плоское, относительно тонкое дно, массивные, расширяющиеся к округлой закраине стенки⁷. Выполнялись они из песчаника, наружная поверхность обработана грубо, внутренняя — более тщательно (рис. 1, 1).

Каменные жернова дисковидной формы изготавливались из ракушечника⁸. Жернов состоял из двух частей (рис. 1, 2—3). Верхний диск массивный с плоской сработанной рабочей поверхностью, испещренной небольшими углублениями, и полусферической внешней поверхностью⁹. Нижний диск менее массивный, плоский (толщина по всей площади 2 см), рабочая поверхность щербинистая, тоже сработанная. В центре верхнего и нижнего дисков просверливалось отверстие небольшого диаметра.

Каменные жернова Агачкалинского поселения по конструкции

---

⁵ В слоях раскопа выявлено несколько фрагментов обугленных деревянных балок длиной до 1 м, а также большое количество фрагментов глиняной обмазки размером 11×9×5 см; 10×10×2,5 см.

⁶ См.: *Гмыря Л. Б.* Раскопки Агачкалинского поселения...; *Она же.* Раскопки раннесредневековых памятников в Дагестане. АО 1982. М., 1983.

⁷ Размеры чаши: высота — 12,6 см, диаметр закраины — 21 см, диаметр дна — 13 см, толщина стенок у края — 6 см, толщина дна — 2 см.

⁸ Диаметр жернова — 48 см, диаметр внутреннего отверстия — 2,8 см.

⁹ Толщина верхнего диска жернова в центре — 3,8 см, у краев — 1 см.

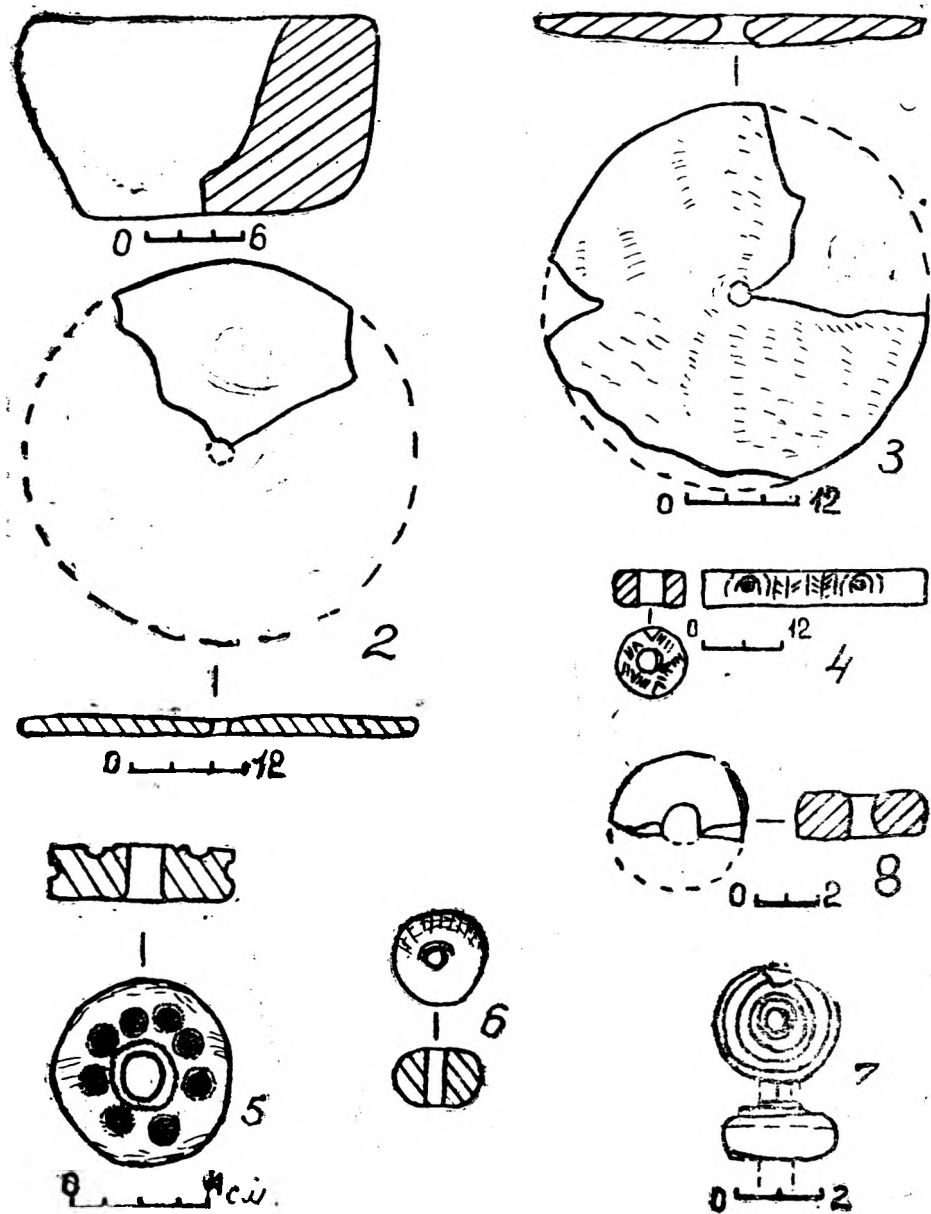

Рис. 1. Агачкалинское поселение. Производственный инвентарь (1—4, 7 — камень; 5, 6, 8 — глина).

относятся к ручным жерновам¹⁰, получившим широкое распространение в средневековый период.

Особым видом камнетесного ремесла было изготовление каменных галечных пряслиц, применявшихся в прядении (рис. 1, 4, 6—7). Пряслица имели форму диска со сквозным отверстием в центре¹¹. Эстетический вид изделия, постоянно применявшегося в быту, видимо, имел немаловажное значение: пряслица тщательно ошлифованы, одно из них украшено резным геометрическим орнаментом, нанесенным на боковую и верхнюю плоскости изделия (рис. 1, 4), при изготовлении другого был использован галечник, имевший естественную рельефную поверхность (рис. 1, 7).

На поселении было налажено также изготовление небольших каменных ядер диаметром 6 см с небрежно отесанной поверхностью, имевших применение в военном деле (рис. 2, 1—2).

Прядение и ткачество было немаловажным занятием жителей Агачкалинского поселения, о чем свидетельствуют многочисленные находки пряслиц и грузил. Пряслица изготовлялись из глины, стенок керамических сосудов, а также, как отмечалось выше, из камня.

Лепные пряслица имеют форму диска со сквозным отверстием в центре¹². Изделия хорошо обожжены, поверхность их заглаживалась (рис. 1, 5, 8). Одно из пряслиц украшено кружками, глубоко оттиснутыми полой трубкой по боковой и верхней поверхностям (рис. 1, 5).

На поселении встречены заготовки пряслиц, сделанных из обломков толстостенных тарных сосудов, дающих возможность восстановить последовательность изготовления этого вида пряслиц. Первоначально керамический фрагмент оббивался до формы, приближенной к кругу, затем просверливалось сквозное отверстие, операция по изготовлению изделия заканчивалась обточкой края. Выточенные пряслица более тяжелы, чем лепные; применение этого вида пряслиц обеспечивало большую устойчивость веретена и увеличивало скорость его вращения. Способ изготовления пряслиц путем обточки керамических обломков, несмотря на его трудоемкость, давал, видимо, мастеру возможность выбрать материал с заранее заданными свойствами, что нельзя было гарантировать при изготовлении изделия путем лепки. Описание каменных пряслиц было дано в разделе «Обработка камня».

Грузила. В культурном слое Агачкалинского поселения обнаружено около десятка обломков керамических изделий конусовидной формы¹³, употреблявшихся в ткацком деле в качестве грузил. Поверхность изделий серого цвета, заглаженная, обжиг их качественный, хотя имеются недостаточно обожженные, легко рассыпающиеся экземпляры. На широком конце грузил имелось, видимо, сквозное отверстие для подвешивания (рис. 2, 3—4). Грузила подобной формы применялись в ткацких

¹⁰ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 421.

¹¹ Пряслица изготовлялись различных размеров: диаметр 2—3,8 см, толщина 1,1—1,9 см, диаметр отверстия 0,8—1 см.

¹² Диаметр изделия 4—5 см, толщина — 1,5 см, диаметр отверстия 1—1,2 см.

¹³ Сохранившаяся длина грузил 10—12 см, диаметр в средней части 6—7 см.

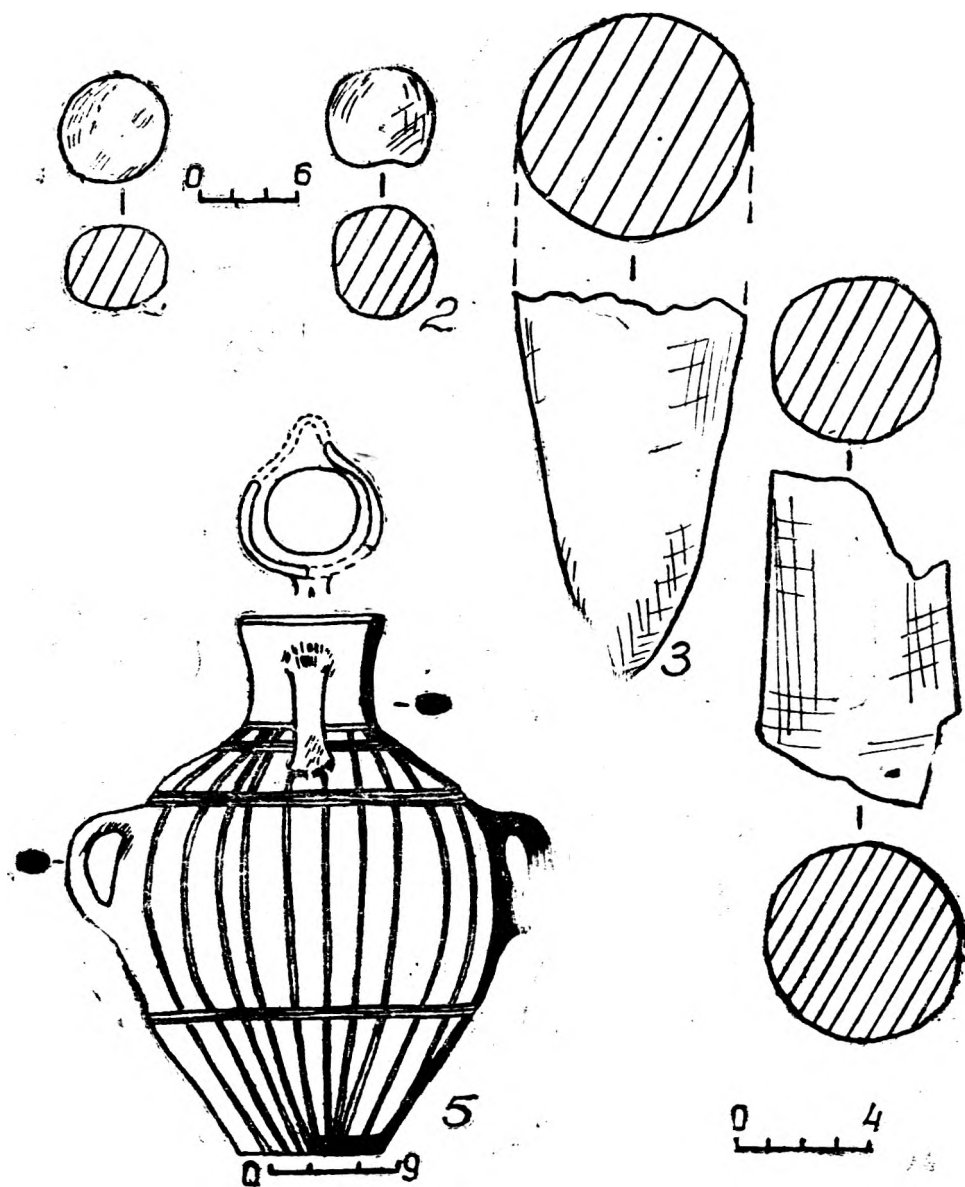

Рис. 2. Агачкалинское поселение. Производственный инвентарь (1,2 — камень; 3—4 — глина); керамика.

станках вертикальной конструкции, где они оттягивали нити основы вниз¹⁴.

Керамическое производство. Составить полную характеристику керамического дела на поселении не представляется возможным, так как не обнаружены пока обжигательные керамические печи¹⁵, однако ряд косвенных данных (насыщенность культурного слоя керамикой¹⁶, находки обломков необожженных керамических сосудов¹⁷, керамического брака¹⁸, а также многочисленных фрагментов керамического шлака) дают некоторое представление об уровне его организации.

Керамическое производство было одним из главных ремесел, обеспечивающих жителей необходимым в хозяйстве набором посуды, а также некоторыми видами производственного инвентаря.

Керамический производственный инвентарь представлен на поселении лепными пряслицами и грузилами, имевшими применение в прядении и ткачестве¹⁹.

Керамическую посуду Агачкалинского поселения отличают прочность, хорошее качество обжига, разнообразие и выразительность форм, способов отделки и декорирования внешней поверхности сосудов. В процессе формовки и обжига керамики мастер применял различные технологические приемы, обусловленные назначением изделия.

Столовая керамика²⁰ в основном тонкостенная, внешняя поверхность сосудов залощена или тщательно заглажена, она украшалась различными видами лепного и резного орнамента. Цвет сосудов желтоватый, при неравномерном обжиге желтовато-оранжевый, черепок крепкий, в изломе серого цвета. В тесто столовых сосудов добавлялась в качестве отощителя толченая керамика, иногда в сочетании с мелкозернистым песком.

Столовая керамика Агачкалинского поселения представлена кувшинами, являющимися типичными столовыми сосудами, и мисками, не получившими широкого применения в хозяйстве его населения.

Среди кувшинов выделяются два типа.

---

¹⁴ Рыбиков Б. А. Ремесло Древней Руси, с. 186.

¹⁵ Правильность определения К. Ф. Смирновым сооружения, выявленного им в 1950 г. на южном склоне холма Таш-арк, как обжигательная печь, вызывает сомнения по следующим причинам: 1. Исследователем не были зафиксированы какие-либо конструктивные элементы обжигательной печи. См.: Смирнов К. Ф. Отчет об археологических исследованиях в Дагестане в 1950 г., с. 30, 34. 2. Не было зафиксировано сильно прокаленных и оплавленных участков грунта, что, как правило, является следствием обжигательного процесса. 3. Сооружение, описанное К. Ф. Смирновым как керамическая печь по форме (яма, вырытая в материковом галечном слое, глубиной 150 см, диаметр устья 220 см с обмазанными жидкой глиной стенками) и заполнению (прокаленная золистая супесь вперемежку с камнями, обломками керамических сосудов, кусками глиняной обмазки, некоторыми видами производственного инвентаря) идентично хозяйственным ямам № 1—3, вскрытым на поселении в 1980, 1982 гг.

¹⁶ На раскопе площадью 148 м кв. при толщине культурного слоя 30—50 см было выявлено 3466 фрагментов керамических изделий.

¹⁷ Смирнов К. Ф. Археологические исследования в Дагестане..., с. 96.

¹⁸ См.: Гмыря Л. Б. Отчет об исследованиях Агачкалинского отряда ДАЭ в 1982 г.— Рук. фонд. Ин-та ист., яз. и лит-ры Дагфиллиала АН СССР, ф. 3, оп. 3, № 546.

¹⁹ См. раздел «Прядение и ткачество» настоящей статьи.

²⁰ Столовая керамика составляет 23% от общей массы керамики.

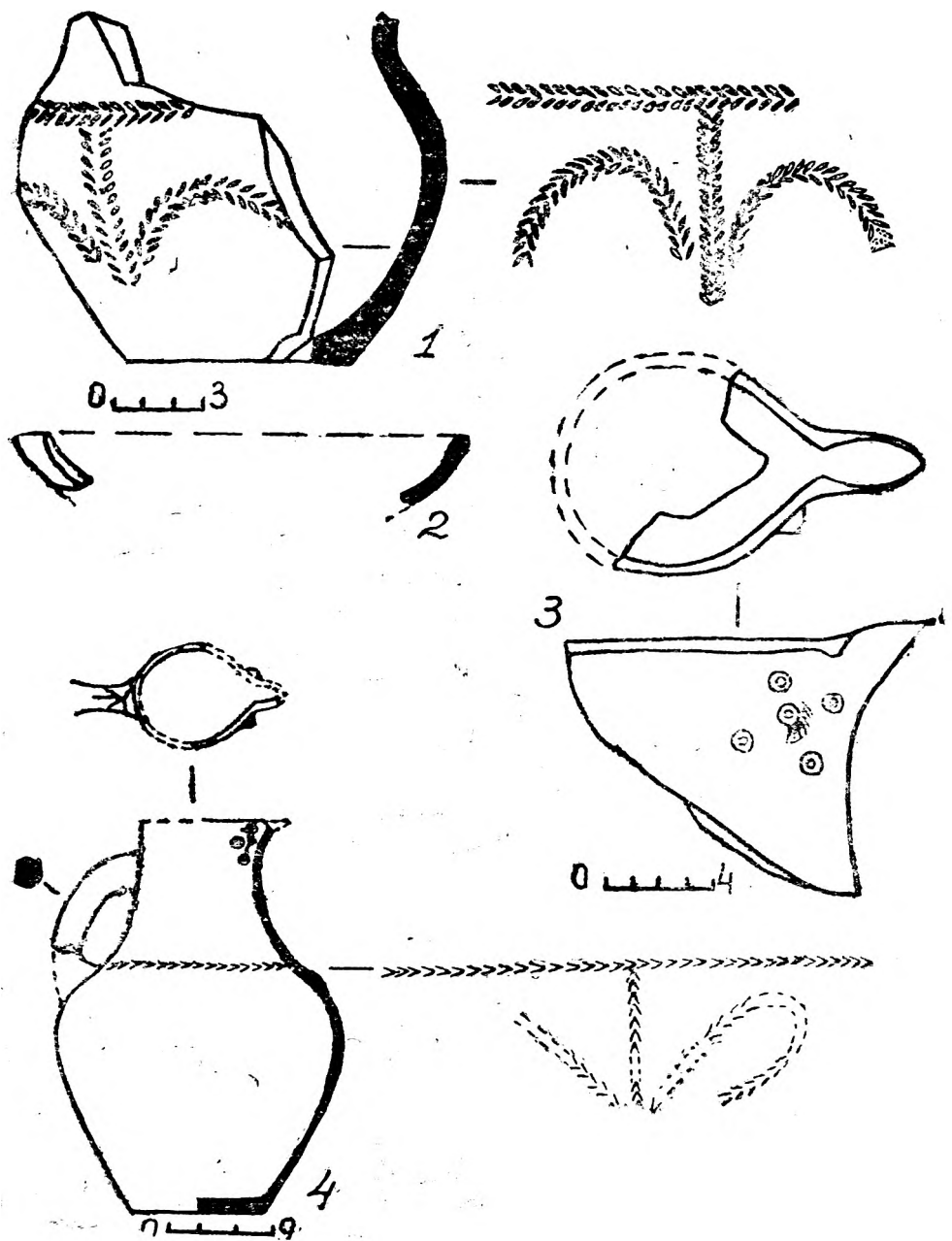

Рис. 3. Агачкалинское поселение. Столовая керамика.

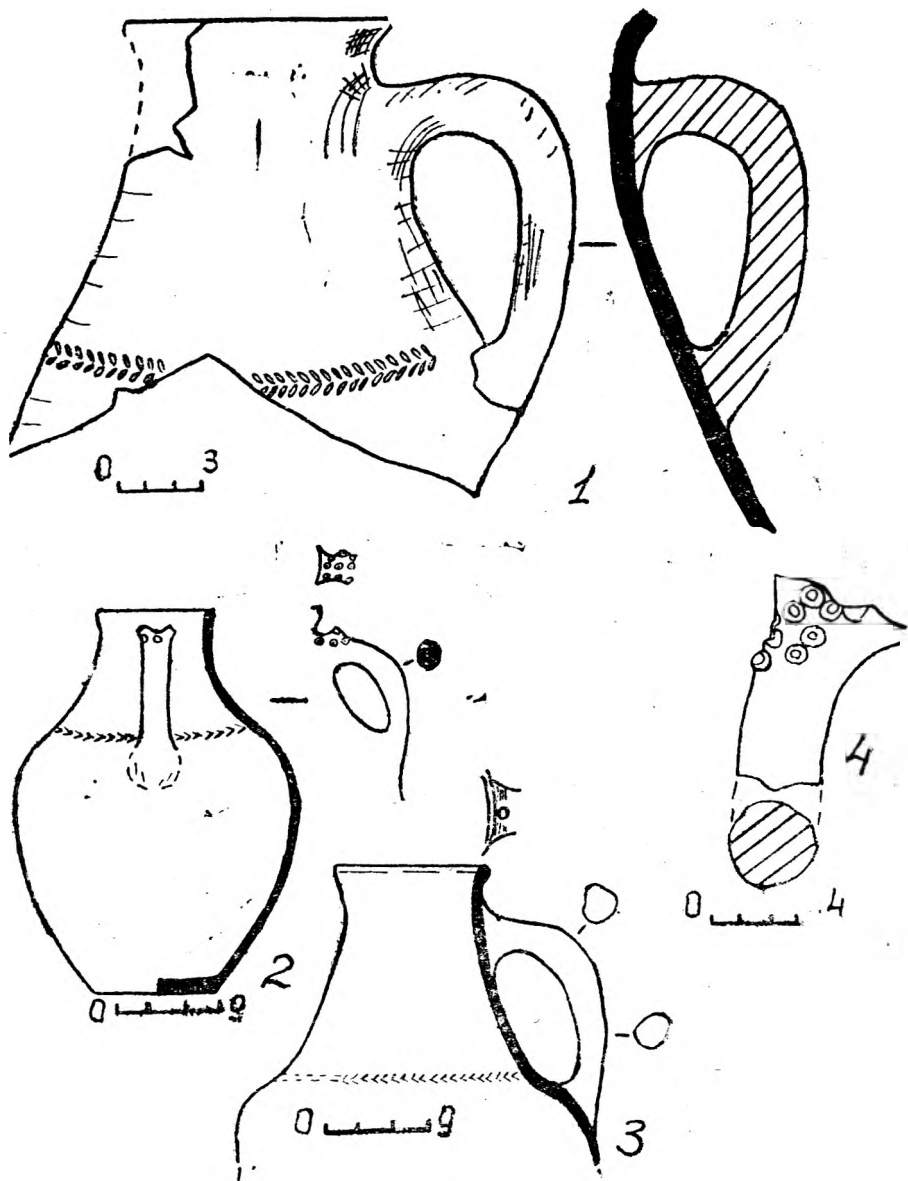

Рис. 4. Агачкалинское поселение. Столовая керамика.

Тип I. Высокие сосуды ($H=36-38$ см)²¹ со стройным, умеренно выпуклым туловом ($d_{г}:H=0,7$; $h_{г}:H=0,4-0,47$), относительно широкой невысокой горловиной ($d_{г}:d_{т}=0,7$; $h_{г}:H=0,3$), резко расширяющейся к тулову ($d_{г}:d_{в}=1,7$). Плечики кувшинов крутые, на них приходится линия наибольшего расширения тулова, донце плоское, неширокое ($d_{д}:d_{т}=0,4$). Сосуды снабжались круглой или овальной в сечении ручкой, крепившейся одним из концов к средней части горловины или чуть выше этой линии, другим — к плечу (рис. 3, 1, 3—4; 4, 1—3).

Кувшины первого типа несколько разнятся в деталях оформления венчика, что приводит к необходимости выделения среди них разновидности типов.

Вид А. Венчик кувшинов этого вида имеет клювообразный слив, по обе стороны его помещены конусовидные налелы, вершина и основание которых украшены оттисками полой трубочки, в некоторых случаях слив украшался только группой оттисков (рис. 3, 3—4).

На передней части тулова помещался выполненный техникой насечки, елочный орнамент, компонованный в сюжет «древо жизни» (ствол с отходящими от него двумя ветками); елочный орнамент опоясывал также основание горловины. На ручке сосуда часто наносился знак в виде стрелы.

Вид Б. Округлый венчик кувшинов этого вида слегка отогнут наружу (рис. 4, 1—3). Основание горловины украшено елочным орнаментом, выполненным в технике насечек или вдавления. Некоторые кувшины имеют ручки, украшенные конусовидными налелами, вершина и основание которых покрыты оттисками полой трубочки (рис. 4, 2). Иногда ручка украшалась только оттиском полой трубочки (рис. 4, 3).

Тип 2. Высокий кувшин-пифос ($H=51$ см) с раздутым туловом ($d_{г}:H=0,74$; $h_{г}:H=0,47$), плавно переходящим к узкому донцу ($d_{д}:d_{г}=0,35$). Горловина сосуда относительно короткая, цилиндрической формы ($h_{г}:H=0,2$; $d_{г}:d_{т}=0,3$; $d_{г}:d_{в}=1$), венчик оформлен в виде слива. Кувшин снабжен тремя овальными в сечении ручками, две из которых прикреплены на тулове, в месте его наибольшего расширения; третья ручка укреплена одним из концов в средней части горловины, другим — в верхней части тулова (рис. 2, 5).

Кувшин-пифос орнаментирован лощеными полосками, нанесенными вдоль тулова, а также параллельными желобками, расположенными по основанию горловины, линии плечиков и придонной части.

В культурном слое Агачкалинского поселения встречено несколько сбломков объемных столовых кувшинов, реконструкция формы которых пока затруднительна.

Внешняя поверхность сосудов желтовато-розового цвета залощена, тулово украшено лепным спиралевидным орнаментом в виде змеи, свернувшейся в клубок (рис. 5; 6). По композиции и технике исполнения орнамент разделен на два варианта.

I. Орнамент первого варианта состоит из трехвитковой раскручи-

²¹ Для обозначения промеров сосудов вводятся следующие индексы: H — высота сосуда; $d_{в}$ — диаметр венчика; $d_{г}$ — диаметр горла; $d_{т}$ — диаметр тулова; $d_{д}$ — диаметр донца; $h_{г}$ — высота наибольшего расширения тулова; $h_{т}$ — высота горла.

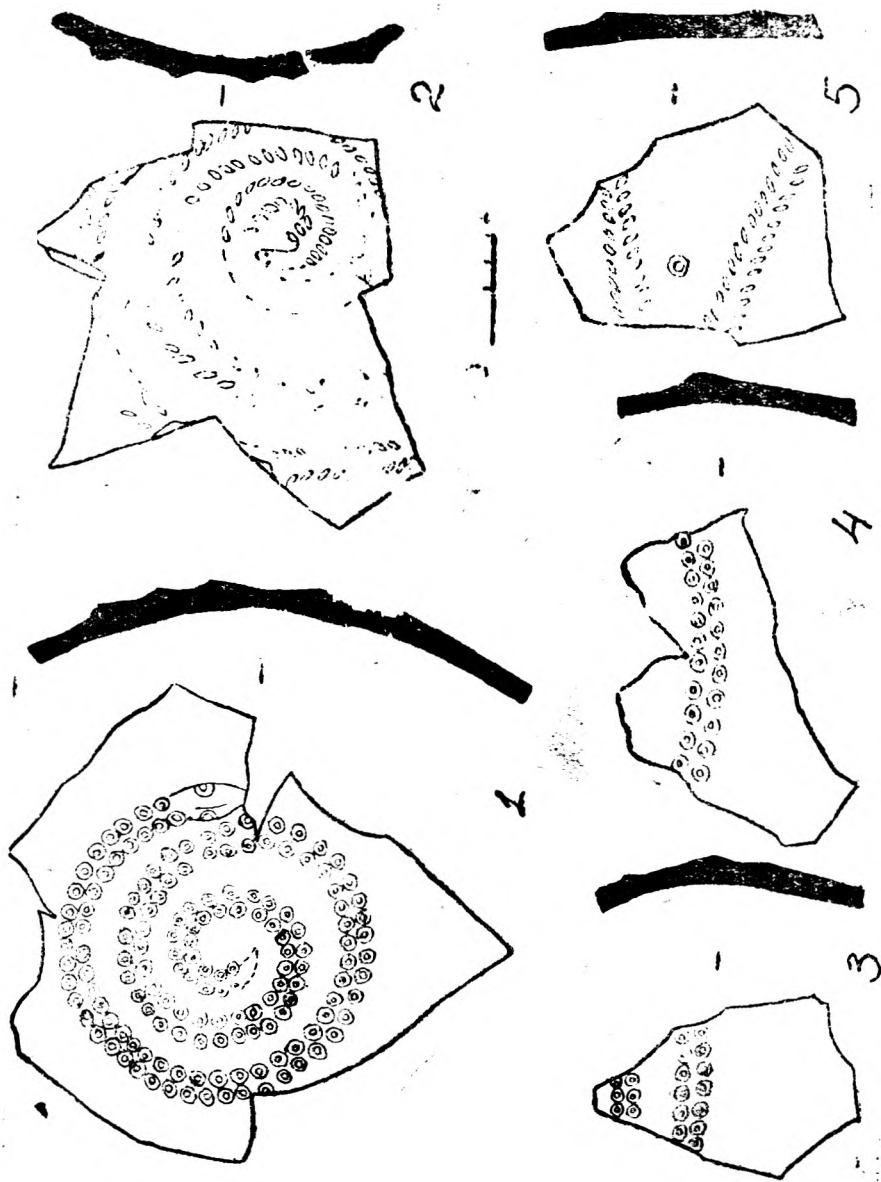

Рис. 5. Агачкалинское поселение. Столовая керамика.

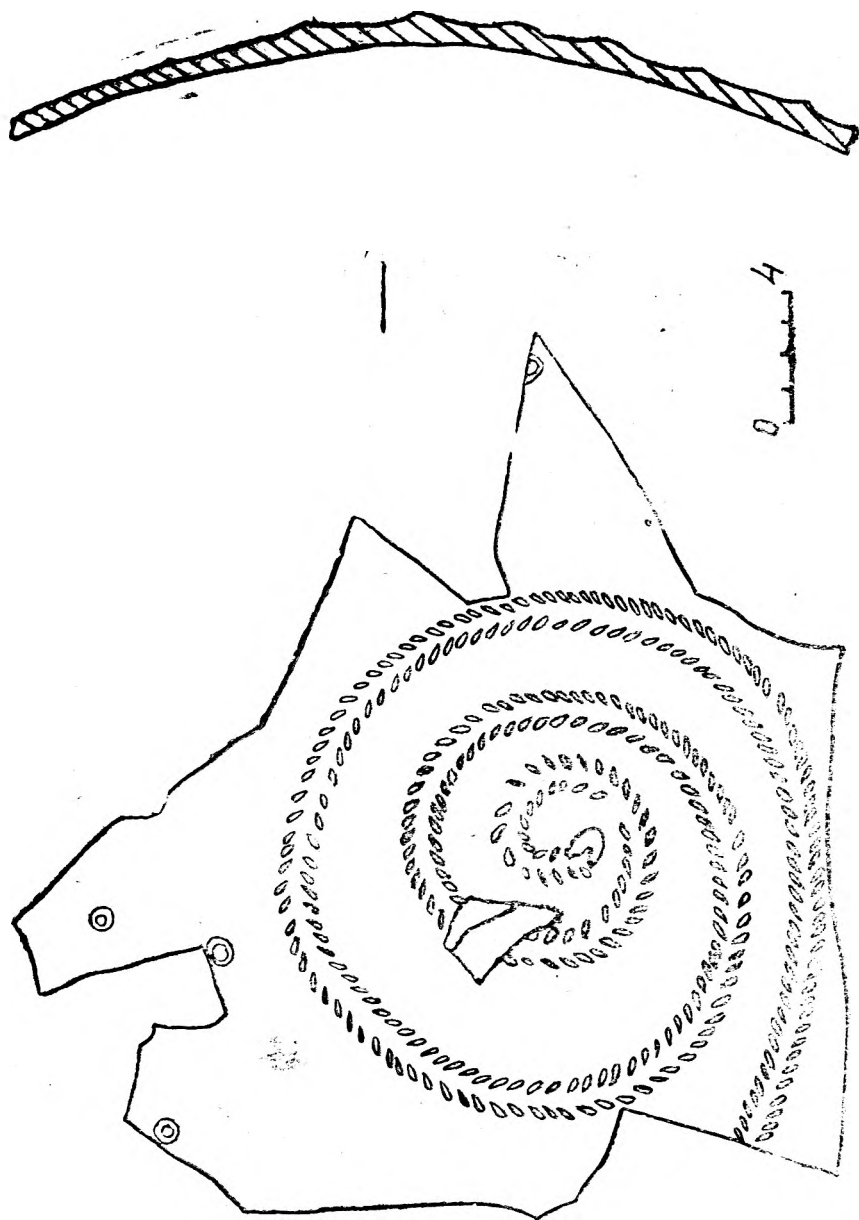

Рис. 6. Агачалинское поселение. Столовая керамика.

вающейся спирали, началом которой является реалистично выполненная лепная головка змеи (рис. 5, 2; 6). Глаза змеи обозначены проколами, валик, составляющий ее тело, обильно украшен елочным орнаментом, выполненным техникой вдавления. На прилегающих участках тулова сосуда нанесены несколько оттисков полый трубочки.

Противолежащая часть тулова сосуда была, видимо, украшена подобным же образом и оба орнамента соединялись между собой, составляя единую композицию.

II. Орнамент второго варианта составлен из законченной трехвитковой раскручивающейся спирали, в отличие от первого, началом ее является хвост змеи, в то время как головка змеи, выполненная путем расплющивания валика, помещена на конец спирали (рис. 5, 1). Тело змеи обильно украшено оттисками полый трубочки; двумя оттисками обозначены и ее глаза.

Судя по обломкам, валик, украшенный елочным орнаментом или концентрическими оттисками, опоясывал также основание горловины кувшинов.

Прямые аналогии столовым сосудам, орнаментированным змеевидными спиралями среди материалов раннесредневековых поселений и могильников Дагестана не известны. Волнистые налесты, напоминающие змей, имеются на бортиках столовых мисок Андрейаульского²² и Бавтугайского городищ²³ (нижние слои), на ручке столового сосуда из Бежтинского могильника²⁴ (VIII в. н. э.).

Образ змеи в мировоззренческих представлениях древних земледельцев связывался с идеей плодородия и бессмертия²⁵. Часто символ змеи связывался также с водным изобилием, от которого зависели благополучие и жизнь земледельцев²⁶. Видимо, такую же смысловую нагрузку нес спиралевидный орнамент в виде змей, украшавший столовые кувшины Агачкалинского поселения, для жителей которого земледелие было основным занятием. Сосуды, орнаментированные символами змей, имели, вероятно, ритуальное назначение и использовались как атрибуты отправления языческих верований, выражавшихся в почитании сил природы.

---

²² Гмыря Л. Б. Столовая керамика Андрейаульского городища.— В кн.: Средневековые древности евразийских степей. М., 1980, рис. I, 7; рис. II, 2.

²³ Пикуль М. И. Отчет о результатах археологических исследований в 1957 г.— Архив Ин-та археолог. АН СССР, р-1, № 1530, с. 66—67.

²⁴ Агаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963, с. 161, рис. 23, 3.

²⁵ Рыбаков Б. А. Космогония и мифология земледельцев энеолита.— Советская археология, 1965, № 1, с. 44—45; Сарцианиди В. И. Тайны исчезнувшего искусства Каракумов. М., 1967, с. 88; Иванов Б. В. Интерпретация изображений на посохе из коллекции ГМЭ народов СССР.— Советская этнография, 1979, № 2, с. 90—91; Мамасв М. М. Змея и скорпион в раннесредневековом прикладном искусстве Дагестана.— В кн.: IX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Элиста, 1979, с. 45.

²⁶ Рыбаков Б. А. Космогония и мифология... с. 36—37; Сарцианиди В. И. Тайны исчезнувшего искусства Каракумов, с. 85—88; Тменов В. Х. Памятники средневекового графического искусства Северной Осетии.— В кн.: Вопросы осетинской археологии и этнографии. Орджоникидзе, 1982, вып. 2, с. 62.

Миски. Среди керамических материалов встречено несколько обломков столовых мисок розоватого цвета с заглаженной поверхностью. Тулово мисок округлобокое, дно плоское, край вогнут внутрь, устье мисок широкое ($d=30$ см) (рис. 3, 2).

Кухонная керамика²⁷ отличается от других групп как формой сосудов, так и технологическими приемами формовки и обжига, обуславливаемыми функциональным назначением изделий. В тесто кухонной керамики вводились толченый кварц и битая ракушка, обеспечивающие жаростойкость сосудов. Серовато-желтоватый цвет поверхности кухонных сосудов, а также хрупкость и слоистость черепков свидетельствуют о низких температурах обжига, а также неравномерности его режима.

Кухонная посуда Агачкалинского поселения представлена в основном горшками, котлами и сковородами.

Горшки — самый распространенный тип кухонной посуды, имевший применение на поселении. Горшки вытянутых пропорций, тулово их слабораздутое без фиксируемых плечиков, донце широкое, плоское (рис. 7, 1—5). Диаметр венчика горшков колеблется в пределах от 11 до 40 см, толщина стенок — около 1 см. Внешняя поверхность горшков тщательно заглаживалась и зачастую украшалась группой параллельных желобков, нанесенных по тулову в месте его наибольшего расширения, иногда между желобками помещалась волнистая желобчатая линия.

Кухонные горшки Агачкалинского поселения различаются формой венчика.

Тип 1. Венчик этих горшков отогнут наружу, переход к тулову, как правило, резкий, не создающий шейки, однако встречаются некоторые фрагменты с четко оформленной шейкой (рис. 7, 1—3). Горшки этого типа составляют 78% среди горшков других форм.

Тип 2. У некоторой группы кухонных горшков край венчика загнут в виде валика (каплевидный венчик) (рис. 7, 5). Эти горшки в большинстве случаев без шейки, но встречено несколько экземпляров с короткой шейкой. Горшки второго типа составляют 16% среди горшков других форм.

Тип 3. Горшки с округлым венчиком, резко отогнутым наружу. На внутренней поверхности венчика оформлен глубокий желобок, служивший, видимо, опорой для крышки сосуда.

Котлы. В культурном слое Агачкалинского поселения встречены обломки объемного кухонного котла шаровидной формы с вогнутым внутрь краем²⁸. Донце котла, было, видимо, плоское (рис. 7, 6).

Технологические приемы формовки и обжига котлов резко отличаются от применявшихся на поселении при производстве других групп кухонных сосудов. Тесто котла очень хорошего качества — плотное, тщательно вымученное. Изделие равномерно и достаточно хорошо

²⁷ Кухонная керамика составляет 22% от общей массы керамики.

²⁸ Диаметр устья котла — 38 см, диаметр тулова — 42 см, толщина стенок — 1 см.

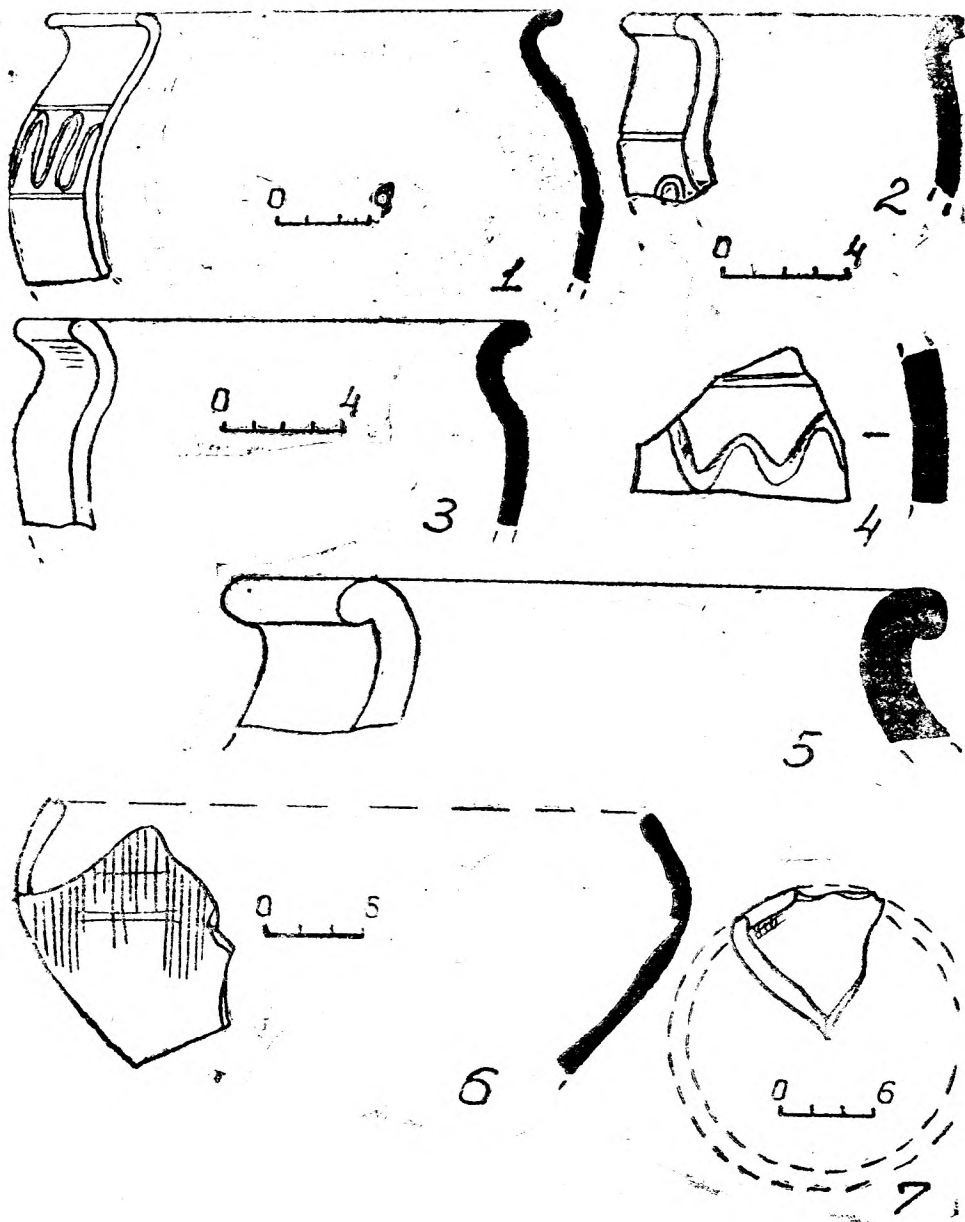

Рис. 7. Агачкалинское поселение. Кухонная керамика.

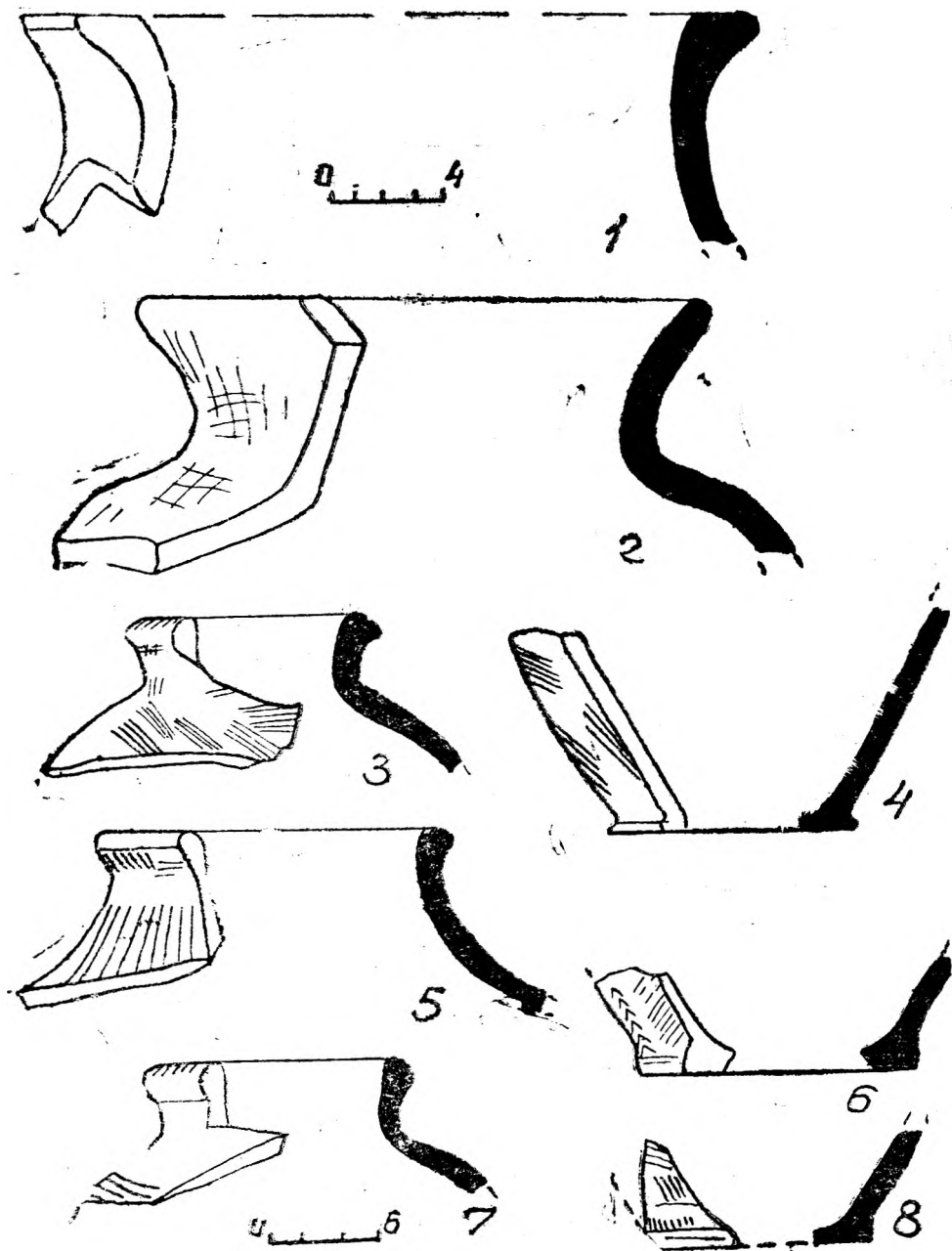

Рис. 8. Агачкалинское поселение. Тарная керамика.

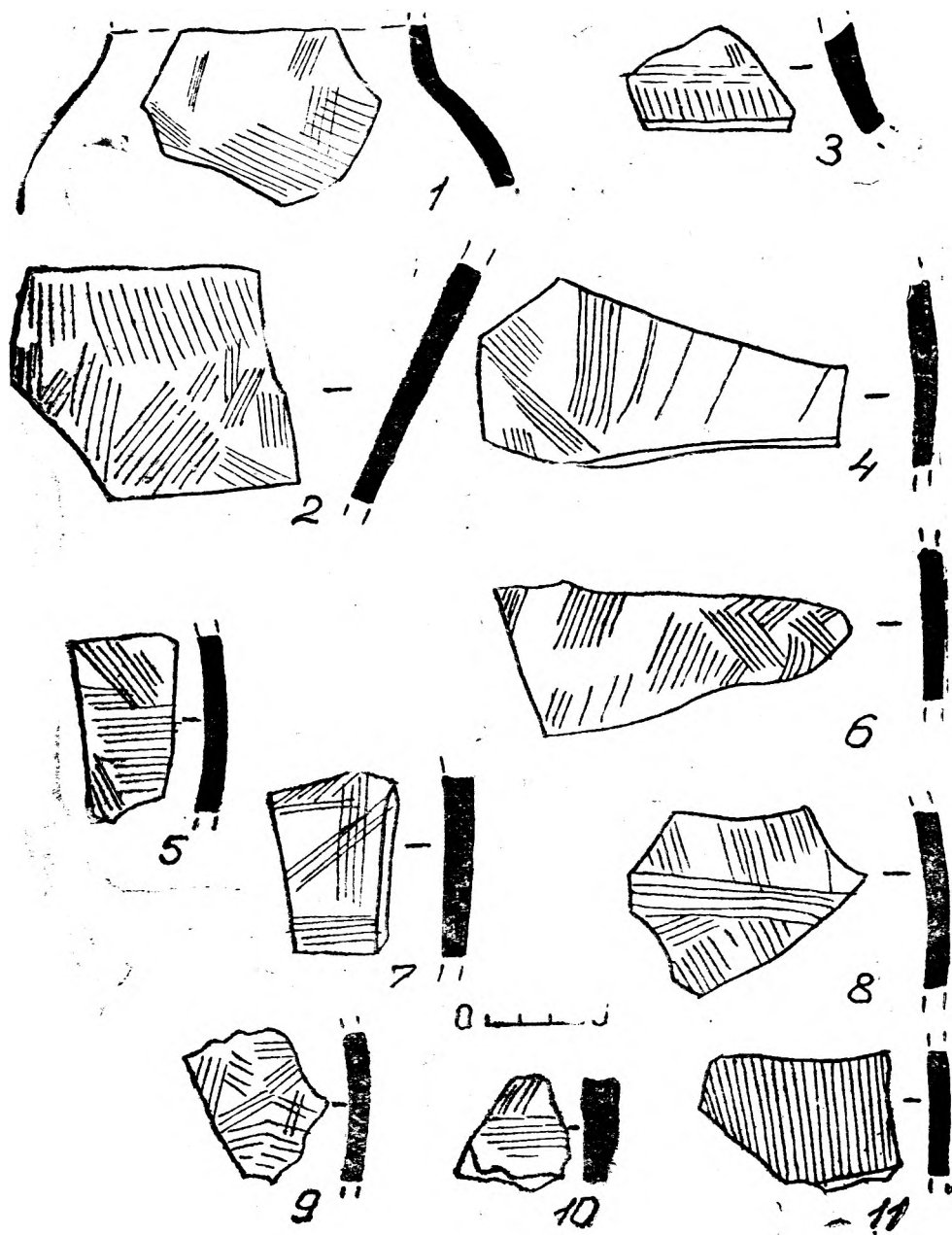

Рис. 9. Агачкалинское поселение. Тарная керамика.

обожжено, оно розоватого цвета, черепок звонкий. Внешняя поверхность котла заштрихована группами расчесов, нанесенных бессистемно, изнутри сосуд тщательно заглажен.

Сковороды выполнены в виде диска с низким бортиком, слегка вогнутым внутрь (диаметр — 21 см, толщина дна 1 см) (рис. 7, 7). Поверхность изделия розоватого цвета, тщательно заглаживалась, тесто плотное, обжиг равномерный, качественный. Сковороды, видимо, не получили широкого распространения в хозяйстве жителей Агачкалинского поселения, здесь был обнаружен лишь один небольшой фрагмент этого типа кухонной посуды.

Наиболее многочисленную группу керамической посуды составляет тарная керамика, которая имеет розоватую внутреннюю и внешнюю поверхность и серый в изломе черепок²⁹. Несмотря на значительную толщину стенок (1—2 см), черепки тарных сосудов легкие и звонкие, что свидетельствует о качественном обжиге.

Выделка тарных сосудов больших объемов связана с определенными трудностями: необходимо внести в тесто достаточное количество отошителей, чтобы уберечь сосуд от деформации при сушке и оплыва при обжиге. Обжиг крупных сосудов требует сооружения специальных керамических печей. Тарная керамика Агачкалинского поселения производилась на месте, о чем свидетельствуют найденные в одной из хозяйственных ям крупные обломки тарного сосуда с ошлакованной поверхностью, испещренной глубокими трещинами, явно производственного брака.

Тарная посуда представлена на поселении двумя типами сосудов: кувшинами и хумами.

Тип 1. Кувшины — многообъемные сосуды с высоким горлом, с венчиком³⁰, отогнутым или загнутым наружу в виде валика. Переход от горловины к тулову узкий, что создает у сосудов крутые плечики. Видимо, по форме они не отличались от столовых кувшинов третьего типа. Устья тарных кувшинов достигают в диаметре 20—24 см, внешняя поверхность их тщательно заглажена или залощена (рис. 8, 1—2).

Тип 2. Хумы — многообъемные сосуды с шаровидным туловом, относительно узким устьем, кольцеобразным венчиком, срезанным горизонтально, но чаще округленным и скошенным наружу³¹. Сосуды обычно имеют невысокую (2—3 см) шейку, посаженную на шаровидное тулово, в некоторых случаях плавное расширение тулова начинается от венчика (рис. 8, 3—8; 9).

Тулово хумов, как правило, украшалось штриховкой в виде бессистемно нанесенных глубоких расчесов или тщательно заглаживалось. Украшая сосуды штриховкой, мастер, видимо, не только удовлетворял эстетические потребности, но и обеспечивал прочность поверхностного слоя сосуда, что было особенно важно, так как тарные сосуды боль-

²⁹ Тарная керамика составляет 55% от общей массы керамики. Эти данные могут нести в себе некоторую субъективность, т. к. тарные сосуды отличаются большими объемами, что обуславливает, при их разрушении, большее количество черепков, чем от других групп керамики.

³⁰ Кувшины составляют 12,6% среди тарных сосудов.

³¹ Хумы составляют 69% среди тарных сосудов.

шого объема в основном закапывались в землю и служили своеобразными кладовыми.

Материалы, добытые на Агачкалинском поселении, свидетельствуют о развитии здесь ремесленного производства, обеспечивавшего население орудиями труда и необходимыми предметами быта. Некоторые из представленных видов ремесла, отличаясь трудоемкостью технологического процесса, требовали специальных навыков.

МЕТАЛЛООБРАБАТЫВАЮЩЕЕ ПРОИЗВОДСТВО
СРЕДНЕВЕКОВОГО ДЕРБЕНТА

(VI — СЕРЕДИНА XIII вв.)

В культурных напластованиях Дербента VI — середины XIII вв. в большом количестве встречаются изделия из металла, свидетельствующие о том, что оружие, орудия труда и бытовые предметы самого различного назначения широко использовались обитателями средневекового города.

Выявленные в процессе раскопок остатки производственных комплексов разновременных металлообрабатывающих мастерских XII—XVII вв.,¹ развалов горнов, криц, орудий труда, связанных с металлообработкой, сопельных трубок, литейных форм и тиглей, металлических шлаков и большого количества изделий из металла самого различного назначения не оставляют сомнений относительно наличия в средневековом Дербенте местного металлообрабатывающего производства².

Вопросы добычи и выплавки металла в этот период в дагестанской историографии пока слабо разработаны и у нас еще мало сведений о древних местах разработки руд³ и металлоплавильных печах этого времени⁴. Процесс освоения железа начался в Дагестане на рубеже II и I тысячелетий до н. э. успешно развивался в последующие периоды. Наиболее распространенным был сыродутный способ получения железа⁵. Пока остается неясным вопрос о том, доставлялось ли все сырье в Дербент в виде криц, или сюда привозили и руду, из которой на месте выплавляли металл. Находки криц уже в слоях города раннесредневековой поры⁶ не оставляют сомнений, что подобный способ доставки

¹ Кудрявцев А. А. Раскопки в цитадели Дербента.— АО 1980 г. М., 1981, с. 106; Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С., Гамзатов Г. Г. Ремесленное производство средневекового Дербента по материалам раскопок 1980—1981 гг.— В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1980—1981 гг.: Тез. докл. Махачкала, 1982, с. 8—9.

² Кудрявцев А. А. Территориальное развитие и застройка средневекового Дербента в свете новых археологических данных.— В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978—1979 гг.: Тез. докл. Махачкала, 1980, с. 9—11; Он же. Великий город на Каспии. Дербент в эпоху феодализма. Махачкала, 1982, с. 172—177.

³ Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963, с. 221—226.

⁴ Маммаев М. М. Ремесло Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени.— Автореф. дис., канд. ист. наук. М., 1970, с. 10.

⁵ Там же, с. 10.

⁶ Кудрявцев А. А. Раскопки богатого здания VIII—XIII вв. в жилом квартале средневекового Дербента.— В кн.: Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала, 1977, с. 79.

сырья для металлообработки существовал в Дербенте, но, возможно, в город доставлялась и руда, обогащенная или сырая.

Обломки керамических сопел в виде трубок с утолщенными концами, литейные формы, тигли, ошлакованные куски металла, металлические шлаки, крысы, очажные пятна и развалы горнов были обнаружены во всех слоях средневекового города, но для периода VI—VII вв. они сосредоточены у южной стены в районе, лежащем немного выше ворот Орта-капы и Джума-мечети⁷, а в VIII—XIII вв. основным местом их находок являются более нижние северо-восточные районы города⁸.

Пока в Дербенте не найдено горнов хорошей сохранности, позволяющих детально представить конструкцию подобных сооружений, но значительное их сходство с горнами наиболее исследованных кузнечных мастерских Пенджикента⁹, имеющих близкие параллели с дербентскими, позволяют составить о них представление. Все горны из трех пенджикентских мастерских (по одному в двух и два в третьей) представляли собой кубовидные сооружения, в которых крупные хумы, перевнутые горловиной вниз, были обложены кирпичом, служившим изоляционным футляром и придававшим устойчивость всему сооружению¹⁰. В одной из стенок внизу горна имелось отверстие, куда вставлялось керамическое сопло, соединенное с мехами, нагнетавшими воздух¹¹. Подобный простой тип горна был распространен и в средневековом Дербенте.

До настоящего времени в Дагестане не было выявлено ни одной металлообрабатывающей мастерской и находки в Дербенте остатков ремесленных комплексов, связанных с металлообработкой, представляющих значительный интерес.

Все три одновременных металлообрабатывающих мастерских, выявленные в раскопе Р-ХIII, представляли собой остатки значительных строений площадью не менее 70 м², со стенами, выложенными из обработанного и бутового камня, скрепленного глиняным раствором.

Наиболее полное представление о металлообрабатывающей мастерской средневекового Дербента дает второй ремесленно-производственный комплекс, относящийся к XIII—XIV вв. Так как он не имеет принципиальных отличий от двух других (XII—XIII вв. и XV—XVII вв.), то я дам описание этой более хорошо сохранившейся мастерской.

Значительную часть культурных напластований, связанных со строительными остатками второго ремесленно-производственного комплекса, составляют мощные наслоения (до 0,5—0,55 м) древесного угля, золы, с большим включением железного шлака, окислившихся и спекшихся фрагментов металлических изделий, бесформенных кусков

⁷ Там же.

⁸ Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С. и др. Новые данные об исторической топографии Дербента.— В кн. Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1976—1977 гг.: Тез. докл. Махачкала, 1978, с. 13—14.

⁹ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 69.

¹⁰ Там же, с. 70.

¹¹ Там же, с. 70.

металла. Особенно много отмечено в слое, связанном со вторым комплексом, металлических шлаков, криц, кусков окислившегося металла, зольников, формочек для литья, сопельных трубок, изделий из металла (в основном предметов вооружения), различных ремесленных приспособлений (включая небольшую наковальню). Здесь же обнаружены остатки печи (горна), связанной с металлообрабатывающим производством.

Второй комплекс раскопа XIII, выявленный под первым ремесленно-производственным комплексом, в основных чертах повторяет планировку его отдельных помещений, но и имеет весьма существенные отличия.

Во втором комплексе удалось выделить пять помещений производственного назначения.

Помещение № 1 второго комплекса представляет собой значительную прямоугольную постройку, вытянутую продольной стороной по оси север — юг. Помещение имело размеры по наружным осям $6,4 \times 4,4$ м, по внутренним — $5,35 \times 3,1$ м. Помещение № 1 является наиболее крупным из выявленных помещений раскопа Р-XIII и включает в себя большую часть его площади. Стены помещения выложены на глиняном растворе из крупного и среднего бутового и частично обработанного камня, с включением мелкой забутовки. Лучше всего сохранились западная и восточная стены помещения, северная стена в восточной части сохранилась значительно хуже и северо-восточный угол имеет лишь углубления и следы от кладки стен помещения № 1. Южной стеной помещения № 1 служила внутренняя поверхность южной стены цитадели. Ширина стен $0,7—0,9$ м. Они сложены из бутового и частично обработанного камня следующих размеров: $20 \times 20 \times 15$ см, $25 \times 20 \times 20$ см, $30 \times 22 \times 16$ см, $30 \times 25 \times 15$ см, $40 \times 26 \times 18$ см, $40 \times 30 \times 20$ см, $50 \times 25 \times 20$ см, $45 \times 35 \times 22$ см, $50 \times 35 \times 20$ см и др. Наряду с этим здесь широко использовались в забутовке тела стены более мелкие, грубо обработанные или рваные камни.

Помещение № 2 второго комплекса было вскрыто в юго-западной части раскопа в квадратах а-1, б-1. По площади и направлению стен оно лишь частично совпадает с помещением № 2 первого комплекса. Целиком выявлена восточная стена помещения № 2 и частично северная и южная, которые выходят на запад за пределы раскопа. Западная стена помещения целиком лежит за пределами раскопа.

Общая длина восточной стены — около $3,5$ м, ширина — $0,50—0,55$ м, в южной части ее оставлен дверной проем шириной $1,35$ м, соединяющий помещение № 2 с помещением № 1. Стены сложены из бутового и обработанного камня средних размеров, наиболее распространенными из которых являются: $20 \times 20 \times 15$ см, $25 \times 20 \times 18$ см, $30 \times 22 \times 20$ см, $35 \times 25 \times 20$ см и др.

Южной стеной помещения № 2 является участок южной стены цитадели, сложенный из крупных блоков размером $100—110 \times 70—75 \times 30—35$ см и прослеженный в раскопе до западной его грани на длину около $1,6$ м.

У западной стороны раскопа, на площади помещения № 2 были обнаружены два крупных каменных диска, представляющих собой, ве-

роятнее всего, крупные каменные мельничные жернова. Оба каменных круга (жернова?) располагались один над другим, а на верхнем из них лежал обломок каменной плиты около 0,7 м длины.

Отметка поверхности нижнего круга, лежащего горизонтально. — 2,63 м. В центре кругов имеются отверстия, но пока не установлено сквозные ли они. По верхней поверхности обоих кругов нанесены довольно глубокие радиальные борозды, расходящиеся от центра кругов к их краю. Расстояние между этими бороздами почти везде строго одинаковое и по приблизительным подсчетам количество их равно 360. Это позволяет предполагать и какое-то другое применение данных кругов во вторичном их использовании. В пользу этого свидетельствует расположение данных каменных поделок, выявленное при раскопках, при котором оба круга были обращены поверхностью с бороздами вверх. Подобное расположение исключает использование их в данном комплексе в качестве жерновов (в первоначальном использовании жерновов по их прямому назначению поверхности обоих кругов с насечками должны были быть обращены внутрь, одна к другой). Ставит под сомнение применение этих кругов во вторичном использовании в качестве жерновов и место их находки, так как здесь нет значительных источников воды, а столь крупные жернова могли использоваться лишь на водяной мельнице. Сейчас трудно сказать применялись ли они для каких-то процессов металлообработки, что более всего вероятно, учитывая производственное назначение как первого, так и второго комплекса, или они имели какое-то специальное назначение.

Помещение № 3 было выявлено под остатками двух помещений первого комплекса, в северо-западной части раскопа Р-ХІІІ.

Помещение № 3 было вскрыто лишь частично, так как оно выходит за пределы западной и северной граней раскопа. Выявлены две стены помещения: южная и восточная. Южная стена помещения № 3 является одновременно северной стеной смежного с ним помещения № 2, описанного выше.

Восточная стена помещения имеет сложную конфигурацию, которая образована за счет отклонения северной части стены от оси.

Помещение № 4 было вскрыто в восточной части раскопа Р-ХІІІ, в квадратах б-3, в-3, г-3. Были выявлены три стены помещения № 4: западная, северная и южная, из которых только западная целиком находится на площади раскопа, а северная и южная выходят за его пределы.

Западная стена помещения имеет длину около 3,3 м, ширина ее 0,7—0,9 м. Западная стена помещения № 4 является частью уже описанной восточной стены смежного с ним помещения № 1, к которому оно примыкает в северо-восточной части. Стены сложены из бутового и обработанного камня средних размеров, наиболее распространенными из которых являются: 25×20×18 см, 28×20×16 см, 30×22×20 см, 35×30×18 см, 40×30×20 см и др. Стены помещения № 4 сложены на глиняном растворе.

В восточной стороне раскопа, в квадратах б-3, в-3 был вскрыт небольшой прямоугольный резервуар с тщательно выложенными стенками из обработанного и бутового камня, толщиной до 0,5—0,6 м. Ши-

рина (или длина?) резервуара — около 1,98—2,0 м, высота стенок — около 0,7—0,9 м. Внутренние стенки и дно резервуара оштукатурено слоем известкового раствора толщиной до 1,5 см. Северной стороной резервуар примыкал к северной стене помещения № 4, а южная сторона представляла собой стену из камня толщиной около 0,35—0,5 м, высотой 0,65 м. Резервуар заполнен серым грунтом переотложенного характера с включением угля, кусков шлака и ошлакованного металла, отдельных камней и сильно окислившихся металлических изделий. Культурный слой, связанный с резервуаром и вплотную примыкающий к нему, обильно насыщен металлическими шлаками, зольниками, скоплениями угля и шлаков, с включением ошлакованных кусочков металла, окислившихся металлических предметов, бракованных металлических изделий, криц, орудий труда ремесленников, включающих обломки льячков, литейных формочек, сопельных трубок и др.

Исследование помещения № 4, как и остальных помещений второго комплекса, позволяет говорить, что оно было связано с ремесленным производством и, судя по выявленным остаткам, являлось одним из производственных помещений металлообрабатывающей мастерской, функционировавшей в период отложения третьего слоя — XIII—XV вв.

Помещение № 5 вскрыто в юго-восточной части раскопа в квадратах а-3, б-3. Была вскрыта западная часть помещения и выявлено три его стены, из которых целиком в площадь раскопа попала только западная, частично — северная и южная, а восточная стена лежит за его пределами. Помещение № 5 примыкает с востока к помещению № 1 в его юго-восточной части.

Стены помещения № 5 сложены на глиняном растворе за исключением участка южной стены.

В восточной стороне раскопа, в квадрате а-3, были зачищены остатки горна с керамическими стенками толщиной до 3 см. Диаметр горна — около 1,2 м, сохранившаяся высота — 0,35—0,4 м. Горн заполнен остатками угля, золы, металлических шлаков, ошлакованных кусочков металла.

Рядом с горном и в культурных отложениях помещения, представленных напластованиями третьего слоя, связанного с временем функционирования помещения № 5, были выявлены в большом количестве скопления шлаков, угля и золы, с включением ошлакованных кусков металла, окислившихся металлических предметов, криц, бракованных металлических изделий, а также различных ремесленных приспособлений и орудий труда: наковальня, литейные формочки и льячки, обломки сопельных трубок и др. Это позволяет предположить, что помещение № 5 являлось одним из производственных помещений этого ремесленного комплекса, связанного с металлообработкой.

Остатки еще одной металлообрабатывающей мастерской были выявлены в нижней, северо-восточной, части Дербента, но она сохранилась значительно хуже описанной, хотя в основных чертах была, видимо, аналогична последней.

Хронологический и типологический анализ металлических изделий Дербента VI—XIII вв. позволил проследить этапы развития металлообрабатывающего производства средневекового города и дать периоди-

зацию его развития. Хронологические рамки двух выделенных периодов были определены на основе стратиграфических датировок комплексов металлических изделий и их сравнительно-типологического анализа¹².

Период VI—VII вв.

Металл очень плохо сохраняется в условиях влажного климата Дербента и многие изделия дошли до нас лишь в виде сильно испорченных коррозией бесформенных предметов, но более сохранившиеся металлические поделки позволяют судить об основных направлениях развития этого производства.

На первом этапе своего становления металлообрабатывающее ремесло, подобно строительному делу и камнеобработке, было тесно связано с военно-политическим развитием города. В слоях города VI—VII вв. в значительном количестве встречаются предметы вооружения и конской сбруи, всевозможные гвозди, скобы, штыри.

Военно-стратегическое положение города, как одного из главных опорных пунктов в борьбе с кочевниками на северных границах сасанидского Ирана, с крупным гарнизоном и большим числом военных поселенцев, потребовало значительного количества наступательного и оборонительного вооружения, предметов конского снаряжения и многочисленных вспомогательных изделий из металла, что отразилось на металлообработке города этого времени. Большое количество металлических деталей необходимо было для фортификационного строительства, при котором для крепления блоков стен и башен, по данным письменных источников, использовались скобы, штыри, жидкий свинец¹³.

Предметы вооружения представлены в слоях Дербента этой поры наконечниками стрел, копий, фрагментами панцирных пластинок, ножей и мечей.

Наконечники стрел занимают первое место по количеству находок среди предметов вооружения этого периода. Они представлены в основном четырьмя типами: трехлопастными, трехгранными, округловыпуклыми, плоскочерешковыми (табл. I, 7—8, 17—19; табл. II, 3). Все представленные в этом слое наконечники черешкового типа довольно крупные, что было связано с усилением защитного вооружения. В VI—VII вв. тяжеловооруженная конница являлась основным ударным родом войск, представители которого были хорошо защищены пластинчатым панцирем или кольчужной рубахой, пробить которые можно было только тяжелыми крупными наконечниками. Трехлопастные наконечники небольших размеров были распространены у кочевых племен, в частности у сарматов, еще в III—II вв. до н. э. Более крупные подобные наконечники типичны для I—III вв. н. э.¹⁴ и бытовали в этот период в

¹² Кудрявцев А. А. Основные этапы развития ремесленного производства Дербента VI—XIII вв.— В кн.: IX Крупновские чтения: Тез. докл. Элиста, 1979, с. 45—47; *Он же*. Великий город на Каспии, с. 53—73, 101—118, 172—177.

¹³ Бартольд В. В. Дербент.— Соч. М., 1965, т. 3, с. 422.

¹⁴ Смирнов К. Ф. Групповые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент.— МАД, Махачкала, 1961, т. 2, с. 213—215, рис. 38, 39.

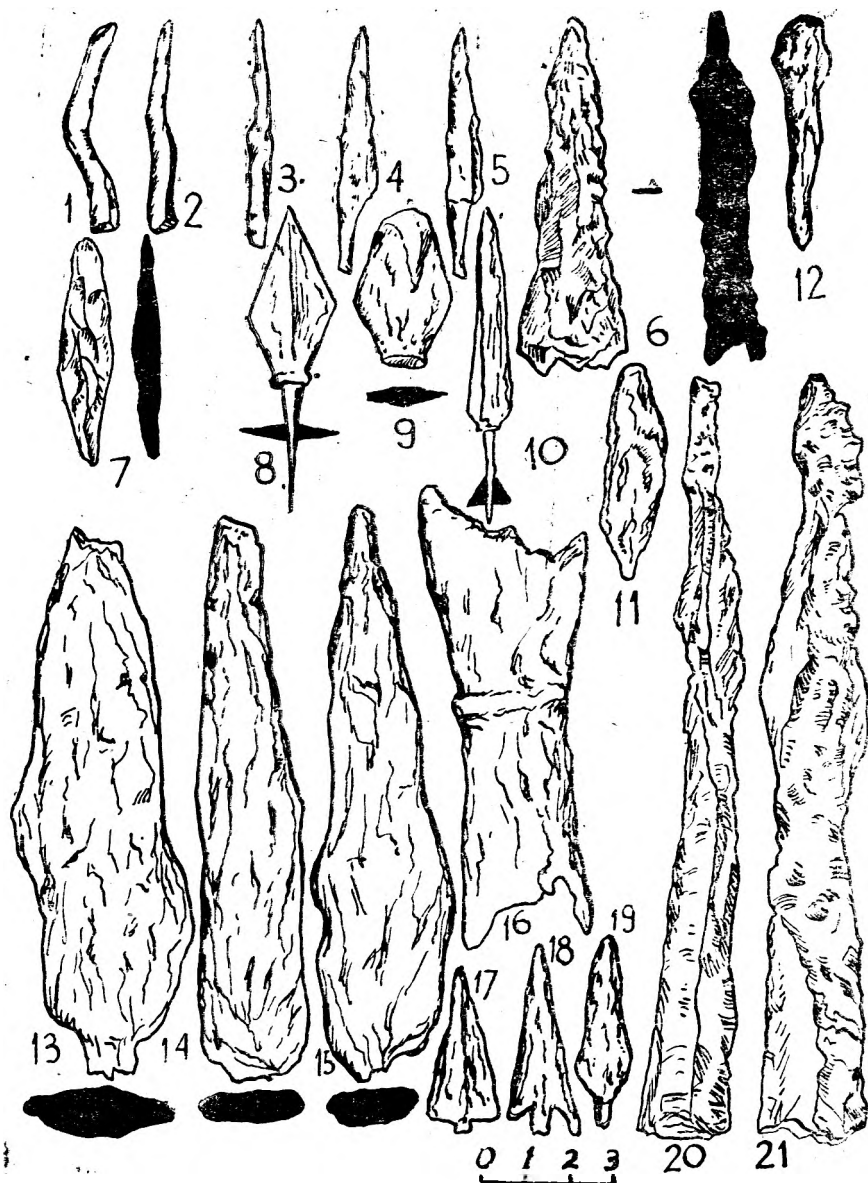

Табл. I. Предметы вооружения VI—XIII вв.

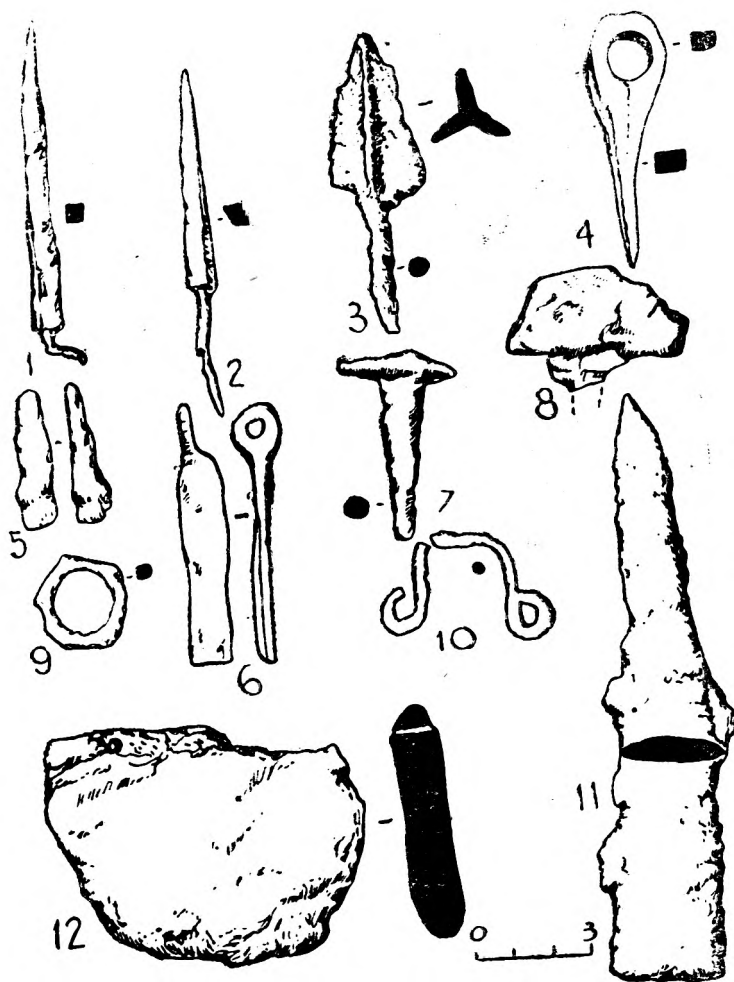

Табл. II. Предметы вооружения и орудия труда VI—XIII вв.

Дербенте¹⁵. Широкое распространение они получили в VI—VIII вв., так же как и округлые плоскочерешковые наконечники, из памятников хазарского времени в Северном Дагестане¹⁶.

Наконечники копий встречаются в слоях раннесредневекового города значительно реже, это связано как с их меньшим использованием (воин мог иметь десятки стрел и одно копьё), так и спецификой при-

¹⁵ Кудрявцев А. А. Первые исследования досасанидского Дербента.— В кн.: Древние памятники Северо-Восточного Кавказа, Махачкала, 1977, с. 144.

¹⁶ Магомедов М. Г. Верхнепирютковский курганный могильник.— В кн.: Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала, 1977, с. 16, 29, рис. 4, 9.

менения этого вида оружия, способствовавшей продолжительной службе копья и многократности использования. Наконечники копий представлены в основном двумя типами, различающимися между собой формой пера. Оба типа, судя по сохранившимся фрагментам, имели большие размеры. Первый из них, с цилиндрической втулкой и узким длинным пером ромбовидно-заостренной формы, достигал в длину 30 см, а второй — с аналогичной втулкой и листовидно-вытянутым или заостренно-коническим пером, достигал 20—25 см (табл. I, 6, 16, 20, 21; табл. II, 11).

Копья первого типа встречаются в материалах кочевничьих памятников VII—VIII вв. Северного Дагестана¹⁷, а вторые более типичны для закавказских и среднеазиатских памятников¹⁸.

Мечи и ножи представлены в культурных слоях Дербента VI—VII вв. очень незначительными обломками, которые не позволяют судить о их формах. Можно лишь отметить, что мечи имели обоюдоострые клинки с плоско-черешковым насадным завершением рукояти, а ножи однолезвийные, с прямой или чуть изогнутой, утолщенной спинкой, сужающейся к лезвию, и прямоугольным или квадратным насадным черенком (табл. III). Подобные мечи и ножи широко представлены в материалах памятников Дагестана и Кавказа V—IX вв.¹⁹

Защитное вооружение встречается в раннесредневековых слоях города редко, что связано, видимо, со спецификой сохранности подобных предметов в культурных отложениях памятника подобного Дербенту. Этот вид металлических изделий представлен остатками пластинчатых панцирей, дошедших в виде сильно деформированных в результате коррозии прямоугольных пластин, длиной 7—10 см, шириной 3—7 см, со следами отверстий и заклепок по краям (табл. 11, 12; табл. IV, 1, 2, 12). Не исключено, что пластины могли иметь округлый или листообразный конец, но установить это из-за плохой сохранности изделий не представляется возможным.

Пластинчатые панцири и кольчуги были типичным защитным вооружением тяжелой конницы и широко применялись в раннесредневековый период на Ближнем Востоке, Кавказе, в Средней Азии и Восточной Европе. Подобные панцири были обнаружены в погребениях VII—VIII вв. знатных кочевников на памятниках Северного Дагестана хазарского времени²⁰, среди аналогичных материалов раннесредневековых городов Средней Азии²¹ и в других местах.

¹⁷ Магомедов М. Г. Верхнечирюртовский курганный могильник, с. 24, рис. 7, 23.

¹⁸ Атаев Д. М. Археологические исследования в Дидо.—СА, 1961, № 1, с. 286, рис. 3; Казиев С. М. О некоторых типах оружия из Мингечаура.—МКА. Баку, 1951, т. 2, с. 17, 19, 29; табл. IV, V; Белецкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город, с. 76, 78, рис. 44.

¹⁹ Атаев Д. М. Археологические исследования в Дидо, с. 286, рис. 3; Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1971, с. 321, 323, рис. 20 б; 21 б; Яковсон А. Л. Археологические исследования на городище Оренгала в 1957 г.—МНА, 1963, № 133, с. 19, рис. 9.

²⁰ Магомедов М. Г. К вопросу о происхождении культуры Верхнечирюртовского курганного могильника.—В кн.: Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала, 1977, с. 40—43, рис. 15.

²¹ Белецкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город..., с. 77—78, рис. 46.

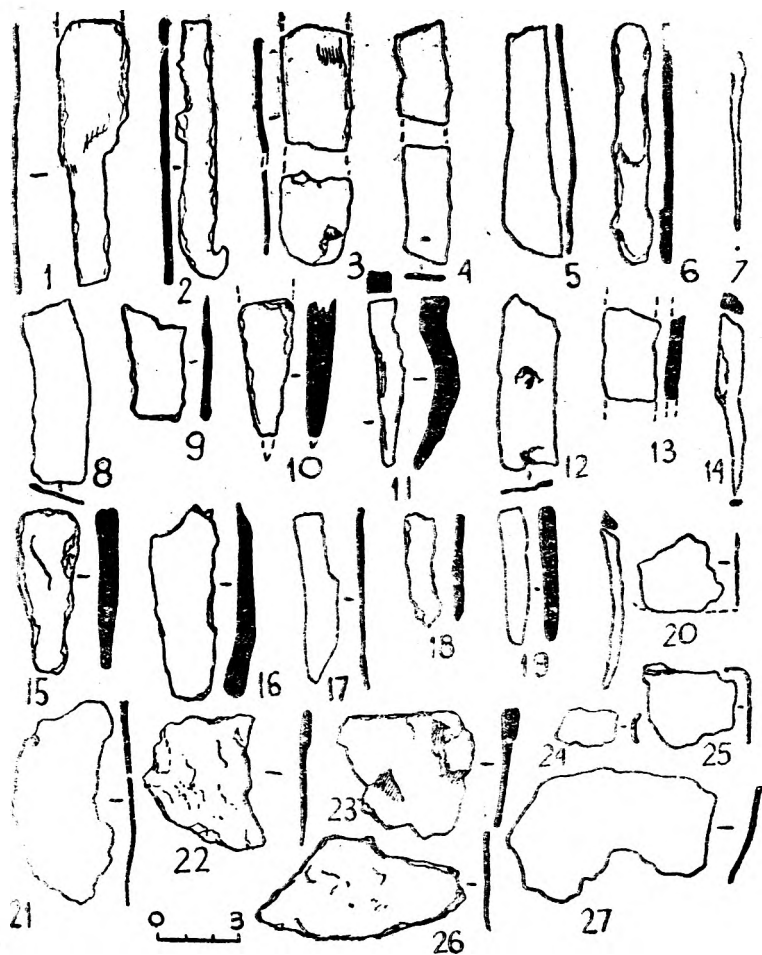

Табл. III. Предметы вооружения VIII—XIII вв.

Предметы конского снаряжения из металла представлены подпружными пряжками и фрагментами удил, первые из которых весьма крупных размеров и имеют в основном четырехугольную, редко округлую форму, а вторые не дают четких представлений о формах и типах, так как обнаружены лишь в виде отдельных колец, стержней, звеньев и сильно деформированных обломков.

Предметы конской сбруи, подобные дербентским, были широко распространены в VI—VIII вв. на обширной территории и известны как из раннесредневековых памятников Дагестана²² и Кавказа²³, так

²² Магомедов М. Г. К вопросу о происхождении..., с. 46.

²³ Якобсон А. Л. Археологические исследования..., с. 19, рис. 9.

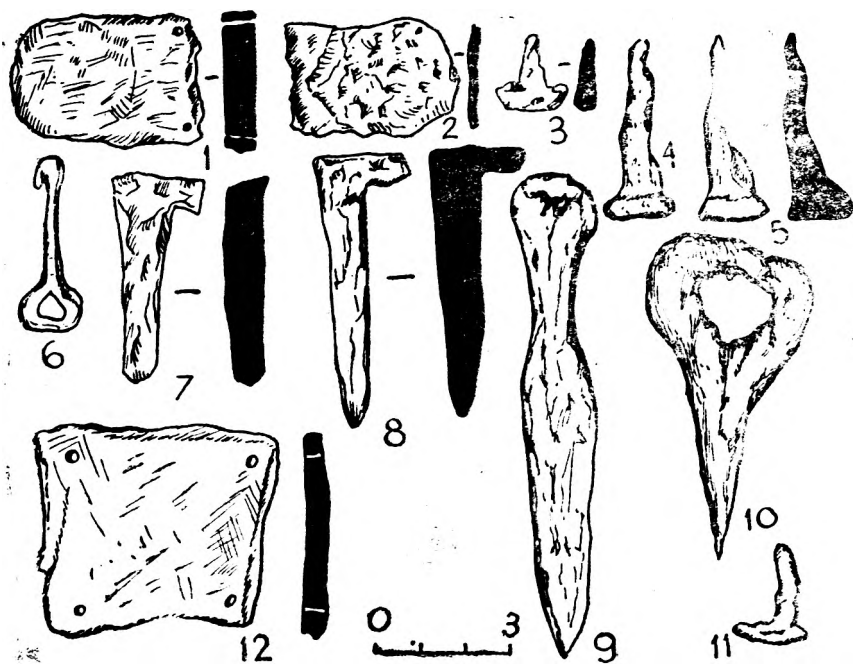

Табл. IV. Предметы вооружения и орудия труда VI—VIII вв.

и из других мест²⁴. Предметы военного назначения составляют в общем около 50% от общего количества металлических вещей.

Бытовые предметы представлены хотя и довольно многочисленной (около 40%), но весьма однообразной группой металлических изделий Дербента VI — нач. VIII вв. В основном это разнообразные долота, ножевидные предметы, молотки с заостренным концом, скобы, стержни, кольца, гвозди, причем последние разделяются на три типа: с округлым стержнем и шляпкой, с квадратным пирамидовидным стержнем и круглой шляпкой, костью-леvidные с массивной шляпкой (табл. II, 4—9; табл. IV, 3—10).

Определить назначение целого ряда других металлических предметов из слоев города VI — нач. VIII вв. не позволяет их плохая сохранность.

Исследования металлических изделий из раннесредневековых слоев города VI — нач. VIII вв. дают основания считать, что в этот период развитие металлообрабатывающего ремесла Дербента было в большей степени направлено на удовлетворение его военных потребностей и прежде всего на изготовление предметов вооружения. Это объяснялось тем, что Дербент в этот период был в первую очередь городом-кре-

²⁴ Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1958; Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большиков О. Г. Средневековый город..., с. 77, рис. 45.

постью, крупнейшим оплотом Сасанидов на Кавказе, а уже потом экономическим центром, его военно-политическая роль была значительно выше торгово-экономической, это нашло отражение и в составе населения города, и в развитии ремесел.

Период VIII — середины XIII вв.

Этот период в развитии металлообработки Дербента ознаменовался резким увеличением выпуска изделий из металла самого различного назначения. В слоях города VIII—XIII вв. металлических предметов было обнаружено почти в десять раз больше, чем в раннесредневековых.

Этот период в развитии металлообрабатывающего ремесла Дербента ознаменовался не только количественными, но и качественными изменениями. В это время не только значительно увеличивается изготовление металлических изделий, но изменяется соотношение предметов вооружения и предметов быта и в слоях города VIII—XIII вв. находки оружия составляют менее 20% от общего количества обнаруженных металлических изделий, большая часть которых является орудиями труда.

Вооружение этого периода представлено оружием наступательным и защитным, а также предметами конской сбруи.

Наступательное оружие состоит в основном, из наконечников стрел, копий, фрагментов ножей, сабель, кинжалов.

Наконечники стрел составляют одну из самых многочисленных групп наступательного оружия, обнаруженного в слоях города VIII—XIII вв. Они представлены семью основными типами изделий с большим количеством вариантов. Широкое распространение такого защитного вооружения, как кольчуга способствовало появлению наконечников стрел нового типа — бронебойных, поэтому в период VIII—XIII вв. и особенно XI—XIII вв. в Дербенте наиболее часты находки длинных узких наконечников треугольного, четырехугольного, ромбовидного ромбовидно-многогранного сечения. Основными типами являются черешковые наконечники стрел следующих форм: 1) ромбовидные плоско-выпуклые; 2) ромбовидные, округло-вытянутые, плоские; 3) округлые тонкие, сильно вытянутые, конические; 4) квадратные тонкие, сильно вытянутые, заостренные к концу; 5) треугольные тонкие, сильно вытянутые, заостренные к концу; 6) ромбовидные, иногда ромбовидно-многогранные у основания, тонкие, заостренные к концу; 7) плоские, остролистно-вытянутые (табл. I, 1—5, 9—12; табл. II, 1—2; табл. VII, 2—3, 6, 7, 21—22, 31—32). Все наконечники имеют большие размеры и длинный черешок для прочного крепления в древке стрелы.

Особенно многочисленны, как уже отмечалось, узкие бронебойные наконечники, длина которых без черешка достигает 5—7 см, при толщине сечения у основания всего 0,5—0,7 см. Подобный кованый наконечник мог пробивать и панцирь, но особенно уязвимы были против него кольчужные кольца, которые он прорывал благодаря своей форме. В таком случае, если спайки или клепки колец кольчуги выдерживали удар, воин все равно получал ранение, благодаря проникнове-

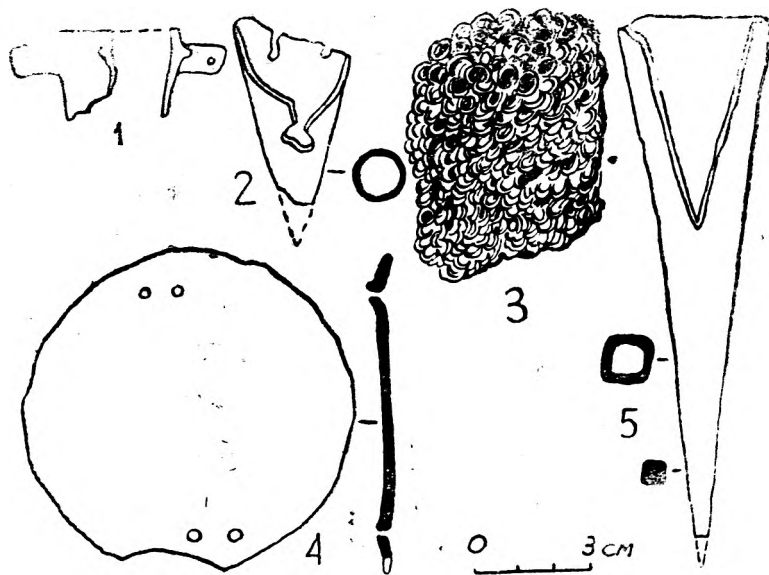

Табл. V. Предметы вооружения VIII–XIII вв.

нию тонкого конца наконечника на некоторую глубину в отверстие кольца. Наибольшее распространение подобные наконечники нашли в XII — первой половине XIII вв.²⁵ они были очень просты в изготовлении и легко выковывались из заготовок стержней. О том, что они изготовлялись в Дербенте, свидетельствуют находки заготовок для них. Почти все выявленные в слоях города формы наконечников имеют широкие параллели среди аналогичных предметов вооружения памятников VIII–XIII вв. Дагестана²⁶, Северного Кавказа²⁷, Закавказья²⁸, Восточной Европы²⁹, Южного Урала³⁰ и других областей³¹.

Накопечники копий составляют немногочисленную группу изделий из металла среди находок предметов вооружения. Однако вряд ли это связано с их незначительным распространением в вооружении средне-

²⁵ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие.—САИ, 1966, Е1—36, с. 83 (тип 90), с. 153, табл. 21.

²⁶ Атаев Д. М. Некоторые средневековые могильники Аварии.—МАД. Махачкала, 1961, т. 2, с. 241, 244, рис. 18, 24.

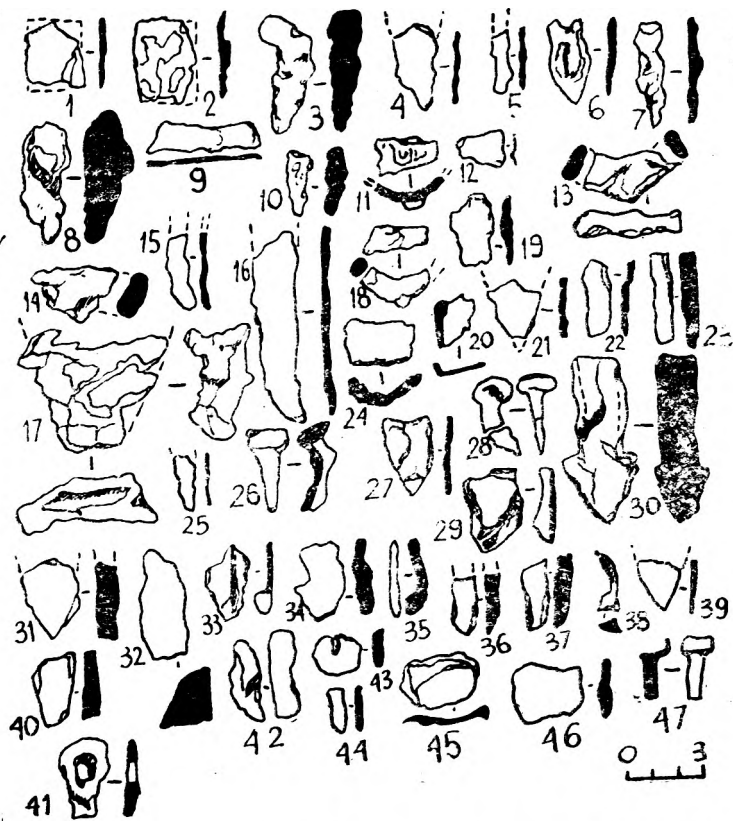
²⁷ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история..., с. 333, рис. 27 б; с. 341, рис. 32 б; Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник, с. 72, рис. 8.

²⁸ Якобсон А. Л. Раскопки на городище Орен-кала в 1953—1955 гг.—МИА, 1959, № 67, с. 142, рис. III.

²⁹ Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков.—САИ. М., 1973, Е1—19, с. 77, табл. 29; с. 78, табл. 30; с. 86, табл. 38; с. 87, табл. 39.

³⁰ Мажитов Н. А. Южный Урал в XII—XIV вв. М., 1977, с. 198, табл. I.

³¹ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие, с. 83, 153, табл. 21; Халикова Е. А. Биллярские некрополи.—В кн.: Исследования великого города. М., 1976, с. 116, рис. 63.

Т а б л. VI. Предметы вооружения и орудия труда VIII—XIII вв.

векового воина, скорее объясняется спецификой использования копий, не способствующей их сохранности в материалах средневекового города. Следует отметить, что находки копий в культурных напластованиях древних и средневековых городов весьма редки.

В слоях Дербента VIII—XIII вв. было обнаружено три наконечника копий, позволяющих судить о форме этих изделий, и четыре фрагмента наконечников, формы которых можно представить лишь предположительно по аналогии с целыми. Наконечники копий этого периода представлены тремя типами: 1) простые, втучато-конические; 2) плоские, остролистно-вытянутые, черешковые; 3) остролистно-вытянутые, ланцетовидные, с конической втулкой (табл. I, 13—15; табл. VII, 5, 18; табл. V, 5; табл. VI, 30).

Первый тип, наиболее распространенный ввиду простоты изготовления, представляет собой конус, свернутый из железного листа треугольной формы, конец которого хорошо прокован и иногда имеет квадратное сечение. Второй тип наконечников применялся, видимо,

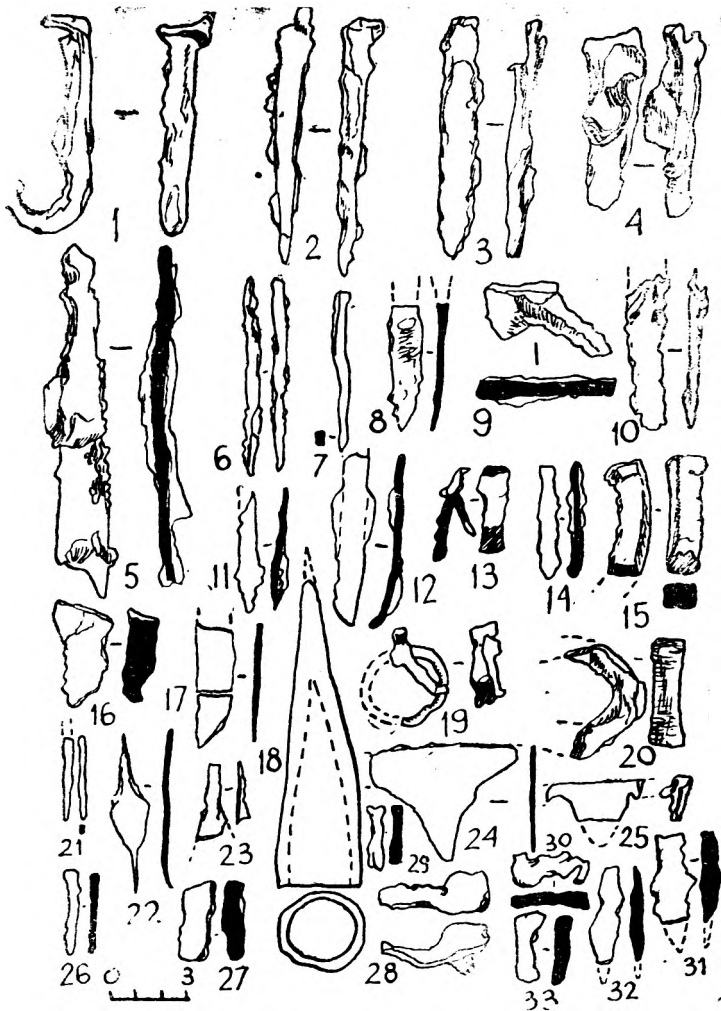

Табл. VII. Предметы вооружения и быта VIII—XIII вв.

в дротиках, чем объясняется его более вытянутые формы и несколько меньшие размеры. Третий тип наконечников, сохранившийся фрагментарно, был характерен для подобного вида вооружения и в предшествующий период, но в средневековых образцах втулка более массивная и больших размеров. Применение более узкого пера «было удобно для боя с противником, защищенным металлическим чешуйчатым или пластинчатым панцирем»³², еще более это справедливо для кольчуги.

Копья, подобные дербентским, были широко распространены на

³² Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.— МИА, 1961, № 101, с. 73.

обширной территории и находки подобных наконечников известны в Дагестане³³, на Кавказе³⁴, в Восточной Европе³⁵ и Средней Азии³⁶.

Сабли, ножи, кинжалы (мечи) представлены довольно значительным количеством изделий в основном фрагментарного характера.

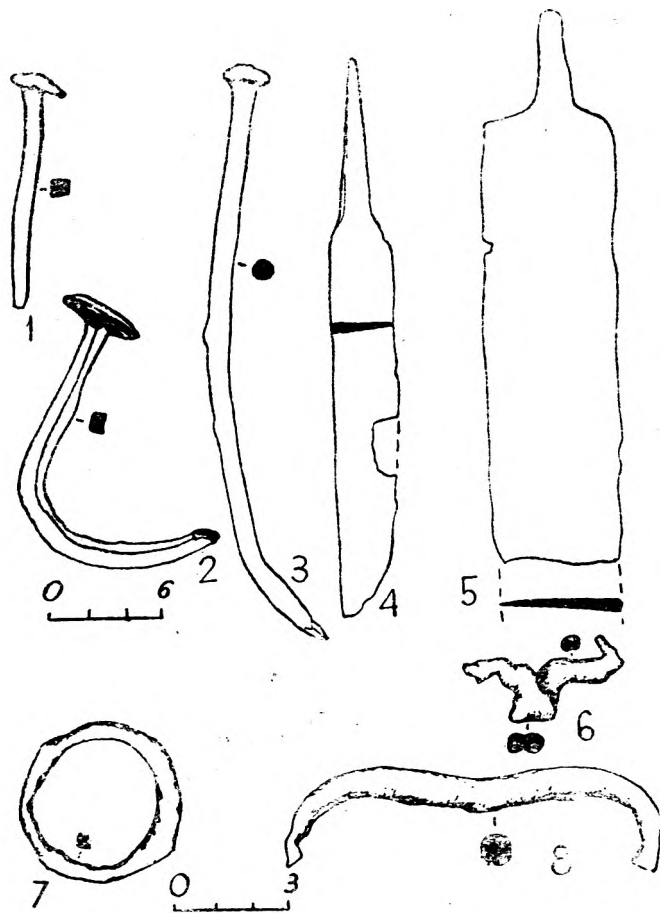

Табл. VIII. Предметы вооружения и быта VIII—XIII вв.

³³ Атаев Д. М. Археологические исследования в Дидо, с. 286, рис. 3; Котович В. Г., Мунчаев Р. М., Путинцева Н. Д. Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана.— МАД, Махачкала, 1961, т. 2, с. 277, рис. 6.

³⁴ Якобсон А. Л. Археологические исследования..., с. 19, рис. 9.

³⁵ Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков, с. 51, табл. 3, с. 63, табл. 15, с. 65, табл. 17; с. 66, табл. 18; с. 71, табл. 23, с. 75, табл. 27 и др.; Она же. От юечевий к городам. М., 1967, с. 159—160, рис. 43.

³⁶ Тереножкин А. И. Холм Ак-Тепе близ Ташкента.— Тр. ИИА АН Уз. ССР. 1948; т. 1; Деревяко Е. И. К вопросу о вооружении мохэсского воина.— В кн.: Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975, с. 195, рис. 2.

Новым видом оружия, появившимся в данный период в Дербенте, были сабли. Находки их весьма малочисленны и представлены всего тремя фрагментами, один из которых относится к периоду VIII—IX вв., а два других — к XI—XIII вв. (табл. III, 1—5, 8, 12; табл. VI, 16; табл. VII, 17; табл. VIII, 5).

Сабля, как вид наступательного оружия, была занесена в Восточную Европу кочевниками Центральной Азии. Пока трудно сказать откуда была занесена сабля в Дербент, появилась ли она здесь вместе с арабами или была перенята от хазар. Появление и быстрое распространение сабель в южнорусских степях и на Северном Кавказе исследователи связывают с аланами³⁷. Слабоизогнутые сабли известны на памятниках Северного Дагестана VII—VIII вв. и появление их связывается с кочевыми племенами Хазарского каганата³⁸. Это удобное и эффективное наступательное оружие могло быть перенято дербентскими воинами и от арабов. Салтовские сабли относятся к группе слабоизогнутых короткоконечных³⁹, и сабля из слоев VIII—IX вв., с довольно широким, слабоизогнутым клинком, напоминает оружие этого типа, близкого, как отмечалось исследователями, к позднесарматским мечам.

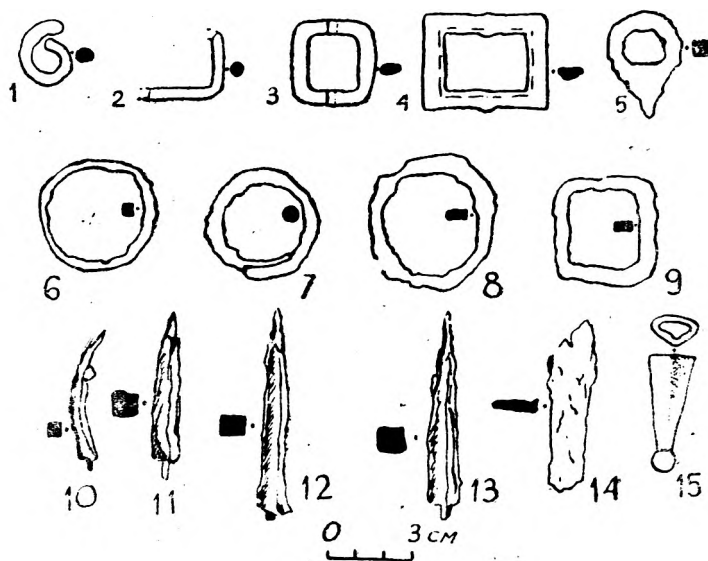

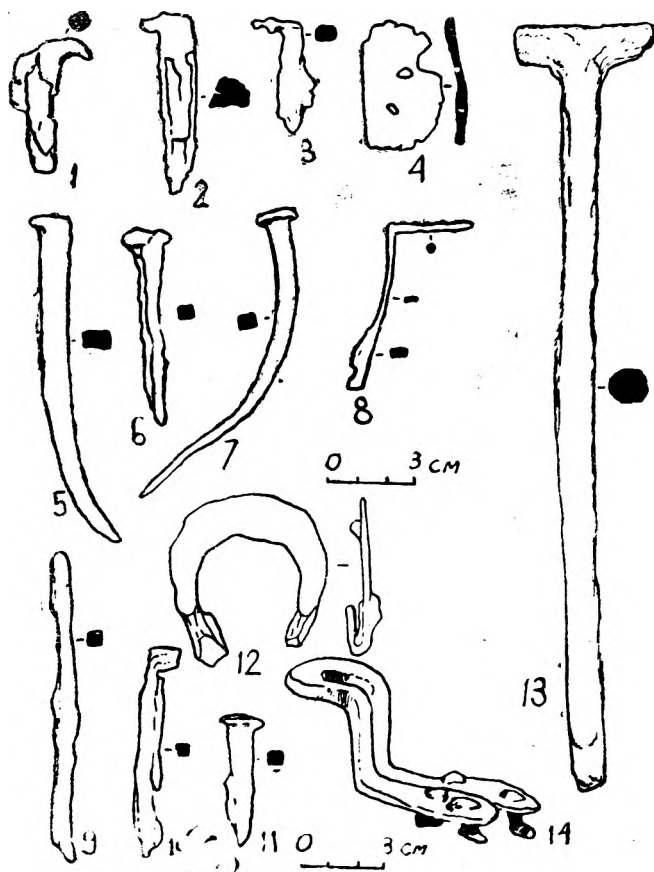
Табл. IX. Предметы вооружения и пряжки VIII—XIII вв.

Сабли из слоев XI—XIII вв. имеют более изогнутый тонкий клинок и близки к подобным восточным изделиям.

³⁷ Мерперт Н. Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье.— СА, 1955, XXIII, с. 165.

³⁸ Магомедов М. Г. К вопросу о происхождении..., с. 42.

³⁹ Мерперт Н. Я. Из истории оружия..., с. 134.

Т а б л. X. Орудия труда и предметы быта VIII—XIII вв.

В средневековый период сабля высоко ценилась как на мусульманском Востоке, так и в Восточной Европе. С. А. Плетнева справедливо отмечает, что у кочевников, для которых этот вид оружия являлся наиболее распространенным, «сабля была очень дорогим оружием, и положить ее в могилу могла только богатая семья»⁴⁰. Малочисленность находок этого вида наступательного оружия в Дербенте, как и в слоях многих других городов средневекового Востока, объясняется специфической использованием сабель и ценностью даже поломанного клинка (для изготовления ножей, орудий труда).

⁴⁰ Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 157.

Ножи в слоях города представлены значительно шире и количество их фрагментов достигает 21. Все они однолезвийные, различной величины, от 15 до 35 см, спинка прямая или несколько изогнутая, рукоять завершается черешковым насадом (табл. III, 9—10, 13—19; табл. VII, 6—12; табл. VIII, 4). Три фрагмента принадлежат двулезвийным ножам типа кинжала или короткого меча. На бытование этого типа оружия указывают находки деталей ножен кинжалов из железа, меди, серебра.

Подобные ножи были широко распространены в VIII—XIII вв. на обширной территории и известны по материалам памятников Дагестана⁴¹, Кавказа⁴², Восточной Европы⁴³ и других областей.

Видимо, не все из выявленных ножей являлись предметами вооружения, но наиболее длинные из них, типа кинжалов, подобно аналогичным салтовским изделиям⁴⁴, служили оружием.

Конская сбруя представлена подпружными пряжками, удилами, фрагментами стремян, подковами (табл. IX; табл. X; табл. XI). Пряжки в основном крупные, квадратной, реже округлой формы, близкие аналогии им имеются в материалах памятников Дагестана⁴⁵, Кавказа⁴⁶, Восточной Европы⁴⁷. Удила представлены в слоях Дербента тремя типами, хотя их, возможно, было и больше, но плохая сохранность изделий не позволяет это установить. Первый тип представлен наиболее простыми удилами, состоящими из двух звеньев, соединенных посредине, с неподвижными кольцами на концах. Второй тип представлен двухсоставными (два звена, соединенные посредине) удилами с двойными кольцами на концах, причем вторые подвижные кольца могут быть овальные или в форме вытянутого шестиугольника. И, наконец, удила третьего типа позволяют полагать, судя по сохранившимся фрагментам, что они имели гвоздевидные псалии. Наиболее распространенными являлись удила первого и второго типа, отмеченные в основном в слоях XI—XIII вв.

Все отмеченные типы удил известны из памятников Восточной Европы⁴⁸, а третий тип наиболее характерен для салтовских памятников⁴⁹.

Защитное вооружение представлено в слоях Дербента VIII—XIII вв. кольчугами, пластинками панцирей, отдельными защитными дисками (табл. III, 21, 26; табл. V, 3—4; табл. XI, 3, 6).

⁴¹ Атаев Д. М. Некоторые средневековые могильники.... с. 232, рис. 8; *Он же*. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963, с. 166.

⁴² Минкевич-Мустафаева Н. В. Раскопки на городской стене Орен-кала в 1953—1954 гг.—МИА, 1959, № 67, с. 163, рис. 18; Якобсон А. Л. Раскопки на городище..., с. 142; рис. III; *Он же*. Археологические исследования..., с. 19, рис. 9; Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история..., с. 339, табл. 31.

⁴³ Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков, с. 51, табл. 3; с. 52, табл. 4, с. 66, табл. 18 и др.

⁴⁴ Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 160.

⁴⁵ Атаев Д. М. Некоторые средневековые могильники..., с. 241, рис. 20, 11.

⁴⁶ Якобсон А. Л. Археологические исследования..., с. 19, рис. 9.

⁴⁷ Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков, с. 76, табл. 28 и др.; *Она же*. От кочевий к городам, с. 167, рис. 46. 1—3.

⁴⁸ Там же, с. 50, табл. 2; с. 51, табл. 3; с. 56, табл. 8; с. 57, табл. 9 и др.; с. 167, рис. 46, 9, 10, 13.

⁴⁹ Мерперт Н. Я. Из истории оружия..., с. 142.

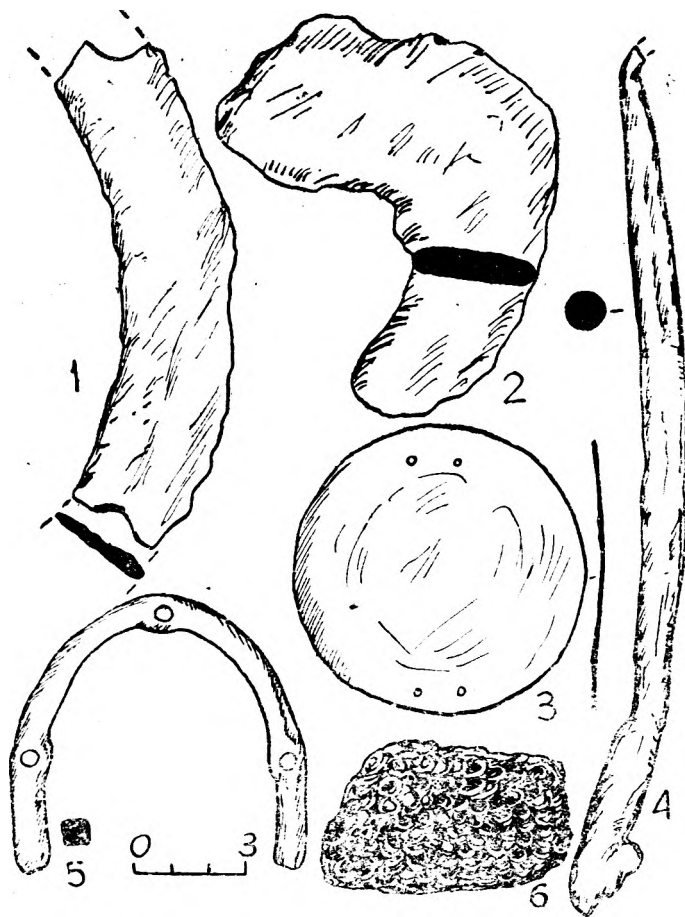

Табл. XI. Предметы вооружения и орудия труда VIII—XIII вв.

Кольчуги получили в период VIII—XIII вв. наибольшее распространение, как вид защитного вооружения, особенно широко они применялись в XI—XIII вв. Ал-Бируни так описал защитные свойства кольчуги: «Кольчуги предназначены для посрамления оружия (врага) в бою, они защищают от того, чем действуют противники»⁵⁰. В Дербенте обнаружено семь фрагментов кольчуг, позволяющих судить об этом виде защитного вооружения. Изготовление кольчуг — очень трудоемкое и сложное дело, требующее высокой квалификации мастера и большой затраты труда, поэтому стоили они, видимо, дорого. Однако этот вид защиты, возникнув в Передней Азии еще в древности, нашел широкое распространение в средневековый период на мусульманском

⁵⁰ Ал-Бируни. Минералогия. М., 1963, с. 231.

Востоке⁵¹, в Дагестане⁵², Древней Руси⁵³, Западной Европе⁵⁴. Уже арабские авторы IX—X вв., писавшие о Дагестане, сообщали об изготовлении здесь кольчуг и панцирей. Так, Масуди писал о Кубачах, которые назывались «владение Зарикаран (Зирих-Гаран), что означает «Мастера кольчуг», потому что большинство из них делает кольчуги»⁵⁵. Представленные в Дербенте фрагменты кольчуг состоят из колец двух типов: одни более тонкие, 0,7—1,2 мм толщины, диаметром 5—7 мм, другие — значительно массивнее, 1,5—2,5 мм толщины, диаметром 11—13 мм. Скреплялись кольца с помощью заклепок, но заклепками крепилось только соединительное кольцо, в которое продевались сварные. Видимо, это был основной способ скрепления кольчуг Дербента, хотя плохая сохранность ряда фрагментов не позволяет сделать окончательные выводы. В связи с этим любопытно отметить находку сильно окислившихся отдельных колец, обнаруженных в виде сплошного бесформенного комка в одном из помещений нижней части города⁵⁶. Изготовление кольчуги, состоявшей из 10—20 тыс. колец⁵⁷, половина из которых должна быть соединена заклепками, являлось делом не только трудоемким, но и сложным и требовало высокого профессионального мастерства ремесленника⁵⁸, Дербент, с его развитым ремесленным производством, был, видимо, наряду с Кубачами и Шиназом⁵⁹, одним из центров производства этого вида защитного вооружения.

Находки пластинок панциря немногочисленны (всего три фрагмента) и маловыразительны. Можно предположить, что этот вид защитного вооружения не претерпел особых изменений, лишь несколько увеличился размер пластинок.

Интересна находка круглого диска, диаметром около 10 см с отверстиями по краям (по два с каждой стороны), обнаруженного в богатом здании на уровне пола IX—X вв.⁶⁰ Представляется вероятным, что

---

⁵¹ Post P. *Orientalische Einflüsse auf die europäische Panzerung des Mittelalters.*— ZWК, NF, Bd. II, H. 9, Berlin, 1929, s. 239; Bocheim W. *Handbuch der Waffenkunde.* Leipzig, 1890, s. 130; Ал-Бируни. *Минералогия*, с. 231.

⁵² Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. /Публ. *Большакова О. Г., Монгайт А. Л.* М., 1971, с. 50; *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941, т. II, с. 137.

⁵³ *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 231—233; *Медведев А. Ф.* К истории кольчуги в Древней Руси.— КСИИМК, 1953, вып. 49, с. 26—31; *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие.— САИ, Л., 1971, Е1—36, вып. 3, с. 7—21.

⁵⁴ Blair C. *European Armour.* London, 1959, p. 19—23; Oakeshott R. E. *The archaeology of Weapons.* London, 1969, p. 153.

⁵⁵ *Масуди.* Мурудж ад-Дзахаб, гл. XVII. Пер. *Минорского В. Ф.*— В кн.: История Ширвана и Дербента. М., 1963, с. 203.

⁵⁶ *Кудрявцев А. А.* Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 1979 г.— Рук. фонд Ин-та ист., яз. и лит.-ры Дагфилнала АН СССР (ИИЯЛ), № 464, с. 57, рис. 14.

⁵⁷ *Гордеев Н. В.* Русский оборонительный доспех.— В кн.: Гос. Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954, с. 64; *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси.— МИА, 1953, 32, с. 150—151; *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие, с. 13.

⁵⁸ *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси, с. 231—232; *Колчин Б. А.* Черная металлургия..., с. 150—152.

⁵⁹ *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X—XIV вв. Махачкала, 1975, с. 47.

⁶⁰ *Кудрявцев А. А.* Раскопки богатого здания..., с. 92, 93, табл. VII.

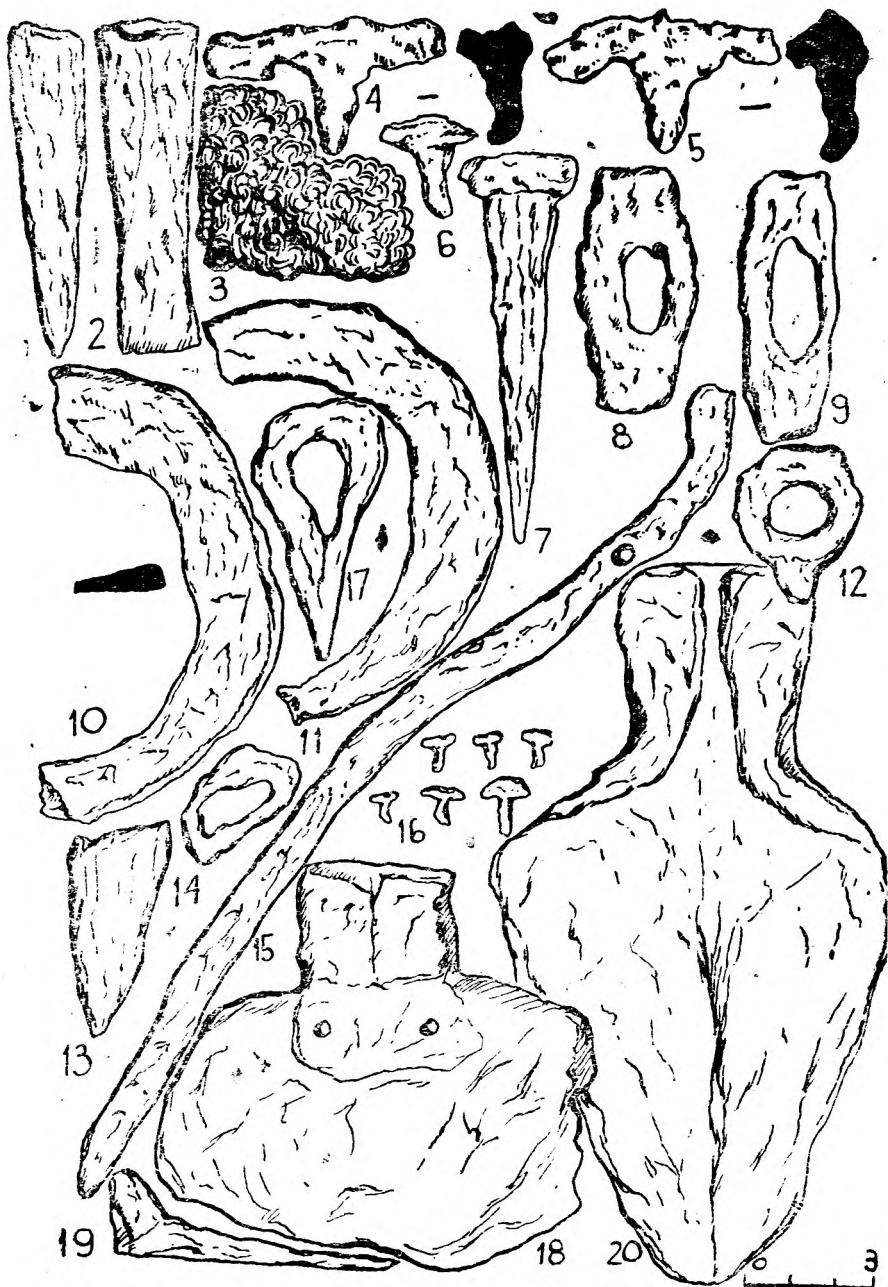

Табл. XII. Орудия труда VIII—XIII вв. (3 — кольчужные кольца).

диск использовался в качестве нагрудной защиты в дополнение к металлическому панцирю, кольчуге или кожаному панцирю. Подобные нагрудные пластинки могли защищать наиболее уязвимые места, однако не исключено, что найденный диск является одной из пластин панциря нового типа из дисковидных кругов.

Следует отметить находки в цитадели города крупных, сильно деформированных коррозией пластин, образовавших целый завал из металлических массивных изделий, определить назначение которых пока не представляется возможным. Не исключено, что это части какого-то защитного вооружения, возможно, конского доспеха.

Орудия труда и предметы быта составляют в слоях VIII—XIII вв. самую многочисленную группу металлических изделий. Многие из представленных в ней металлических предметов потеряли первоначальную

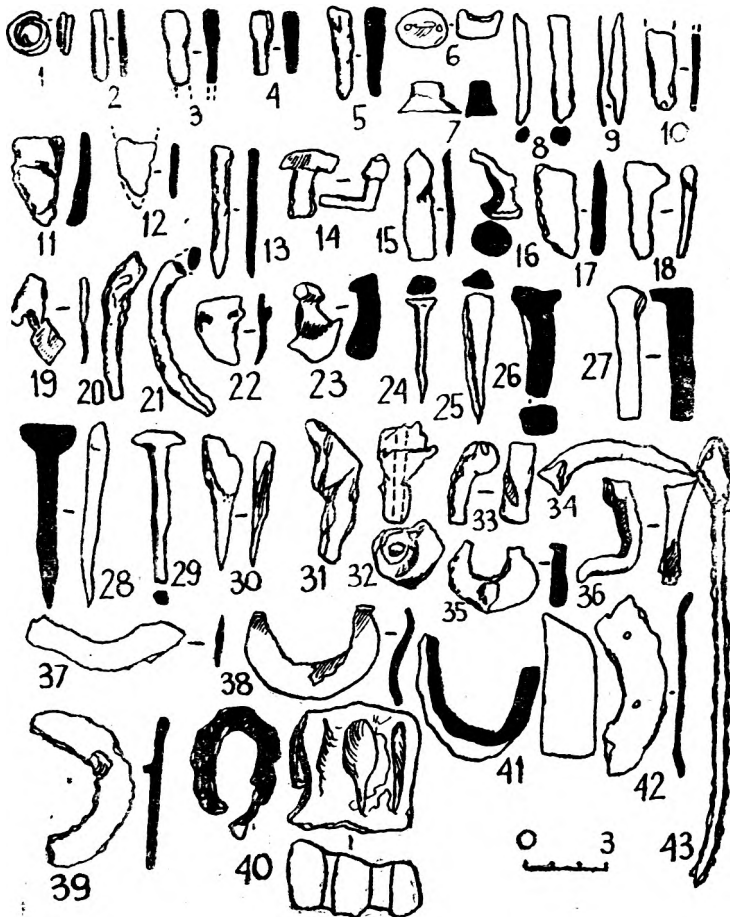

Табл. XIII. Орудия труда и предметы быта VIII—XIII вв.

форму и не поддаются определению, имеется ряд изделий непонятного назначения, но значительную часть орудий труда можно классифицировать по назначению и в хозяйственной жизни города и быту.

Сельскохозяйственные орудия представлены в основном фрагментами железных лопат, мотыжек, серпов, сошником плуга (табл. XI, 1—2; табл. XII, 10—11, 18, 20; табл. XIII, 19, 34, 37).

Лопаты представлены в средневековых слоях города одним целым изделием, позволяющим судить о подобных сельскохозяйственных орудиях с широкой пластиной и ушком для насада, и несколькими фрагментами пластин со следами ушка, которые можно сопоставить

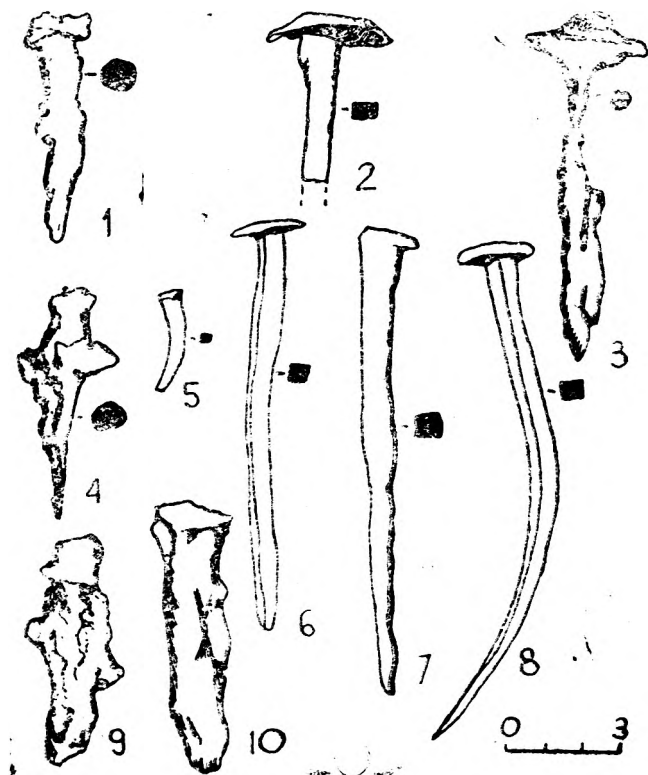

Табл. XIV. Орудия труда и предметы быта VIII—XIII вв.

с лопатами. К изделиям подобного назначения относится сошник плуга, обнаруженный в помещении XI—XIII вв. в нижней части города. Сохранилась его верхняя половина с втулкой, имеющей загнутые края для насада на крюк плуга. находка сошника наглядно подтверждает занятие населения Дербента сельским хозяйством, что вообще было

типично для средневекового города⁶¹. Помимо сошника и лопат к орудиям для обработки земли можно отнести небольшие мотыжки с довольно узкой рабочей пластиной и относительно широкой втулкой для насада, образованной за счет загиба верхних углов пластины. Они обнаружены в основном в виде фрагментов в слоях средневекового города.

К сельскохозяйственным орудиям относятся и обнаруженные в слоях VIII—XIII вв. фрагменты серпов, в виде сильно изогнутых пластин, шириной 2—3,5 см.

Аналогичные сельскохозяйственные орудия известны среди материалов многих средневековых городов Кавказа⁶², Средней Азии⁶³, Восточной Европы⁶⁴, Древней Руси⁶⁵, что отражало определенное аграрное направление их развития столь типичное для городов мусульманского Востока, Средиземноморья, Кавказа и других областей.

Строительные орудия и предметы составляют большую часть обнаруженных в слоях средневекового города металлических изделий. Это всевозможные штыри, крюки, кольца, петли, топоры, молотки, тесла, зубила, костыли, гвозди (табл. VI, 18—32; табл. VIII, 1—3; табл. X, 1—11; табл. XII, 1—2, 4—7; табл. XIV, 1—8) самых различных форм и размеров.

Топоры встречаются в слоях Дербента нечасто и в основном в виде бесформенных пластин железа, но находка более сохранившегося экземпляра позволяет говорить, что это были довольно массивные изделия с широким обухом и прокованным лезвием трапециевидной формы. Некоторые находки подобных предметов, хотя и сильно деформированные в результате коррозии, позволяют полагать, что были и более маленькие топоры с заостренным верхом, приспособленные, видимо, для подтески мягкого дербентского камня.

Подобные топоры трудно отличить, в результате сильного окисления, от молотков с заостренным верхним концом, которые также, вероятно, использовались каменщиками при строительстве.

В строительстве и камнеобработке применялись и тесла, которыми легко можно было обрабатывать мягкий местный ракушечник.

Обнаруженные в слоях города зубила служили, видимо, для вырубания каменных заготовок блоков в карьерах и для обработки их при строительстве.

Многочисленные крюки, штыри, кольца, костыли и гвозди — различных форм и размеров, свидетельствуют о широком их использовании в бытовом и общественном строительстве и о массовом изготовлении подобных изделий дербентскими ремесленниками для нужд мест-

⁶¹ *Якобсон А. Л.* Раскопки на городище..., с. 101.

⁶² Там же, с. 101, рис. 65; *Минкевич-Мустафаева Н. В.* Раскопки на городской стене..., с. 163, рис. 18; *Алексеев Е. П.* Древняя и средневековая история..., с. 334—337, рис. 28а, 8; 286, 12; 296, 9; *Очерки истории СССР III—IX вв.*, с. 499.

⁶³ *Неразик Е. Е.* Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). М., 1976, с. 135, рис. 82; *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Тольщиков О. Г.* Средневековый город..., с. 73, 74, рис. 42.

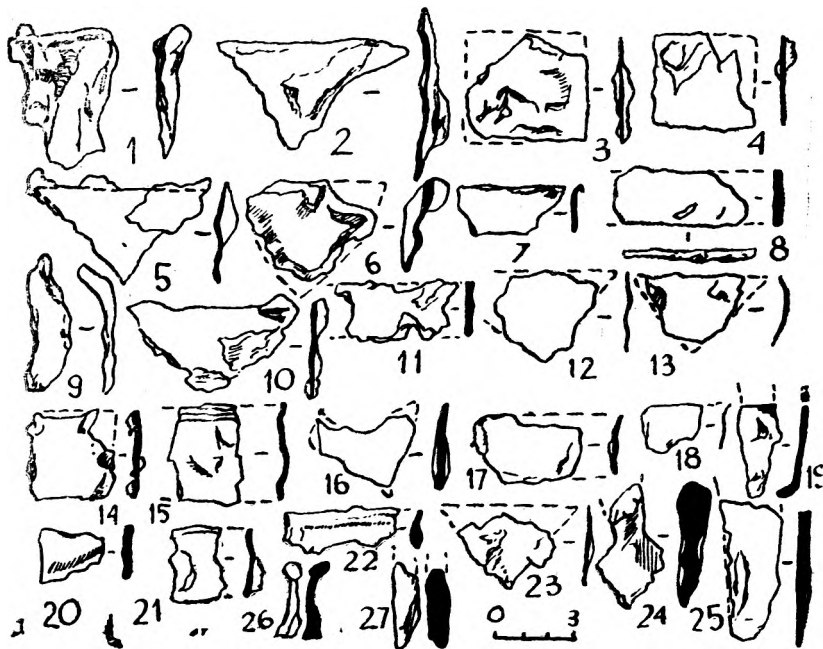
⁶⁴ *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, с. 144, 145, рис. 38; *Очерки истории СССР III—IX вв.*, с. 718.

⁶⁵ *Очерки истории СССР. III—IX вв.*, с. 645, 851.

ного рынка. Среди подобных изделий выделяется целая группа сопутствующих предметов: всевозможных фигурных скоб, петель, замков, ключей и других поделок.

Орудия, связанные с металлообработкой, представлены довольно немногочисленными предметами, что можно объяснить спецификой их распространения (видимо, только в местах нахождения мастерских или городских свалок, куда попадали поломанные орудия). К подобным орудиям можно отнести длинную ручку кузнечных щипцов, длинный — Т-образный предмет с лопастевидным расширением на конце, молотки с двусторонними ударными площадками, зубила, точила, массивные пробойники с тонким ударным концом, которые могли использоваться и для пробивания отверстий в скрепляющих кольцах кольчуги (табл. VI, 17, 20, 24; табл. X, 13; табл. XII, 8—9, 13, 15; табл. XIII, табл. XV).

Из орудий кузнецов археологическими находками в Дагестане зафиксированы кузнечные клещи, зубила, молотки, точила⁶⁶. Помимо

Т а б л. XV. Предметы быта и орудия труда VIII—XIII вв.

этих орудий кузнецы использовали для работы наковальни, напильники, различные зажимы. Находка на Цимлянском городище⁶⁷ клада инструментов средневекового кузнеца позволяет с достаточной полнотой представить основные орудия труда, употреблявшиеся в металло-

⁶⁶ Маммаев М. М. Ремесло Дагестана..., с. 11

⁶⁷ Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 152—153, рис. 41.

обрабатывающих ремесленных мастерских, и сопоставить с ними аналогичные предметы дербентских ремесленников.

Изучение металлообрабатывающего производства Дербента позволило выявить различные приемы обработки металла местными ремесленниками, которые включали литье, горячую и холодную ковку изделий, что позволяло придавать им нужную форму, пайку, сварку и клепку металлических поделок, скручивание, волочение, изгиб, обрезку, рубку, пробивание отверстий и разнообразные соединения отдельных деталей изделий. Подобные приемы обработки металла были широко распространены в ремесленном производстве не только средневекового Дербента, но и во многих торгово-ремесленных центрах Дагестана⁶⁸ и особое развитие они получают в IX—XIII вв., когда в металлообработке наметилась большая специализация выпускаемой продукции⁶⁹.

Исследования металлообрабатывающего производства Дербента свидетельствуют о том, что этот вид городского ремесла находился здесь на высоком уровне, и город в средневековый период был одним из крупных центров обработки металла. Ремесленник-кузнец, игравший большую роль в средневековом городе, пользовался особым положением в местном обществе, и его имя окружено особым героическим ореолом в многочисленных сказках и легендах. Местные адаты были вынуждены учитывать особое положение мастеров-кузнецов, которые, как и общественно-должностные лица, не приводились к присяге⁷⁰. Особая роль металлообрабатывающего ремесла и самого металла в хозяйственной и военной сфере народов Кавказа способствовала созданию культа железа, последнему приписывалась магическая сила; способность приносить счастье, охранять от болезней, отводить дурной глаз, сохранять верность. Значение кузнечного ремесла в средневековом Дагестане подчеркивается и тем, что с кузнецами впоследствии стали связывать названия отдельных кварталов и тухумов⁷¹, и, видимо, подобные кварталы ремесленников существовали в нижней части шахристана средневекового Дербента, где сосредоточены в основном обнаруженные раскопками следы металлообрабатывающего производства⁷².

---

⁶⁸ История Дагестана. М., 1967, т. I, с. 143—136; *Маммаев М. М.* Ремесло Дагестана, с. 10—11.

⁶⁹ История Дагестана, т. I, с. 177—178; *Маммаев М. М.* Ремесло Дагестана, с. 11.

⁷⁰ История Дагестана, т. I, с. 134.

⁷¹ *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X—XIV вв., с. 50.

⁷² *Кудрявцев А. А.* Территориальное развитие и застройка..., с. 10—11.

НЕПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ДЕРБЕНТА XIII—XVI ВЕКОВ

Керамика является основной массой добываемого при археологических раскопках материала и, несомненно, является одним из наиболее обширных и важных исторических источников о жизни населения изучаемого региона на различных этапах его существования. Последовательно сменяя друг друга, различные виды керамики определяют уровень гончарного производства средневекового города.

Разнообразный керамический материал, выявленный при исследовании позднесредневекового Дербента, служит существенным показателем развития производительных сил города, имущественной дифференциации его населения, даёт представление об одном из важнейших в средневековую эпоху производств — керамическом. На керамическом материале в основном базируется датировка различных исторических этапов и событий, а также архитектурных объектов. Керамический материал является источником выявления культурных и торговых связей позднесредневекового Дербента с соседними государствами и влияния этих связей на керамическое производство.

Классификация и хронология керамики домонгольского Дербента разработана А. А. Кудрявцевым. Весь керамический материал города до XIII в. разделён им на три отдела: поливная керамика, неполивная и керамика специального назначения¹. Следуя этой классификации, мы и в керамике позднесредневекового Дербента выделили те же отделы. Кроме того, в специальный отдел выделена кашинная керамика (табл. I).

Настоящая статья посвящена изучению неполивной керамики Дербента XIII—XVI вв.², которая составляет 81% во всей массе керамического материала города (табл. II) и делится нами по её хозяйственному назначению на четыре группы: I — столовая; II — кухонная; III — тарная; IV — керамика специального назначения³.

Группа I. Столовая керамика.

Столовая неполивная керамика составляет самую многочисленную группу неполивной керамики Дербента XIII—XVI вв. и представлена,

¹ Кудрявцев А. А. Дербент в VIII—XIII вв.— Рук. фонд ИИЯЛ 478/6954. 1980, 96 л.

² Поливная керамика Дербента рассмотрена в специальной статье. См.: Гамзатов Г. Г. Поливная керамика Дербента XIII—XVI вв. (по материалам раскопок 1980 г.).— В кн.: Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1981.

³ Автор статьи приносит глубокую благодарность начальнику Дербентской археологической экспедиции А. А. Кудрявцеву за разрешение использовать материалы раскопок Дербента.

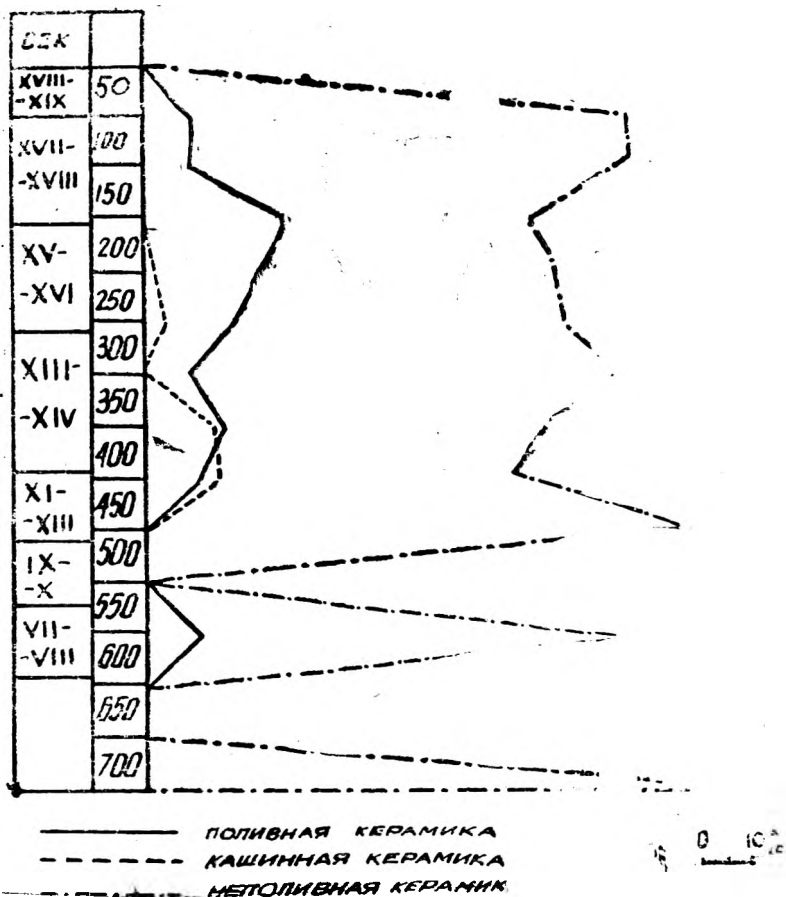

Табл. 1. График взаимовстречаемости поливной, кашинной и неполивной керамики в культурных слоях Дербента. (Цифры слева — глубины в см).

главным образом, кувшинами. Несомненно, что к категории столовой посуды относятся и такие формы как тарелки, чаши, блюда. Появление в середине VIII в. в Дербенте поливной посуды привело к вытеснению этих форм неполивных изделий поливными. К XI в. этот процесс практически завершился и в последующем мы уже почти не встречаем в керамическом материале Дербента неполивных тарелок, чаш и блюд. Тем не менее, эти формы неполивных столовых изделий достаточно широко встречаются на позднесредневековых памятниках Северного Дагестана.

Столовая неполированная керамика позднесредневекового Дербента отличается от однотипных изделий города домонгольской поры прежде всего качеством изделий: ухудшается качество теста, обжига, происхо-

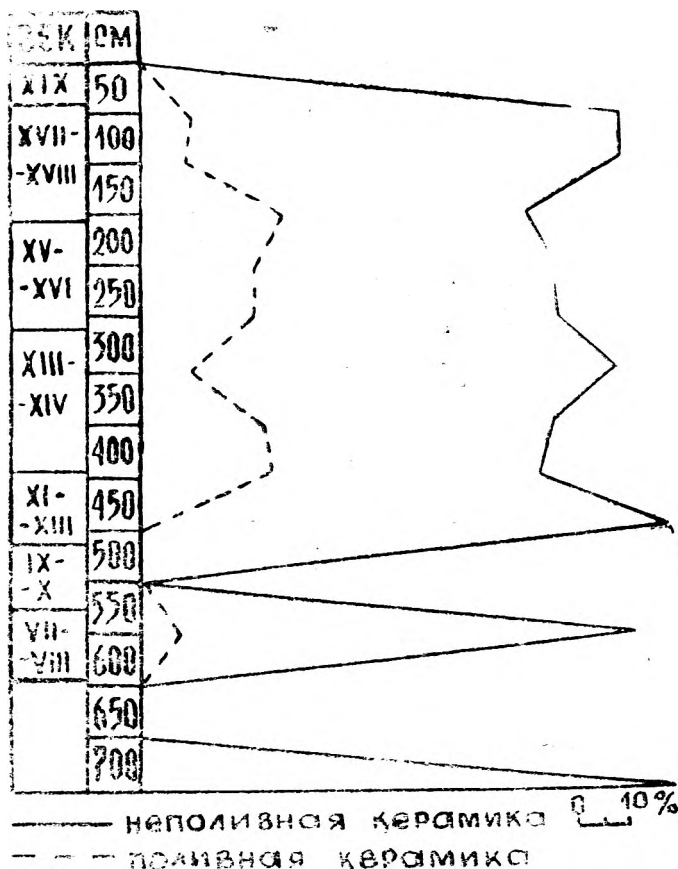

Табл. II. График взаимовстречаемости доливной и неполивной керамики в культурных слоях Дербента. (Цифры слева — глубины в см).

дит унификация форм. Кроме того, некоторые изделия Дербента XIII—XVI вв. покрывались коричневым ангобом, а среди сосудов домонгольского Дербента этот элемент отсутствует.

Кувшины XIII—XVI вв. представлены двумя видами: А — узкогорлые; Б — широкогорлые.

Вид А. Узкогорлые кувшины рассматриваемого времени отличаются от однотипных изделий домонгольского Дербента формой горловины и способом крепления ручек и сливных носиков, а также значительным сокращением орнаментированных экземпляров.

Горловины у рассматриваемых сосудов XIII—XVI вв. отличаются вздутиями в центральной части изделия (табл. III, 7, 8, 10, 11), несколько расширенным венчиком, наличием двух валиков у основания горловины и её верхней части (табл. III, 3, 4).

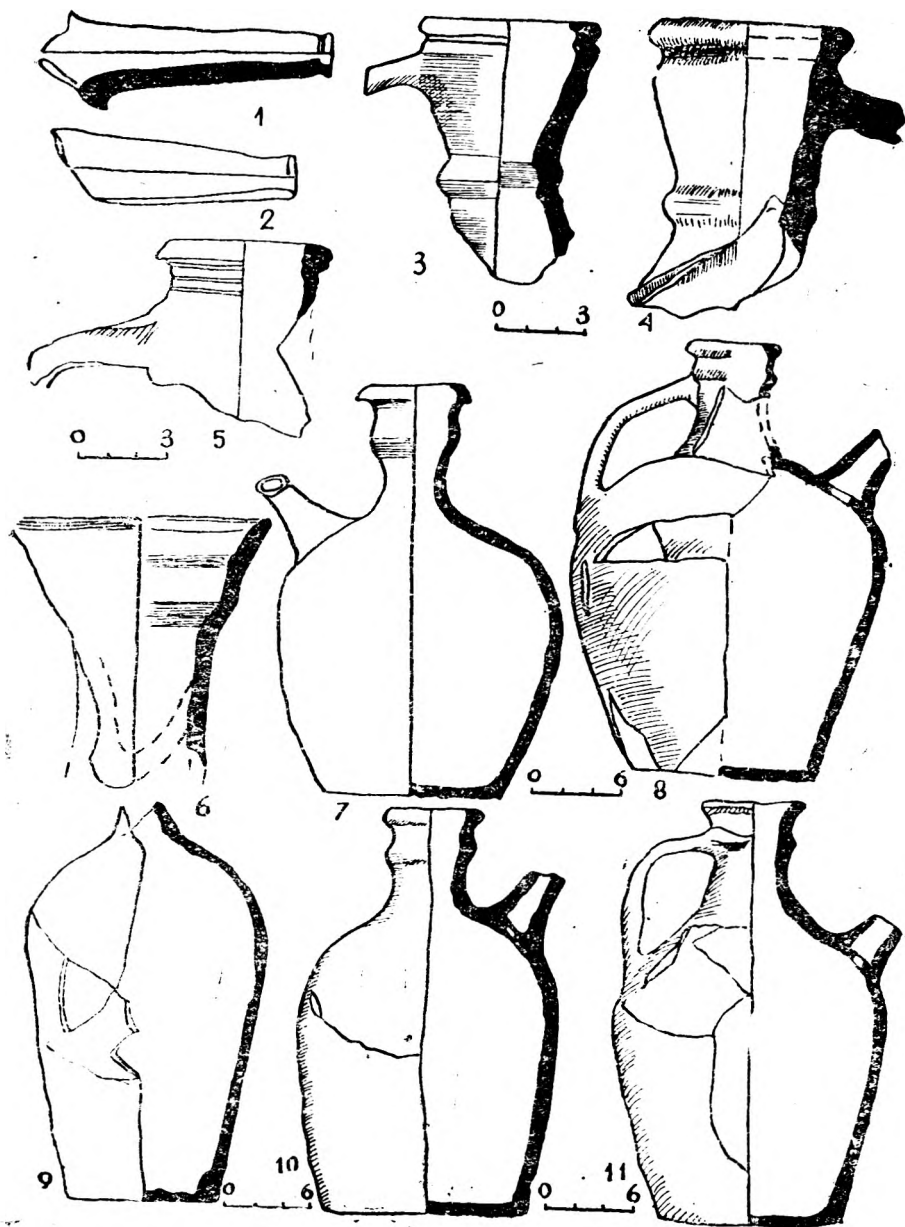

Табл. III. Узкогорлые кувшины Дербента XIII—XVI вв.

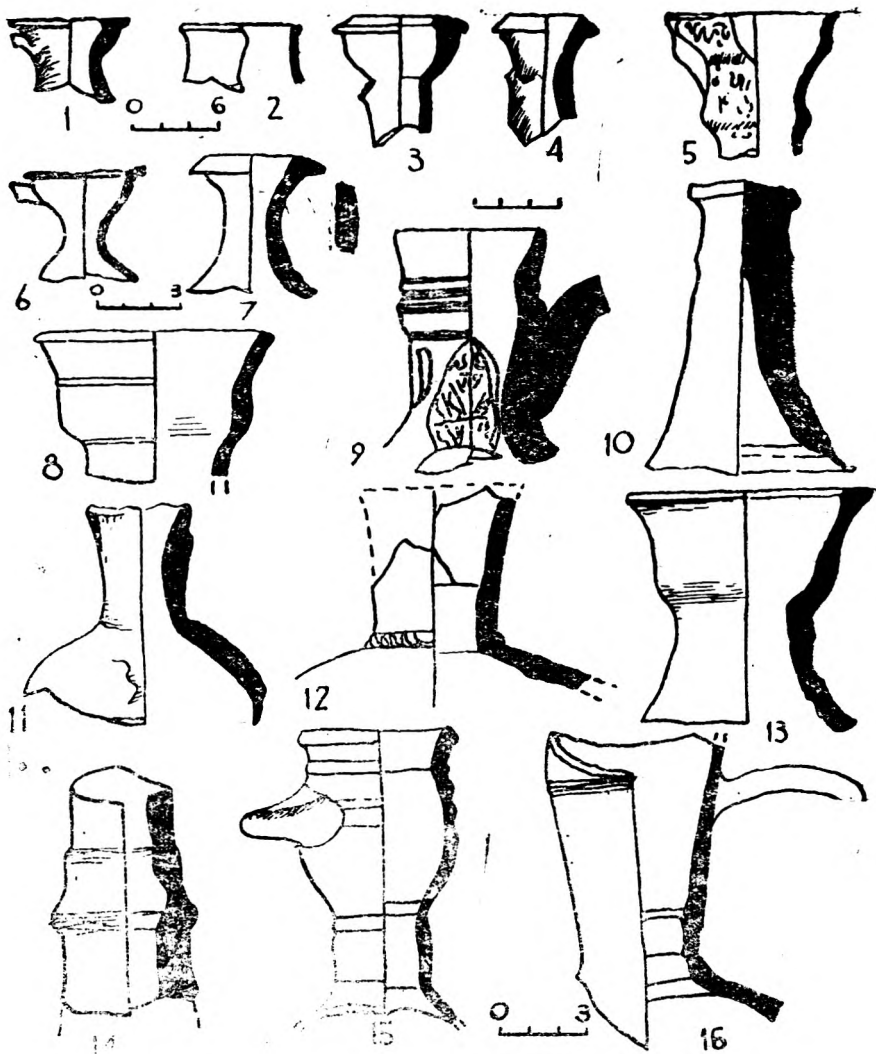

Табл. IV. Узкогорлые кувшины Дербента XIII—XVI вв.

Для ручек характерно крепление к центральной части горловины и к плечикам сосуда (табл. III, 3, 4, 5, 8, 11), тогда как для более раннего периода — крепление ручек к венчику и плечикам, причём ручка несколько возвышалась над венчиком.

Сливные носики в XIII—XVI вв. крепятся к плечикам кувшинов под острым углом и достигают довольно большой длины — до 20 см (табл. III, 1, 2, 7, 8, 10, 11), в то время как для сосудов домонгольского

времени характерны более короткие носики, соединённые с плечиками под тупым, зачастую почти прямым углом.

Узкогорлые кувшины Дербента XIII—XVI вв. представлены довольно однотипными по размерам плоскодонными сосудами с округлым яйцевидным или шаровидным туловом, диаметром от 15 до 20 см, высокой узкой горловиной, диаметром 4—5 см, высотой 8—9 см, с несколько утолщённым наружу валикообразным венчиком. По форме горловины сосуды подразделяются на несколько основных типов: 1) с прямой цилиндрической горловиной (табл. III, 5; IV, 2, 10, 12); 2) с фигурной, вздутой в центральной части горловиной (табл. III, 7, 8, 10, 11; IV, 7в, 9); 3) с расширяющейся кверху, воронкообразной горловиной (табл. III, 3, 4, 6; IV, 4—6, 7, 8).

Первый тип узкогорлых кувшинов наглядно иллюстрируется фрагментом горловины сосуда, диаметром 6 см, с несколько утолщённым венчиком. К центральной части горловины крепилась округлая Г-образная ручка (табл. III, 5).

Второй тип представлен целым сосудом с округлым яйцевидным туловом, диаметром в центральной части 20 см и высокой горловиной (9 см), диаметром в узкой части 4 см, а в расширенной (вздутая центральная часть) 6,5 см. Венчик валикообразный, утолщённый наружу, диаметром 7 см. К вздутой части горловины и плечикам сосуда прикреплена округлая ручка (табл. III, 8).

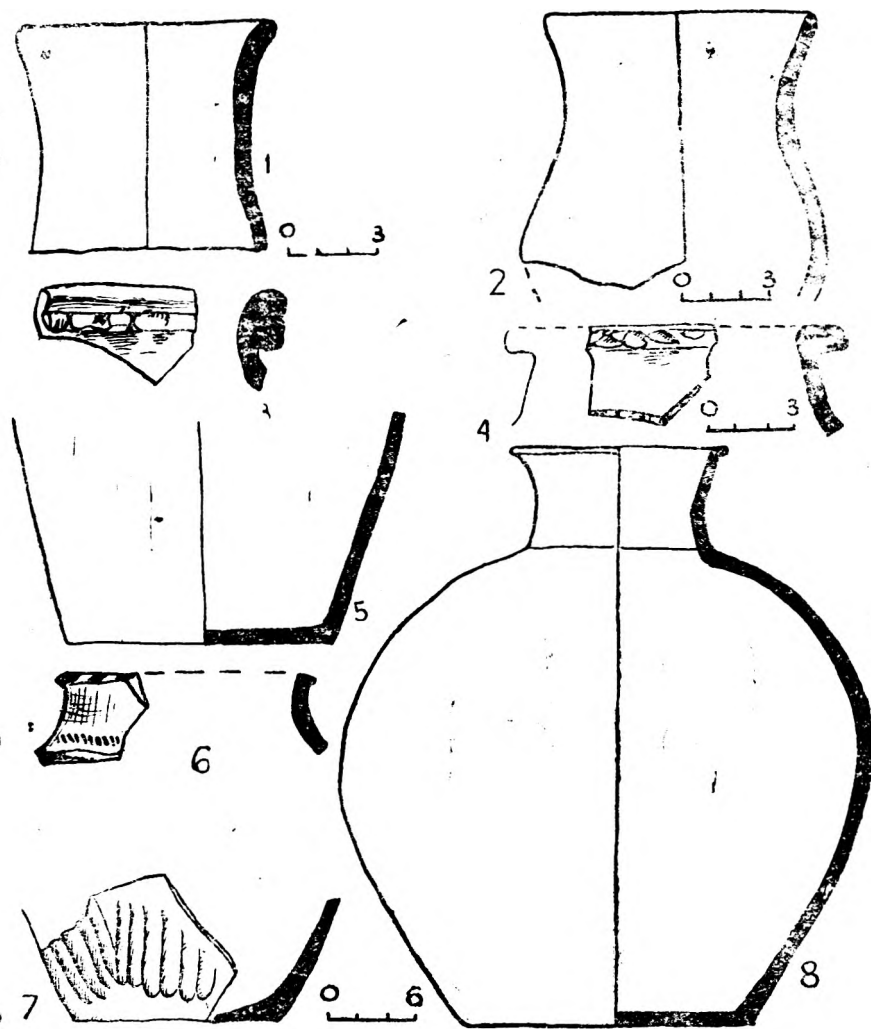
Третий тип представлен фрагментом горловины кувшина высотой 12 см, диаметром в наиболее узкой части 5 см, а в расширяющейся 7,5 см. В нижней части горловины имеется валик, диаметр которого равен 6 см. Венчик валикообразный, сильно выделенный. Диаметр его равен 7,5 см (табл. III, 4).

Тесто узкогорлых кувшинов красное, светло-красное, реже тёмно-красное или светло-коричневое, качество хорошее, обжиг, как правило, равномерный. Орнаментация или отсутствует, или очень простая, в виде вдавленно-прочерченных линий.

Вид Б. Широкогорлые кувшины рассматриваемого периода мало чем отличаются от однотипных изделий предшествующей поры. Некоторые типы широкогорлых кувшинов приближаются по форме к среднеазиатским хумчи.

Широкогорлые кувшины, так же как и узкогорлые, представлены несколькими плоскодонными типами, из которых наиболее характерны следующие сосуды: 1) с шаровидным округлым туловом и прямой невысокой цилиндрической горловиной, плавно отходящей от тулова (табл. V, 6; VI, 3, 6); 2) с яйцевидным туловом и цилиндрической горловиной, плавно отходящей от тулова и несколько расширяющейся кверху (табл. V, 1, 8; VI, 1, 8); 3) с округлым туловом и невысокой очень широкой горловиной, диаметр которой незначительно меньше диаметра тулова (табл. VI, 4, 5); 4) округлые, с сильно вздутым туловом, без горловины, с прямым вертикальным невыделенным венчиком, образующим своеобразное устье сосуда.

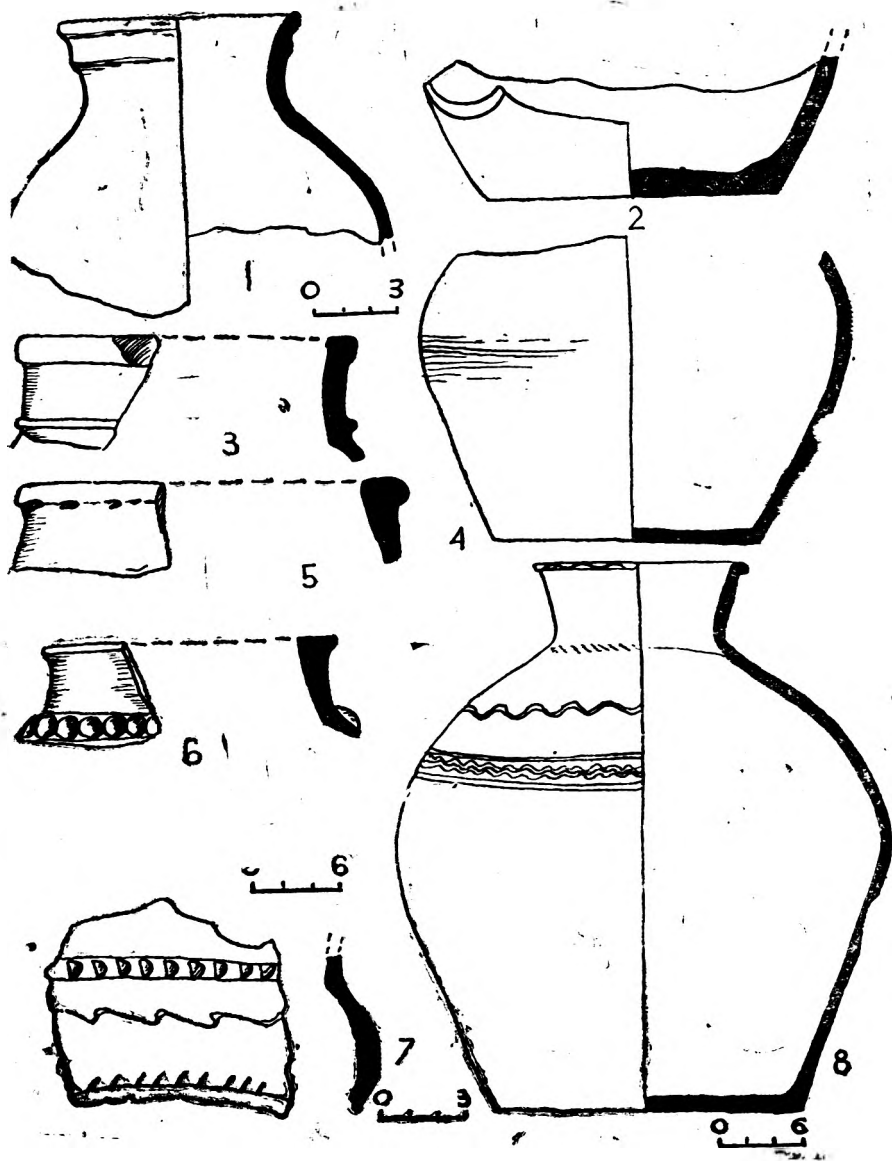
Все варианты кувшинов имеют значительные размеры: высота — 25—45 см, диаметр тулова 20—40 см, диаметр горловины и венчика от 12 до 30—35 см. Тесто сосудов тёмно-красное, красное, светло-корич-

Т а б л. V. Широкогорлые кувшины Дербента XIII—XVI вв.

невое, редко розовое, среднего качества, обжиг всегда равномерный. Толщина стенок изделий от 0,6—0,7 см до 1—1,5 см. Орнаментация на широкогорлых кувшинах очень проста или же отсутствует. Наиболее распространены были валики с защипами или без них (табл. V, 4, 6, 7; VI, 3, 6), глубокие врезные волнистые или прямые линии (табл. VI, 7, 8), защипы и насечки по краю венчика или основанию горловины (табл. V, 3, 4, 6; VI, 6, 8).

Следует отметить, что орнаментация на столовой неполивной кера-

Т а б л. VI. Широкогорлые кувшины Дербента XIII—XVI вв.

мике из культурных слоёв послемонгольского Дербента почти полностью отсутствует, в то время как неполивные кувшины домонгольского времени покрывались самым разнообразным орнаментом — это штамп, гравировка, линейно-волнистый, глубокий резной и канелюрный орнамент. Широко бытовали сосуды, покрытые сплошной гравировкой, напоминающей арабскую вязь, — завитками, спиральями, кружками и т. д. Такие предметы являлись подражанием дорогостоящим металлическим изделиям. В послемонгольское время все эти приёмы орнаментации исчезают.

Интересно, что количество столовой неполивной керамики Дербента в XIII—XVI вв., по сравнению с домонгольским периодом, возрастает. Увеличение выпуска неполивной столовой посуды связано прежде всего с общим упадком керамического производства города в этот период, вызванного татаро-монгольским нашествием. Особенно сильный регресс терпит производство поливной керамики, выразившийся в ухудшении качества поливы, унификации форм, приёмов орнаментации и изобразительных мотивов, преобладании монохромных изделий⁴. Почти начисто исчезают поливные кувшины, которые до монгольского нашествия, хотя и не составляли очень многочисленную группу, но занимали определённое место в отряде поливной посуды Дербента. Их место в XIII—XVI вв. занимают неполивные сосуды.

Группа II. Кухонная керамика.

Кухонная посуда XIII—XVI вв. представлена в Дербенте в основном котлами. Керамические котлы ввиду массовости и дешевизны были доступны широким слоям и являлись, вероятно, основным видом посуды для приготовления пищи. Многочисленные фрагменты их, найденные в различных частях города, наглядно подтверждают это предположение.

Котлы XIII—XVI вв. хронологически можно разделить на две группы: раннюю — XIII—XIV вв. и позднюю — XV—XVI вв.

Формы и размеры котлов XIII—XIV вв. весьма разнообразны и представлены несколькими типами.

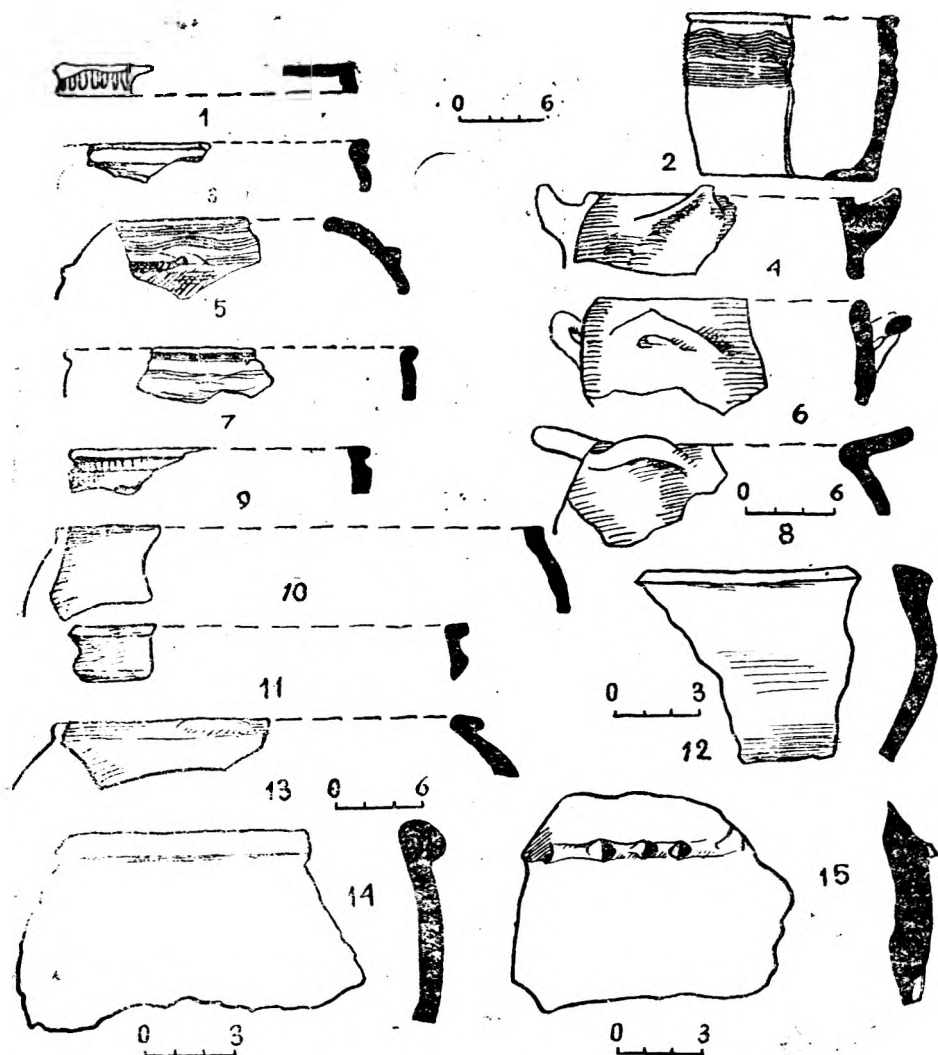
Тип I представлен изделиями с широким открытым устьем округлой полусферической формы, с сильно утолщённым и чуть загнутым внутрь венчиком (табл. VII, 3, 4). К основанию венчика или верхней части тулова котла крепятся две или четыре плоских рогеобразных ручки-держалки (табл. VII, 4) или плоские ручкоподобные выступы.

Тип 2 представлен цилиндрическими вытянутыми котлами со слабовыпуклыми стенками, несколько отклонёнными наружу, иногда срезанным внутрь венчиком (табл. VII, 11).

Тип 3 представлен изделиями округло-шаровидной формы, с сильно вздутыми и сильно отклонёнными внутрь в верхней части стенками. Венчик не выделен, почти горизонтален дну котла, чуть утолщён. К верхней части тулова крепятся два выступа или ручки-держалки (табл. VII, 5).

Тип 4 представлен котлами округлой полусферической формы

⁴ См.: Гамзатов Г. Г. Поливная керамика Дербента XIII—XVI вв.

Т а б л. VII. Котлы Дербента XIII—XVI вв.

с прямыми и слабовыпуклыми в верхней части изделия стенками и прямым невыделенным венчиком. К верхней части тулова крепятся под острым углом две или четыре петлевидные округлые или округлозаострённые ручки.

Тесто котлов черное, тёмно-серое, серое, реже черно-коричневое или коричневатокрасное с примесями большого количества толченой ракушки и морского песка. Большая часть фрагментов изделий имела следы копоти от пребывания на огне. Орнаментация на котлах отли-

чается простотой, а нередко отсутствует. В орнаменте преобладали многорядные вдавленно-прочерченные или процарапанные волнистые и прямые линии (табл. VII, 1, 2, 5).

Кухонная керамика XV—XVI вв., несмотря на большое количество обнаруженных фрагментов, в основной своей массе однотипна, хотя выявленные котлы различаются по размерам, типам венчика, формам стенок. Два последних признака позволяют здесь выявить три типа.

Тип 1 представлен котлами округло-вытянутой формы со слабо-выпуклыми стенками и прямым, сильно отогнутым наружу венчиком (табл. VII, 7).

Тип 2 представлен котлами округлой формы с овально-выпуклыми стенками и прямым утолщённым венчиком, несколько отклонённым внутрь (табл. VII, 8, 10, 13).

Тип 3 представлен котлами округло-вытянутой формы со слабо-выпуклыми боками и утолщённым валикообразным вертикальным венчиком (табл. VII, 12, 14, 15).

Отдельные типы котлов имели ручки-держалки (тип 2). Тесто котлов темно-серое, черное, тёмно-коричневое, реже темно-красное. В тесте, как в тесте котлов XIII—XIV вв., много добавок толченой ракушки и крупинок морского песка.

Орнаментация на большинстве фрагментов XV—XVI вв. отсутствует, лишь изредка встречаются котлы с процарапанным и вдавленно-линейным орнаментом, а также украшенные валиком (табл. VII, 15).

Таким образом, мы видим, что котлы XIII—XIV вв. и XV—XVI вв. довольно близки по форме, составу и цвету теста, орнаментальным мотивам и технике их исполнения. Отличие заключается в основном в том, что в XIII—XIV вв. орнаментированные экземпляры составляли весьма значительную часть кухонной посуды, тогда как в XV—XVI вв. они почти полностью отсутствуют. Кроме того, в XV—XVI вв. происходит ещё большая, по сравнению с ранним периодом, унификация форм котлов.

Отдельные типы котлов Дербента XIII—XVI вв. повторяют формы однотипных сосудов IX—XIII вв. (когда их производство в Дербенте достигало настоящего расцвета⁵), но количество и разнообразие их резко сокращается. Это объясняется, помимо отрицательных последствий татаро-монгольского и других иноземных вторжений, возможно и более широким проникновением металлической посуды.

Группа III. Тарная керамика.

Тарная посуда XIII—XVI вв. из Дербента представлена крупными хозяйственными сосудами для хранения воды, сыпучих продуктов, вина, масла. По форме все сосуды этой группы мало отличаются друг от друга. В основном это крупные сосуды высотой от 60—70 до 150—160 см, с массивным округлым яйцевидным туловом, диаметром от 50

⁵ Кудрявцев А. А. Керамическое производство средневекового Дербента (классификация неполивной керамики VIII—XIII вв.).— Рук. фонд ИИЯЛ, Махачкала, 1979, с. 19.

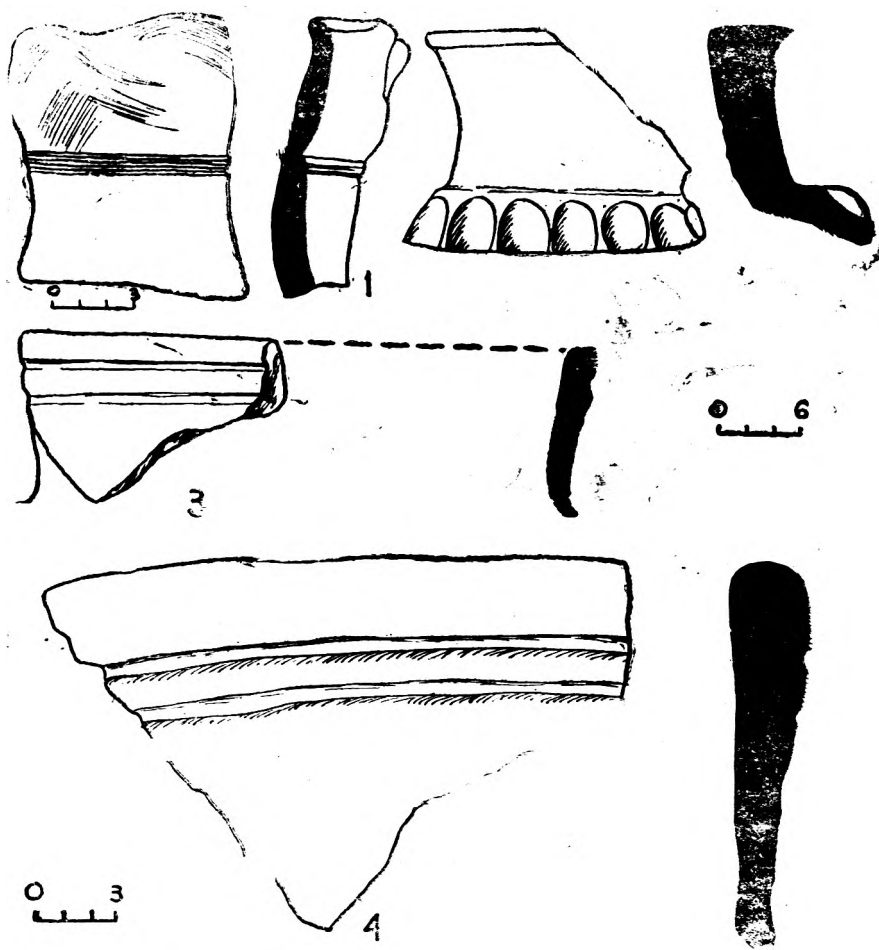
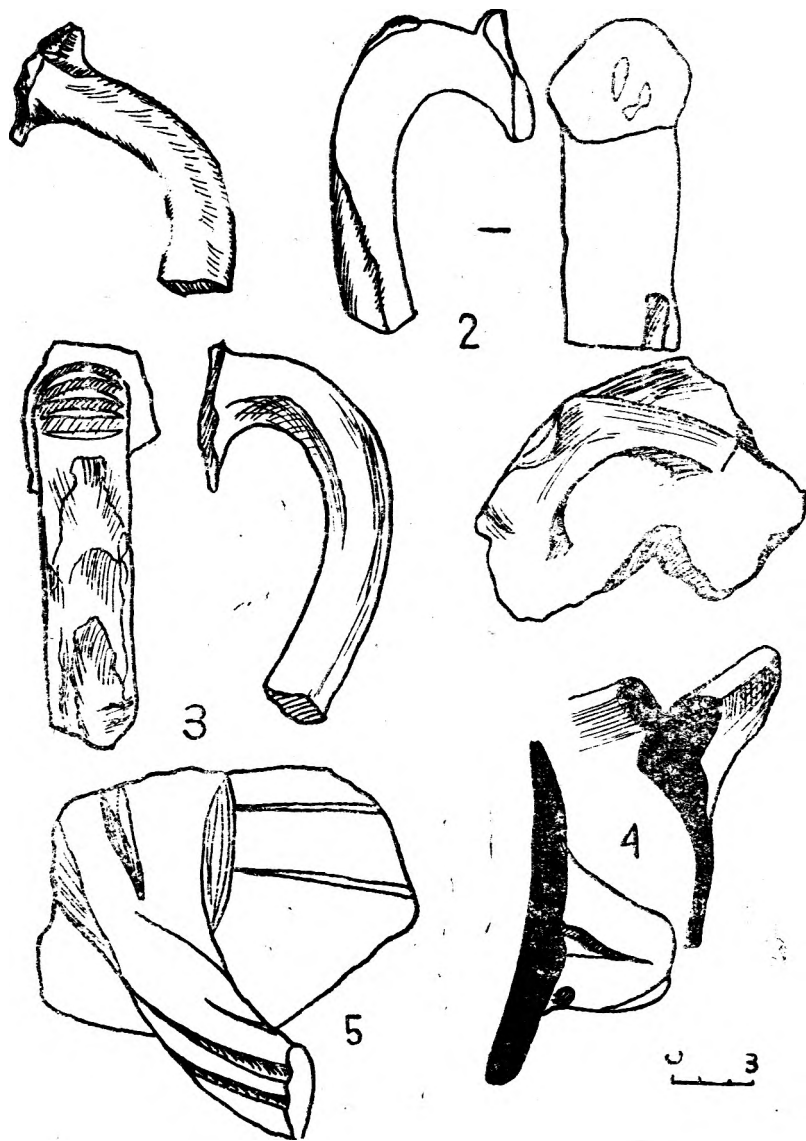

Табл. VIII. Фрагменты тарных сосудов Дербента XIII—XVI вв.

до 70 см, плоским дном, диаметром 35—45 см, и цилиндрической горловиной, диаметр которой колебался в пределах 25—40 см. Толщина стенок сосудов 1,5—3 см.

Основная часть тарной керамики сохранилась во фрагментарном состоянии и представлена обломками стенок тулова, дна, горловины сосудов. Однако находки целых или значительных частей подобных изделий позволяют судить об этой группе неполивной керамики. Наиболее яркое представление о тарной керамике позднесредневекового Дербента дают крупные обломки тулова, горловины и ручек (табл. VIII, IX).

Т а б л. IX. Ручки горных сосудов Дербента XIII—XVI вв.

Тарная керамика, подобно вышеописанным широкогорлым кувшинам, мало изменяется на протяжении одного—двух веков, поэтому формы этих хозяйственных толстостенных сосудов сохранялись на протяжении длительного периода.

Тесто тарных сосудов темно-красное, коричневое, иногда красновато-серое, довольно грубое, с включением примесей, обжиг не всегда равномерный, часто встречаются недообожженные фрагменты. Тарные сосуды практически не орнаментировались.

Группа IV. Керамика специального назначения.

Особый не очень многочисленный, но весьма интересный отдел неполивной керамики Дербента XIII—XVI вв. составляют изделия специального назначения, разбитые нами на три вида: 1) светильники, 2) керамические облицовочные плитки, 3) подставки для обжига посуды (сипаи).

Светильники составляют довольно многочисленную группу дербентской специальной посуды. В количественном отношении они уступают таким распространённым видам гончарных изделий, как столовая посуда, тарная и кухонная керамика, но находки их целых или фрагментарных экземпляров часты.

Светильники XIII—XVI вв. делятся на два типа по форме и способу применения.

Тип I это обычные, хорошо известные и неоднократно описанные в отчётах и специальных работах светильники-чираги с округлым туловом, узкой воронкообразной горловиной, сильно расширенной вверху, и длинным цилиндрическим носиком, крепящимся горизонтально к тулову светильника (табл. X, 1—4, 6, 8; XI, 7, 9—12). Диаметр тулова светильников достигает 7—8,5 см, высота 6—6,5 см, дно плоское. Высота горловины 3—4 см, диаметр её в наиболее узком месте 2,5 см, диаметр несколько отклонённого наружу венчика 5,5—6 см. К верхней части горловины и плечикам тулова крепилась небольшая округлая ручка. Диаметр носика 2,5—3 см, длина его 8—10 см. В верхней части носик сильно закопчён, так как здесь имелось отверстие для фитиля, диаметр которого 2,5—3 см.

В большинстве своём светильники-чираги неполивные, но отмечены находки и поливных экземпляров, которые составляют 12—15% от общего количества светильников (табл. X, 1, 3). Поливные светильники покрывались в основном прозрачной поливой по непокрытому черепку. Иногда они орнаментировались хаотичными пятнами и затеками белого ангоба. Светильники с монохромной коричневой и зелёной поливой встречаются редко.

Светильники-чираги XIII—XV вв. сходны с однотипными изделиями XII—XIII вв., но отличаются от светильников VIII—XI вв. более приземистым округлым туловом, довольно высокой горловиной с отогнутым наружу, слегка утолщенным венчиком. Все они имеют длинные заострённые носы.

В формах светильников ощущается влияние неполивных кувшинов Дербента, те же формы венчиков и горловины — прямые и более широ-

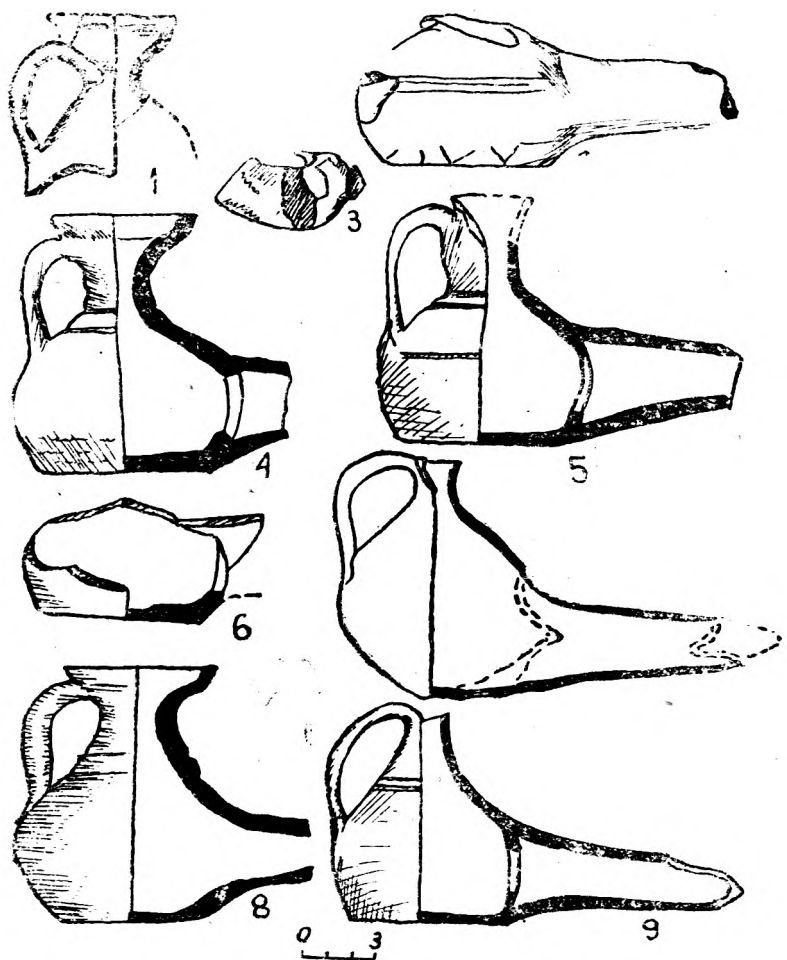

Табл. X. Керамические светильники Дербента XIII—XVI вв.

кие в IX—X вв. и узкие расширяющиеся горловины с отогнутым наружу венчиком в XII—XVI вв. Как и для неполивных узкогорлых кувшинов, для светильников XIII—XVI вв. характерно крепление ручек к центральной части горловины и плечикам сосуда, а в VIII—XI вв. ручки крепились к венчику, несколько возвышаясь над ним (табл. X, 7, 9). Но если в VIII—XI вв. ручки имели круглое или овальное сечение, то для XIII—XVI вв. более характерны ленточные и овальные сечения. Орнаментация на светильниках обычно отсутствует. Этот тип светильников бытует в Дербенте с XII в.⁶

⁶ Кудрявцев А. А. Керамическое производство..., с. 59.

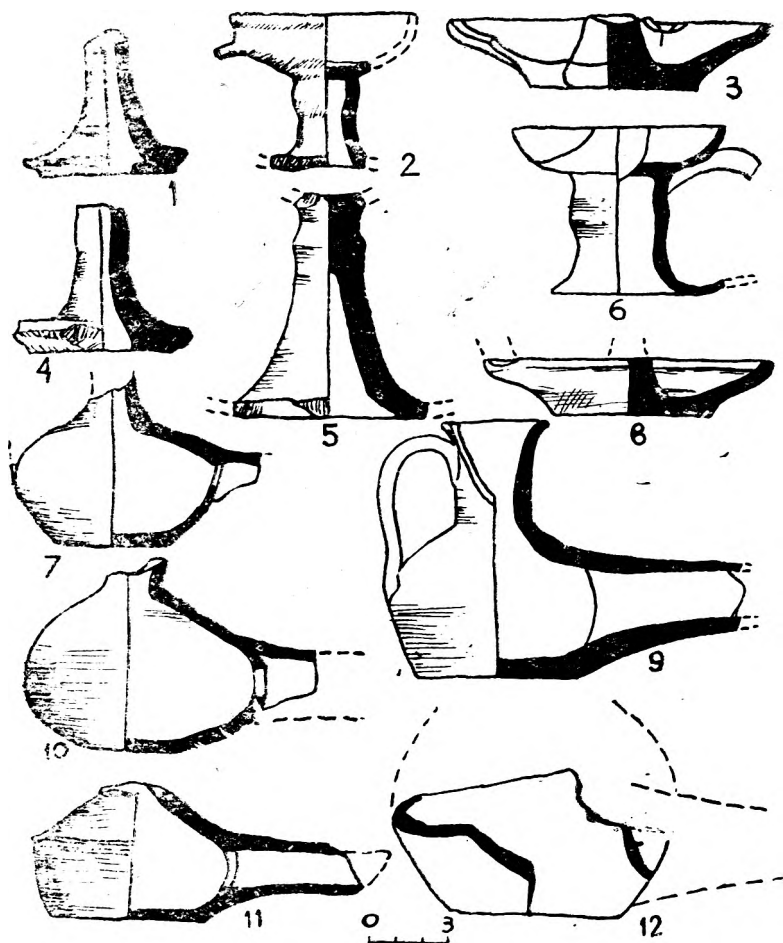

Табл. XI. Керамические светильники Дербента XIII—XVI вв.

Тип 2 представляет собой светильники, состоящие из двух небольших чашеобразных полусферических сосудов, соединённых высокой фигурной, вздутой в центральной части ножкой так, что одна чаша находится прямо под другой (табл. XI, 1—6, 8). Обе чашки соединены помимо ножки округлой ручкой, которая крепится к нижней или средней части тулова верхней чаши и к верхнему краю нижней (табл. XI, 2, 6). Верхняя чаша имеет полусферическую форму, а нижняя — плоское дно, от которого резко расходятся слабоизогнутые стенки, с небольшим перегибом в верхней части. Светильники этой формы были обнаружены в основном при раскопках цитадели Дербента Нарын-кала, в слоях XIV—XVII вв. Этот тип представлен и поливными экземплярами, не отличающимися от неполивных (табл. XI, 2).

Тесто светильников обоих типов темно-коричневое, хорошего качества. Все светильники, обнаруженные в Дербенте, сделаны на гончарном круге. Ручки и носики делались отдельно, а потом крепились к корпусу. Следует отметить, что нижней границей появления светильников в Дербенте считается VIII в.⁷

До сих пор не установлено каким горючим заправлялись светильники. По мнению Г. М. Ахмедова, в Азербайджане им вероятнее всего была нефть⁸. Нефть, видимо, использовалась для этой цели и в Дербенте. Так, автор XIII в. Мухаммед ибн-Наджиб Беирон пишет: «Нефть — ...это масло, которое вытаскивают из колодца в земле, оно бывает зелёное, белое и черное. Зелёное есть поблизости от Дербента...»⁹.

Кроме нефти в Дербенте в качестве топлива употребляли и тюлений жир. Автор XV в. А. Контарини сообщает, что в Каспийском море водится рыба «...в полтора локтя длиною, толстая и гладкая, у которой вовсе не видно головы. Из неё добывают жир, употребляемый вместо масла для освещения и натирания верблюдов»¹⁰.

Керамические облицовочные плитки составляют относительно немногочисленную группу дербентских гончарных изделий (табл. XII, 2—5); форма плиток, как правило, прямоугольная или квадратная. Размеры их колеблются в пределах 10—17×9—14 см, толщина 2—3 см. Найдены плитки как покрытые глазурью, так и без неё. Встречен ряд интересных экземпляров этого вида керамики: листовая облицовочная плитка с резным орнаментом (табл. XII, 4), плитка с гравированным орнаментом по непокрытому красному черепку под прозрачной поливой (табл. XII, 2) и неорнаментированная плитка, покрытая синей глазурью (табл. XII, 5).

Подставки для обжига посуды (сипай) — представлены всегда неполивными трехлапыми изделиями на конусообразных ножках (табл. XII, 1). Длина каждой лапы 3 см, высота ножки — 2,5 см. Обжигаемая посуда клалась в печь вверх дном, на которое ставилась сипая. На подставку ставился другой сосуд и т. д. Многие подставки покрыты подтеками поливы, стекающей с обжигаемых изделий. Находки сипай свидетельствуют о производстве керамики на месте.

Итак, нами рассмотрена неполиваная керамика Дербента XIII—XVI вв., представляющая наибольшую часть всего керамического материала города. Являясь наиболее ранним продуктом производства гончаров, она, естественно, нашла очень широкое распространение во всём средневековом мире, в частности в Дагестане. Разведывательные работы на ряде поселений Северного Дагестана дали обширный неполивной керамический материал, который роднится с дербентским и по формам, и по рисунку, и по технике его исполнения.

⁷ Кудрявцев А. А. Керамическое производство... с. 58.

⁸ Ахмедов Г. М. Неполиваная керамика Орен-калы IX—XIII вв.— МИА, 1959, т. 67, с. 221.

⁹ Мухаммед ибн Наджиб Беирон. Книга о мире (Описание мира).— В кн.: Материалы по истории туркмен и Туркмени. Т. I, VII—XV вв. Арабские и персидские источники. М., Л., 1939, с. 350.

¹⁰ Контарини А. Путешествие к персидскому шаху Узун Гасану в 1473 г.—БИПР. СПб, 1836. т. I, с. 80.

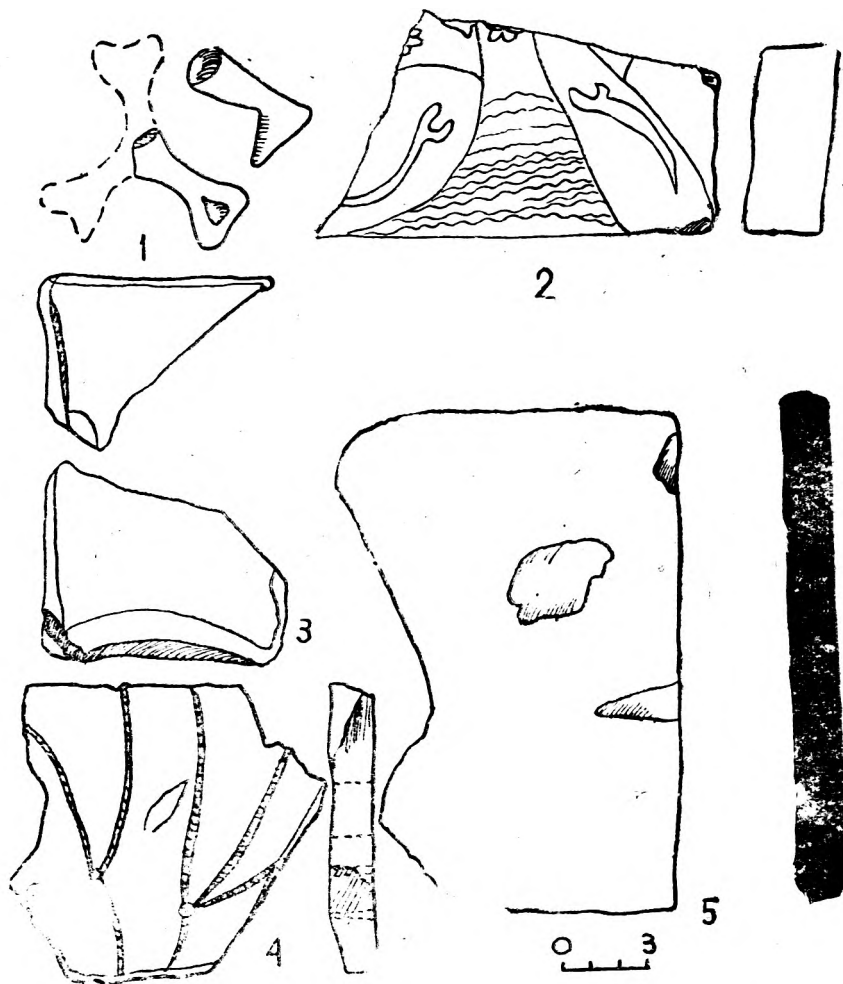

Табл. XII. Керамические облицовочные плитки Дербента XIII—XVI вв.

Неполивная керамика с Сигитминского поселения представлена в основной своей массе обломками красноглиняных сосудов золотоордынского времени с линейным или волнистым орнаментом, а также без орнамента: горшки, чаши, кувшины (табл. XIII).

Обломки неполивной керамики являются основным подъёмным материалом и на городище Исти-Су. Орнаментация сосудов аналогична орнаменту на керамике Сигитминского поселения. Кроме того, здесь встречаются обломки сосудов, орнаментированные наклепным валиком (табл. XIV, 12, 13). Изредка встречается зубчатый орнамент (табл. XIV, 4). Разнообразны и формы сосудов городища — это широкогорлые

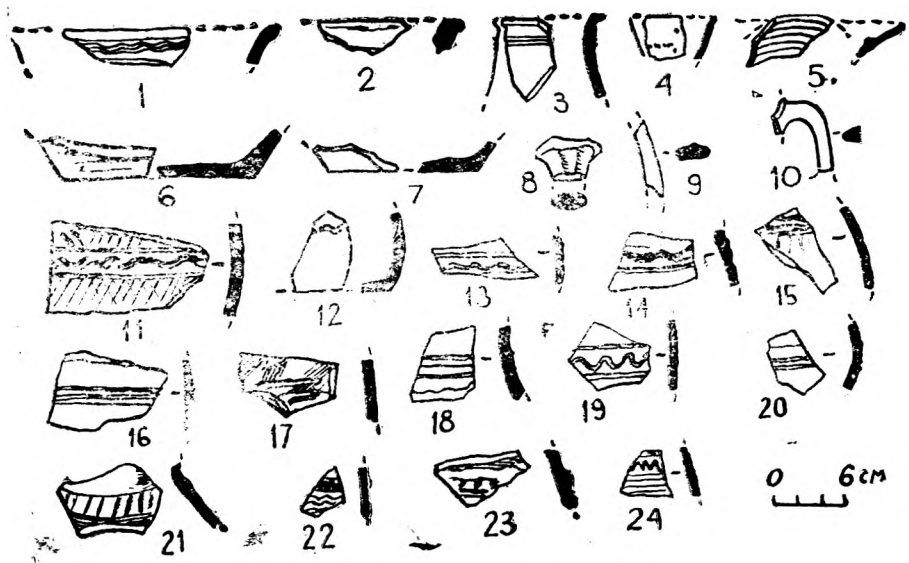

Табл. XIII. Керамика Сигитминского поселения.

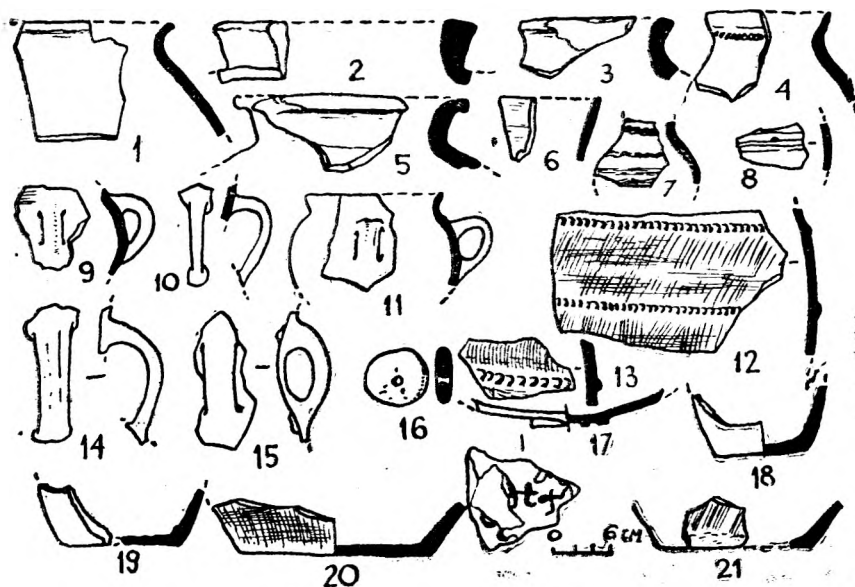

Табл. XIV. Керамика городища Испис-Су.

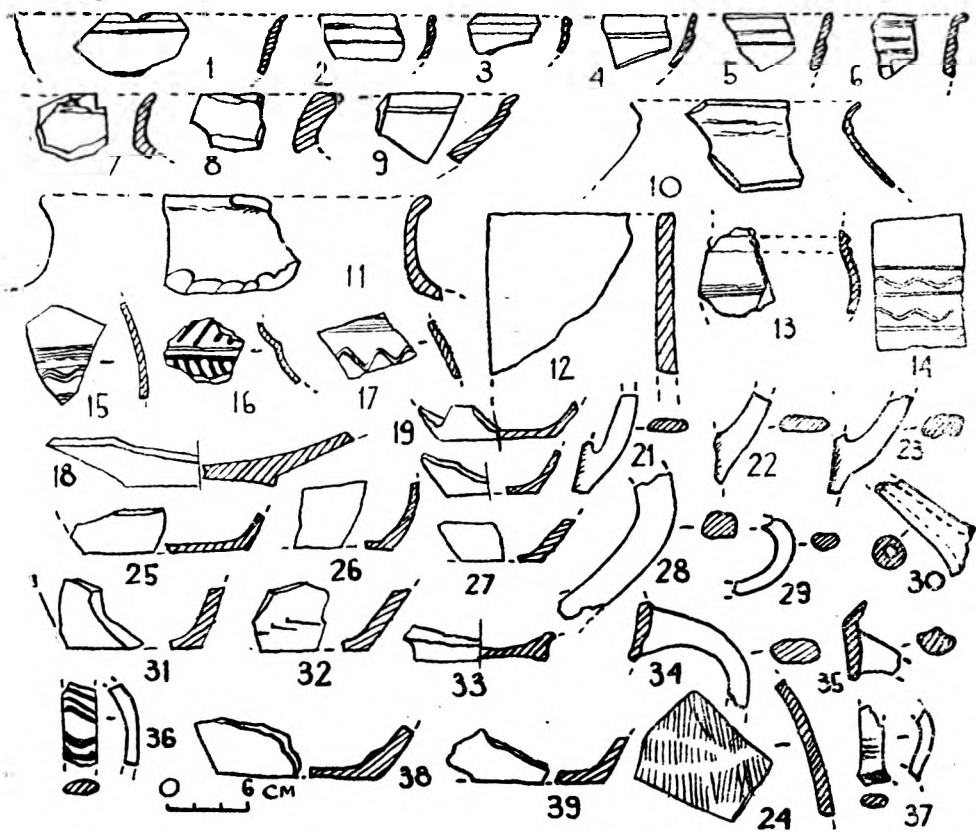

Табл. XV. Керамика Акташского и Бараганчинского поселений.

(табл. XIV, 12, 20, 21) и узкогорлые (табл. XIV, 6, 7, 18, 19) кувшины, хозяйственные сосуды (табл. XIV, 1—3, 5), крынки (табл. XIV, 4, 11).

Неполивная посуда с линейным и волнистым орнаментом широко представлена в керамике Акташского и Бараганчинского поселений (табл. XV, 13, 14, 15, 17). Следует отметить, что на Акташском поселении найдено большое количество неполивных чаш, почти начисто отсутствующих в Дербенте (табл. XV, 1—4, 9).

Неполивная керамика подобного типа широко представлена и на других памятниках позднесредневекового Дагестана (Мамедкалинское 2-е городище, Хелинское поселение, поселение Синькар-Кул и Цинкар-Кул и др.).

Таким образом, неполивная керамика представляет собой самый многочисленный отряд в керамике Дагестана XIII—XVI вв. В этот период она однотипна практически на всей территории края. Основными формами неполивных изделий являются кувшины, котлы, хозяйственные сосуды, светильники. В Северном Дагестане были широко рас-

пространены неполивные чаши, относящиеся к группе столовой посуды.

На сосудах позднесредневековых памятников Дагестана встречается несколько орнаментальных мотивов: линейный, волнистый, зубчатый, налипной валик, пальцевые вдавления. Наиболее распространённым из них является линейный и волнистый, процарапанные или вдавленно-прочерченные орнаменты. Орнамент, как правило, располагается зонами в верхней части сосуда.

Неполивная керамика Дагестана находит себе широкие аналогии в соседних государствах, в частности в золотоордынских городах Поволжья, где этот отдел керамического производства является, как и у нас, наиболее многочисленным. Например, на Водянском городище она составляет 92,7% всей керамики, на Селитренном — 86,4% и на Царевском — 81,2%¹¹. На сосудах золотоордынских городов Поволжья встречается несколько орнаментальных мотивов, основными из них, как и в Дагестане, является линейный, волнистый, зубчатый, налипной валик¹². Подобный орнамент встречается и на керамике болгарского города Сувар¹³. Орнамент в виде налипного валика, украшенного пальцевыми вдавлениями, встречается среди гончарных изделий Хорезма в XII—XIV вв. Особенно часто им украшались хумы и хумчи¹⁴.

Как и в Дагестане, в золотоордынском Поволжье наибольшее распространение имеет линейный орнамент из параллельных рядов прочерченных горизонтальных линий¹⁵. Такой способ орнаментации, когда орнамент наносился широким и узким резцом в несколько параллельных рядов, часто встречается в керамике домонгольского времени в Болгарах¹⁶. Орнамент в виде налипного валика, заключённого между двумя волнистыми линиями, характерен для керамики средневековых алан¹⁷. Часто он обнаруживается в материалах северокавказского золотоордынского города Маджара. Зубчатый мотив присутствует в керамике алан, болгар и золотоордынских городов¹⁸. К XIV в. линейный и зубчатый орнаменты появляются и в Хорезме¹⁹, что может быть связано с некоторым влиянием на местное керамическое производство гончарного дела Золотой Орды.

В Средней Азии, Азербайджане, Золотой Орде широко бытовали многие формы, характерные и для неполивной керамики Дагестана. Это прежде всего котлы, кувшины, чаши, тарелки, хумы. Котлы в Золотой Орде составляли довольно малочисленную группу, отличались однообразием и по форме разнятся с дагестанскими экземплярами. Несколько

¹¹ Михальченко С. Е. Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья.— СА, 1973, № 3, с. 118. Напомним, что в Дербенте она составляет 81% всей керамики.

¹² Там же, с. 120.

¹³ Смирнов А. П. Сувар. Итоги раскопок 1933—1937 гг. М., 1941, с. 161.

¹⁴ Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация керамики Хорезма (IX—XVII вв.).— Тр. ХЭ, М., 1959, т. 4, с. 326.

¹⁵ Михальченко С. Е. Систематизация..., с. 121.

¹⁶ Смирнов А. П. Великие Булгары. М., 1951, с. 134.

¹⁷ Отчёт о работе СКАЭ. 1961.— Архив ИА АН СССР, Р—1, 2320, с. 200.

¹⁸ Хлебникова Т. А. Гончарное производство волжских болгар X—начала XIII вв.— МИА, 1962, т. III, рис. 76; Михальченко С. Е. Систематизация, рис. 1, ч. 6.

¹⁹ Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация..., с. 326, 327.

Большее сходство наблюдается в столовой неполивной керамике указанных регионов. Здесь следует выделить группы 4 и 5 золотоордынских кувшинов²⁰, соответствующие типам 1 и 2 узкогорлых кувшинов позднесредневекового Дагестана. В группе 5 золотоордынских сосудов интерес представляет узкогорлый кувшин с фигурной, вздутой в центральной части горловиной, найденной на Царевском городище. К туловищу сосуда прикреплен конусовидный носик²¹ (тип 2 нашей классификации узкогорлых кувшинов). Такие сосуды широко распространены на всем Переднем Востоке, на Кавказе и в Средней Азии²². В средневековой керамике Хорезма подобные сосуды появляются лишь в XIV в. и не имеют напелов²³. В золотоордынскую эпоху подобные сосуды встречаются в Сарайчике²⁴, Болгарах²⁵ и на Пруто-Днестровских поселениях²⁶.

Дагестанские хумы и хумчи по форме и размерам сходны с золотоордынскими²⁷ и хорезмскими²⁸, но в отличие от последних не имеют орнамента и поливы.

Широкое распространение получили в столовой посуде золотоордынских городов Поволжья чаши и тарелки²⁹, характерные, в основном, для керамики Северного Дагестана. Следует отметить, что такие же чаши и тарелки встречаются в средневековой керамике Дербента среди поливных изделий.

В керамике Золотой Орды светильники имеют форму совершенно отличную от дербентских изделий³⁰. Это, так называемые плоскообразные светильники, возникшие, видимо, под влиянием керамики Саркела-Белой Вежи на рубеже хазарского и русского периодов³¹.

Систематизация неполивной керамики города и поселений Дагестана позволила впервые наглядно представить своеобразие исследуемой керамики. Изучение керамического материала даёт возможность установить местный характер её происхождения и высокий уровень её производства. Прежде всего, об этом свидетельствуют массовый характер, устойчивость технических навыков, применяемых при формовке сосудов, большое количество бракованных изделий. Рассмотренные формы сосудов и их декор позволяют говорить о связях и взаимовлиянии неполивной керамики Дагестана XIII—XVI вв. с керамикой Орен-Калы, Средней Азии, главным образом Хорезма, Болгара и особенно

²⁰ Михальченко С. Е. Систематизация..., рис. 3, 8, 9.

²¹ Там же, рис. 3, 9.

²² Якобсон А. Л. Раскопки на городище Орен-Кала.— МИА, 1959. т. 67, с. 134, рис. 104.

²³ Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация..., с. 327.

²⁴ Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, с. 137, табл. I.

²⁵ Хованская О. С. Гончарное дело города Болгара.— МИА, 1954, т. 42, рис. 15, 5.

²⁶ Полевой Л. Л. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в. По материалам раскопок гончарного квартала на поселении Костешты. Кишинев, 1969, с. 150.

²⁷ Михальченко С. Е. Систематизация..., с. 128.

²⁸ Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация..., с. 326.

²⁹ Михальченко С. Е. Систематизация..., с. 127.

³⁰ Там же, с. 130.

³¹ Плетнева С. А. Керамика Саркела—Белой Вежи.— МИА, 1959, т. 75, с. 269.

Золотой Орды, что может свидетельствовать о тесных контактах населения отмеченных регионов в исследуемое время.

Н. М. Булатов отмечает, что золотоордынская керамика сложилась под влиянием ремесла средневековых государств Кавказа и Крыма, разгромленных и опустошённых в результате татаро-монгольского нашествия. В связи с этим, в период своего возникновения изделия из золотоордынских городов, изготовленные привозными мастерами, мало отличаются от кавказских и крымских прототипов³².

Неполивная керамика нашла широкое распространение во всем Дагестане. Испытывая определённое влияние Дербента, она уже производилась на местах и характеризовалась наличием некоторых форм, почти полностью отсутствующих в Дербенте (чаши, тарелки, крынки). Основными формами неполивной посуды не только Дербента, но и, по всей вероятности, всего послемонгольского Дагестана, являются кувшины, котлы, хозяйственные сосуды, светильники, характерные и для керамики соседних стран.

В XIII—XVI вв. в производстве неполивной посуды наблюдается спад, выразившийся в основном в упрощении приёмов орнаментации и унификации форм изделий. Почти полностью исчезают такие сосуды, как кубки, амфоры.

---

³² Булатов Н. М. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов.— В кн.: Средневековые памятники Поволжья. М., 1976, с. 99.

КЕРАМИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО В СРЕДНЕВЕКОВОМ ДАГЕСТАНЕ (XV—XVII вв.)

Гончарное дело горного Дагестана XV—XVII вв. изучено сравнительно слабо. В письменных источниках сведений о нем пока не выявлено, хотя необходимость в гончарной посуде и широкая потребность очевидна.

Ограничен и археологический материал: пока выявлен лишь один памятник, охватывающий интересующий нас период — городище Аркас (до начала XVI в.). Вплотную примыкают к XV в. городища Ниж. Чугли (Кишили)¹ и Сенгаши² в бассейне р. Халагорк — в остальном дело ограничивается единичными разведками.

Этнографические материалы освещают состояние гончарного дела со второй половины XIX в. по нынешнее время. Довольно много внимания посвятили исследователи таким его центрам, как Сулевкент и Балхар, есть публикации по Испику и Джули, в специальных работах упоминаются Кахюл, Эндирей, Эрпели, Н. Казанище, Тарки; совершенно не затронуты Бацада, Тинди. Разумеется, никаких прямых указаний на функционирование этих центров в XV—XVII вв. материалы такого рода дать не могут.

Немало внимания одной из разновидностей дагестанской поливной керамики уделено искусствоведами. Их исследования делают возможными и некоторые выводы исторического характера.

Наиболее примитивной в этнографических дагестанских коллекциях является посуда, изготавливавшаяся женщинами сел. Кахюл (Ахтынский район — ныне переселены), — лепная, массивная асимметричная, обжигаемая не в печи, а напольно, в открытом кострище.

Такая технология в основном соответствует эпохе бронзы, тем не менее, благодаря прочности и дешевизне, кахюльская посуда поступала на рынок и в начале XX в.³ Ещё более интересно то, что в некоторых рутульских селах также существовало подобное производство, но иначе организованное; посуду изготавливали женщины, однако не для рынка, а для личного употребления. По мере надобности, каждая хозяйка лепила сосуды нужного типа и величины; когда было готово достаточное их количество, несколько хозяек объединялись, собирали необходимое количество топлива (чаще всего бросового — хворост, сушеный навоз) и устраивали кострище, куда складывали свои изделия.

¹ Абакаров А. А., Гаджиев М. Г. Нижнечуглинское городище. — В кн.: Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980, с. 94—114.

² См.: Магомедов А. Р. Отчет о работе археологической экспедиции ДГУ за 1978 г. — Историко-этнографический музей Дагдосунниверситета.

³ Асаиринова С. С. Материальная культура лезгин. М., 1973, с. 87—89.

Руководила этим наиболее опытная из них. Затем топливо поджигалось, горело несколько часов, после чего кострище медленно остывало. Только после этого каждая хозяйка забирала свои вполне готовые к употреблению сосуды.

Подобная форма производства столь же устойчива, сколь и арханчана (возраст её, очевидно, равен возрасту технологии). Бесспорно, она может быть отнесена к стадии домашнего промысла, ещё не отделенного от земледелия. Поскольку она практиковалась вплоть до 40-х годов нашего века, то нет сомнения и в её существовании в XV—XVII вв. Даже накануне исчезновения она демонстрировала удивительную живучесть, что позволяет с уверенностью предполагать гораздо более широкое распространение в XV—XVII вв. этой формы гончарного домашнего промысла.

Однако керамический материал названных выше городищ «верхнего предгорья» (Аркас, Кишили, Сенгаши) явно соответствует более высокой стадии развития гончарного дела. Абсолютно преобладает керамика, сделанная на гончарном круге, тонкостенная и симметричная, с залощенной и лощеной поверхностью. Ровный, достаточный (порой и сильный) обжиг указывает на применение гончарной печи. Кроме того, интересны: 1) довольно большой процент крупных сосудов, в том числе и штрихованной керамики типа хумов; 2) полная аналогия большинства типов этой керамики с керамикой из раннесредневековых горных памятников; 3) обязательное присутствие в керамическом материале какого-то процента поливной керамики⁴.

По нашему мнению, такая картина дает право на некоторые выводы об уровне развития гончарного дела в «верхнем предгорье» в самом начале интересующего нас периода.

Весьма значительная масса неполивной керамики (это наиболее массовый вид археологического материала на указанных памятниках), несомненные указания на гончарный круг и обжигательную печь, значительная доля крупных тарных (малотранспортальных) сосудов, типологическое сходство с раннесредневековой керамикой этой же территории — все указывает на то, что здесь мы имеем дело: 1) с продукцией гончара-профессионала и 2) чисто местным, локальным производством (не обязательно замкнутым), а не с импортом — это можно отнести к неполивной керамике, предназначенной для утилитарного бытового и производственного употребления (она составляет основную массу).

Вероятнее всего, это продукция местных гончаров-профессионалов, обслуживавших население своего городища и, может быть, тяготевших к нему поселений (следует вспомнить, что все указанные городища представляли собой укрепленные села, с каждым из которых, видимо, были связаны более мелкие неукрепленные поселения). Такой мастер ориентируется на стабильные потребности своего постоянного окружения, т. е. работает на заказ, являясь, таким образом, ремесленником.

Что же касается поливной керамики, то производство её «на месте» весьма сомнительно: почти всегда это так называемые полуфаянсы

⁴ Магомедов А. Р. Указ. соч., с. 41.

с окрашенной, нередко полихромной поливой, производившиеся на Ближнем и Среднем Востоке⁵ (включая Дербент). Если учесть ещё и незначительность её доли в общем керамическом материале данных городищ, то импортный характер этой керамики станет ясен вполне. Таким образом, поливная керамика характеризует не гончарное производство горного Дагестана, а его связи с равнинными землями и Югом. То же самое можно сказать о случаях находки поливной керамики во внутреннем Дагестане.

Керамика внутреннего Дагестана известна недостаточно. Средневековые раскопанные памятники здесь представлены исключительно могильниками, керамический инвентарь которых, в силу культового их характера, не может дать полного и адекватного представления о керамике оставившего их населения (преобладают сосуды небольших размеров, в значительной части лепные)⁶.

Нельзя не отметить значительной разницы между керамикой упомянутых выше городищ и керамикой конца XIX—XX вв., собранной в тех же районах: многие типы либо исчезли вообще (хумы, сменившиеся гораздо меньшими тарными сосудами, не более 0,8 м; ангобированная керамика с лощением), либо оформление их существенно изменилось (особенно кувшинов и мисок); нынешняя керамика, как правило, произведена не местными гончарами, а в Сулевкенте, Балхаре или Казанище, специализировавшихся на этом промысле; весьма значительную её часть составляет поливная керамика (бесцветная глазурь, ангоб или отсутствует, или им лишь нанесен линейный узор).

К какому же периоду можно отнести столь резкую перемену в организации и облике керамики верхнего предгорья? Известные ныне материалы дают право лишь на предположения. Пока нет возможности проследить по ним какие-либо внутренние причины такой перемены, поэтому ныне нам представляется более вероятным искать причину во внешнеполитических событиях. В последние годы XIV в., непосредственно предшествующие рассматриваемому периоду, эта часть Дагестана подверглась нашествию Тимура и полному разорению. Весьма вероятно, что при последующем освоении этой территории в XV—начале XVI вв. потребность в бытовых предметах покрывалась интенсивным их ввозом, что способствовало их массовому товарному производству и стимулировало специализацию других ремесленных центров, связанных с этой территорией и функционировавших до недавнего времени (Казанище, Сулевкент, Балхар, целый ряд ремесленных селений Кайтага и Казикумуха). Можно проследить указания на существование гончарного промысла в некоторых из них в XV—XVII вв.

На древность изготовления керамики в сел. Балхар⁷ ясно указывает архаичность её орнаментики и самой организации производства (работа выполняется женщинами). Непрерывность традиции очевидна. Более того, архаичность декора и форм, почти лишенных следов каких-

⁵ Кверфельд Э. К. Керамика Ближнего Востока. Л., 1947, с. 18.

⁶ См., например, коллекцию находок керамики из средневековых погребений горного Дагестана в Историко-этнографическом музее ДГУ.

⁷ Кильчевская Э. В., Иванов А. С. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959, с. 24—34.

либо внешних влияний, указывает на исключительную замкнутость данного производственного очага и отсутствие впечатлений от иных художественных школ. По нашему мнению, это свидетельствует о том, что и в далеком прошлом балхарская керамика производилась женщинами, почти не покидавшими своей округи — сбыт же был делом мужчин, не причастных к производственному процессу.

Архаичная символика является ведущей и в декоре поливной керамики кюринского сел. Испик⁸, что также указывает на непрерывность традиции в её производстве и, следовательно, бытование последнего в интересующий нас период. Этому несколько не противоречит местное предание об основании селения выходцами из кубинского Испика более четырех веков тому назад⁹: переселенцы могли принести и гончарную традицию, во всяком случае их производственная деятельность на нынешнем месте захватывает почти весь рассматриваемый нами период.

О гончарном производстве сел. Сулевкент нередко говорится в специальных работах. Относительно поливы, характерной для этого производства, сложилось два противоположных мнения. Э. В. Кильчевская, считая здешнее гончарство ровесником балхарского, склонна относить появление поливы к последствиям отходничества, т. е. ко времени не ранее конца XVIII в.¹⁰ Е. М. Шиллинг, сопоставляя сулевкентские предания и архаическую зеленовато-коричневую посуду некоторых здешних отходников с поливными блюдами в коричнево-желтых разводах эрмитажных и кубачинских коллекций, пришел к выводу о существовании здесь (видимо, ранее XVIII в.) «более богатого производства»¹¹, создававшего вещи на уровне «антиков» из кубачинских собраний, но затем пережившего прогресс, причины которого не вполне ясны. Итак, из обеих версий следует, что по крайней мере в XV—XVII вв. гончарное производство Сулевкента уже существовало, однако Э. В. Кильчевская полагает, что это была исключительно неполноценная массовая керамика, а Е. М. Шиллинг допускает, что здешним гончарам по силам было изготовление свособразных блюд с подглазурным полихромным декором, стоящих вровень с синхронной художественной керамикой Передней Азии. На нынешнем уровне изученности решение не может быть достигнуто, но в обоих случаях сулевкентские гончары XV—XVII вв. должны были быть профессионалами, работающими на постоянный и широкий спрос вне своего селения.

Вопрос о гончарном производстве сел. Джули представляется нам менее ясным. В джулинской керамике налицо сильное влияние Сулевкента. Однако А. Г. Булатова (Пашаева) выявляет в их орнаментике целый ряд «чисто джулинских» элементов и достаточно убедительно доказывает, что в них «нашли отражение древнейшие религиозные представления табасаранцев»¹², а Д. Чирков сообщает о многочисленном

⁸ Там же, с. 47; рис. 46, 47; Декоративное искусство Дагестана, с. 26—33.

⁹ Кильчевская Э. В., Иванов А. С. Указ. соч., с. 44.

¹⁰ Там же, с. 29.

¹¹ Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. М.: Л., 1949, с. 205.

¹² Булатова А. Г. Гончарное производство табасаранцев во второй половине XIX—нач. XX вв. (по материалам сел. Джули).— В кн.: Хозяйство народов Дагестана в XIX—нач. XX вв. Махачкала, 1979, с. 89—97.

подъемном материале близ сел. Джули — о поливной полихромной керамике — и ставит вопрос о времени регрессивных изменений в здешнем керамическом производстве¹³. Оба мнения, однако, предполагают существование профессионального гончарного производства в Джули задолго до XV в. и непрерывность этой традиции вплоть до наших дней.

Не менее сложен вопрос о гончарах Казанищ. Первые письменные сведения об этих селениях появились не ранее конца XV в., но самые ранние записки очевидцев уже обнаруживают здесь в довольно развитом виде ковроделие, металлообработку (Верхнее Казанище) и гончарное дело (Нижнее Казанище)¹⁴ — создается впечатление, что эти промыслы появились здесь как бы в готовом виде, миновав обычную стадию более-менее продолжительного становления. По этому поводу можно высказать предположение: причина может лежать во внешнеполитических обстоятельствах. В 1396 г. Тимур уничтожил довольно крупный средневековый город Аркас. По местным преданиям, уцелевшие жители либо бежали сразу, либо постепенно перебрались в Кадар и Казанище, а жизнь в Аркасе окончательно затухла около XVI в. Городское население естественно, принесло свои ремесленные навыки в новые места своего обитания (с этим хорошо согласуется эпитафия «медника» в Кадаре начала XV в.). Между тем в Нижнем Казанище существует целый квартал, называемый «Аркассский авал» — следовательно, беженцев могло быть не так уж мало. Археологический материал убедительно показывает довольно высокий уровень аркаской металлургии, металлообработки и гончарного дела; кстати отметим, что казанищенская керамика лишена каких-либо черт архаики¹⁵. Итак, аркаские беженцы вполне могли заложить основы гончарного дела в Казанище, которое, конечно, с самого начала (XV—начало XVI вв.) было высокопрофессиональным.

О гончарном промысле в сел. Бацада и Тинди публикаций, насколько нам известно, не существует. Производство керамики в Бацада прекратилось в начале XX в., но образчики её доньше можно встретить кое-где в андалалских селах — её отличает выработанность формы, ровный и сильный обжиг, красноватая или темно-бурая лощеная поверхность. О начале этого промысла в Бацада никаких сведений не выявлено.

В Тинди производство керамики прекратилось в первой половине нашего века. В последний его период в селении функционировали четыре обжигательные печи. Местные предания как будто указывают на сравнительно недавнее возникновение здесь этого промысла: якобы прежде потребности тиндинцев в гончарной посуде удовлетворялись добравшимися сюда торговцами-балхарцами, но в 1-й половине XIX в. Шамиль запретил последним ввоз посуды в имамат. Тогда несколько балхарских семей перебрались в Тинди и организовали там её производство. С окончанием войны они покинули Тинди, но их ученики (все

¹³ Декоративное искусство Дагестана, с. 60, 62.

¹⁴ Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961, с. 84, 94, 96.

¹⁵ См., например, коллекцию казанищенских поливных сосудов баночного типа в Историкоэтнографическом музее ДГУ.

мужчины) продолжили дело. К сожалению, проверить эту версию пока не представляется возможным, тем более, что в местных преданиях есть глухие указания на ещё более раннюю ступень здешнего гончарства, к которой относят единичные крупные тарные сосуды типа хумов¹⁶. Разумеется, столь недостаточная освещенность вопроса делает невозможным какие-либо выводы.

В сел. Эндери до самого недавнего времени производилась простая хозяйственная керамика. В XV—XVII вв., однако, дело могло обстоять иначе: есть некоторые основания связывать с Эндери один из самых интересных видов высокохудожественной керамики, встречаемой в Дагестане. Это блюда, диаметром до 0,5 м, сформованные из белой (светло-серой) глины, очень сильного обжига — их вполне можно считать фаянсом. Поверхность сплошь покрыта прозрачной глазурью, подкрашенной окисями меди и марганца (есть разновидность блюд меньшего диаметра, глазурь которых подкрашена только окисью марганца). Широкий отогнутый борт их сплошь орнаментирован стилизованными изображениями растений, животных, солярных розеток, гроздей, птиц, нанесенных штампом. Среди последних попадаются изображения двуглавого орла (частичные или полные), некоторые растения подобны оканту классических ордоров — это, разумеется, указывает на XVIII в. и позднее изготовление таких образцов. Зато солярные знаки, грозди, стилизованные кони в «сарматской» трактовке указывают на более раннее время. Техническим особенностям этих блюд имеются уверенные аналогии в ближневосточной керамике 2-ой половины XVI в.¹⁷ Примечательно, что блюда изготавливались именно как парадная, репрезентативная посуда, о чем свидетельствуют парные отверстия для подвешивания, продельваемые сразу после формовки в узком кольцевом поддоне некоторых блюд.

Основные места их обнаружения — нынешние Акушинский, Дахадаевский, Кайтагский, Гунибский, Хунзахский, Чародинский районы. В некоторых из них эта разновидность посуды имеет свое особое назначение — индирские блюда¹⁸.

Основываясь на этом, Е. М. Шиллинг предположил, что блюда изготавливались в Эндери¹⁹. Такое предположение неплохо согласуется с давним существованием этого селения, давними культурными традициями, торговыми связями и, с другой стороны, широкими связями с горным Дагестаном.

Э. В. Кильчевская предположила иное: близ кубинского Испи́ка ею был обнаружен домонгольский центр производства «бирюзовой»

¹⁶ *Абдулмуслимов М. И.* Народные промыслы тиндинцев Цумадинского района. дипломная работа.— Фонд библиотеки ДГУ; Махачкала, 1967, с. 49—54; см. также *Кильчевская Э. В., Исанов А. С.* Указ. соч., с. 31 (о запрещении Шамилем торговли бахарцев).

¹⁷ См. технологические детали этих блюд и фаянсов типа «Кубачи» и туркестанских — *Квэрфельд Э. К.* Указ. соч., с. 126—127, 135.

¹⁸ См.: *Смирнова Л. И.* К вопросу о керамических декоративных блюдах Дагестана.— В кн.: Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана: Сбор. Музея антропологии и этнографии. Л., 1978, т. 34.

¹⁹ *Шиллинг Е. М.* Изобразительное искусство народов горного Дагестана.— В кн.: Доклады и сообщения исторического факультета МГУ 1950, вып. 9, с. 73.

керамики типа полуфаянса (причем в изломе она красноглиняная). Опираясь на подъемный материал и музейные коллекции, исследовательница предложила схему постепенной эволюции этой керамики к рассматриваемой разновидности блюд. Оседание их во внутренних районах горного Дагестана она объяснила деятельностью перекупщиков и торговцев, преимущественно балхарцев, а их местное название — предполагаемой ролью Эндери как одного из пунктов сбыта на торговом пути из кубинской части Ширвана в указанные районы²⁰. Эта схема излагалась во многих публикациях исследовательницы, в силу чего рассматриваемая разновидность керамики нередко именовалась в различных изданиях испикской.

Сопоставив оба предположения, Л. И. Смирнова склонилась к точке зрения Е. М. Шиллинга²¹.

Мы также склонны считать её лучше обоснованной. В любом случае, однако, приходится признать факт изготовления во 2-ой половине XVII в. дагестанскими мастерами высокохудожественной, технически совершенной керамики, находившей сбыт преимущественно в горном Дагестане. Производство её, очевидно, продолжалось и в XVIII в. Вероятнее всего, оно прекратилось из-за конкуренции фабричной (мануфактурной) фаянсовой и фарфоровой посуды, начавшей проникать в Дагестан в период расширения его экономических связей с Россией и другими странами.

---

²⁰ Кильчевская Э. В., Ивинов А. С. Указ. соч., с. 29, 41—46.

²¹ Смирнова Л. И. Указ. соч., с. 122.

ТОРГОВЫЕ ПУТИ ДАГЕСТАНА В XVII—XVIII вв.

Торговые пути оказывали в средневековье огромное влияние на экономическую и политическую жизнь народов, способствуя укреплению межэтнических контактов в области материальной и духовной культуры

Особенно сильное влияние торговые пути оказывали на развитие экономических взаимоотношений между соседними народами, изучение которых всегда было в центре внимания советской исторической науки. Для исследования же межэтнических контактов в эпоху средневековья Дагестан представляет исключительно интересный регион, поскольку на его территории сосуществовали, сотрудничали и контактировали в разных сферах материальной и духовной деятельности около тридцати разных этнических групп и народностей.

Несомненно, их экономические взаимоотношения существенно зависели от торговых путей, их направлений, развитости, состояния и возможности их регулярного использования, наличия переправ, перевозов и мостов через реки, состояния транспортных средств и особенностей транспортировки грузов и товаров, безопасности торговых путей и дорог, наличия на них караван-сараяв и т. д.

В данной статье акцентируется внимание на характеристике лишь наиболее важных, внутридагестанских, имевших и международное значение торговых путей.

Торговые пути Дагестана эпохи средневековья не стали объектом специального исследования, хотя отдельные трассы или их части освещались в работах наших исследователей¹, ссылками на труды которых мы ограничиваемся из-за малого объема статьи. В целом же для освещения затронутого здесь вопроса привлечены труды путешественников, дипломатов, представителей царской администрации, посещавших Дагестан в XVII—XVIII вв. и оставивших описание своих маршрутов. Это труды Ф. Котова, А. Олеария, Я. Я. Стрейса, А. И. Лопухина,

¹ См.: Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957, т. I, с. 102. История Дагестана, М., 1968, т. I; *Кушева Е. П.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963, с. 41, 295—297; *Малачиханов Б. Ф.* вопросу о хазарском Семендере в Дагестане (Материалы по истории Нагорного Дагестана).— Уч. зап. Ин-та ист., яз. и лит-ры Дагфилфа АН СССР (Сер. истор.). Махачкала, 1965, т. 14, с. 185—186; *Гаджиева С. Ш.* Кумыки. М., 1961; *Хашаев Х.-М.* Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961; *Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.* Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964; Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967.; *Гаджиева С. Ш., Османов М.-З. О., Пашиева А. Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967; *Булатова А. Г.* Лакцы. Махачкала, 1971; *Алиев Б. Г.* Каба-Дарго в XVIII—XIX вв. Махачкала, 1972; *Умаханов М.-С. К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала, 1973.

И.-Г. Гербера, К. Ф. Гана, Е. Вейденбаума, Д. И. Тихонова, Ф. И. Гене, Ф. Ф. Симоновича, Хрисанфа, Р. Ф. Розена, П. Г. Буткова, А. И. Ахвердова, П. Ф. Колоколова, И. Ф. Блараберга, Д. Ф. Еропкина², Н. Дубровина, Н. Воронова.

Не все торговые пути или террасы средневекового Дагестана имели одинаковое значение. У одних из них было международное, у других — общедагестанское, у третьих — чисто локальное значение. Различным было и состояние этих путей. Отдельные из них, удобные в весенне-летнее время, зимой становились труднопроходимыми или вовсе перекрывались. Торговые пути предгорного и приморского Дагестана были пригодны для колесного транспорта — ароб, телег. В горах же дороги были узкие и удобные только для верховой езды и вьючной транспортировки грузов.

Для поддержания торгово-экономических связей между народами, населявшими плоскостную часть Дагестана, а также для общения народов Северного Кавказа и Дагестана издревле важное значение имела сухопутная трасса волжско-каспийского торгового пути, по которой в XVII в. шла интенсивная торговля между европейскими странами, Россией и странами Закавказья, с Ираном. Этим же путем пользовались русские и иранские дипломатические посольства в XVII/XVIII вв. Исползовалась эта трасса и в военных целях³.

Этот путь в исторической литературе нашел довольно полное описание, в частности в работе Е. Н. Кушевой⁴, в статье Р. С. Шихсаидовой⁵. Однако его лучшее и наиболее раннее описание мы находим у русского купца Федота Котова, посетившего Дагестан в 1623 г. по пути в Персию, как тогда называли Иран.

Ф. Котов писал, что «от Астрахани до Терка, и от Терка до Астрахани сухой путь есть же. Ходят степью в станицах, а от Терка до Быстрые реки день ходу на вьюках... А от Быстрой реки день ходу до реки Сунши, а через реку Суншу брод. От Сунши ходу день до Меньшого Аксая... От Меньшого Аксая до Большого Аксая полдни ходу. От Большого Аксая до Койсу реки ходу день или полтора... От Койсу день ходу до Тарков... От Тарков три дни ходу до Дербеня»⁶.

Ф. Котов осветил все подробности и трудности этого пути, все перевозки, броды и т. д. Он сообщал, в частности, что «через реку Суншу брод и перевоз стругами». Броды были также на реках Сунжа и Аксай. Серьезным водным препятствием на пути являлась река Койсу (Сулак), которую вброд нельзя было перейти («А Койса река широка, идет из

² Работы всех этих авторов, начиная с А. И. Лопухина, опубликованы в сборнике архивных документов и материалов «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.». М., 1958 (далее ИГЭД). Названия работ даны при ссылках на них.

³ В 1652 г. этим путем шли войска шаха Аббаса II, напавшие на царский Сунженский городок. Этим же путем в 1718 г. воспользовался посланник царя Петра I в Иран Андриан Лопухин.

⁴ Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 42, 295—297.

⁵ Шихсаидова Р. С. Из истории дагестано-азербайджанских торгово-экономических отношений в XVII веке. (См.: Взаимоотношения Дагестана с народами Кавказа. Махачкала, 1977).

⁶ Хождение купца Федота Котова в Персию. М.: Изд-во вост. лит., 1958 (далее — Ф. Котов, Хоженн...), с. 34, 70.

гор, и тут на устье реки перевоз в стругах и в пармах»). Далее, как указывал Котов, до Тарков «ход берегом возле моря и на телегах»⁷. От Тарков в Дербент через Буйнак, владения удмня кайтагского, шли «на выюках промеж гор и моря ровным местом»⁸.

Следует отметить, что эта сухопутная трасса торгового пути особенно оживленно функционировала в XVII веке, когда в Дагестане и вообще в западной части Прикаспия наблюдалась стабилизация политической обстановки и произошло заметное улучшение ирано-российских политических и торговых отношений⁹, в которых принимали активное участие феодалы Северного Кавказа и особенно Дагестана, как это установлено Е. Н. Кушевой¹⁰. Надо отметить, что этот путь использовался и дагестанскими торговыми людьми для доставки своих товаров с юга на север, в частности из Дербента в Тарки, Эндери и обратно. Частью этого пути пользовались и горцы внутренних районов Дагестана для доставки своих грузов в Дербент и обратно.

В XVII—XVIII вв. функционировала и морская трасса, которой обычно пользовались при благоприятной погоде на море и когда опасались нападений на берегу. Так, Котов отмечал, что из Астрахани «идти за море в Персию надо прямо на юг, придерживаясь вначале северного, а затем западного берега, где с правой стороны будут Терек, Тарки и Дербент»¹¹. Однако к самому городу Дербенту из-за опасного мелководья торговые суда не приставали¹², а была южнее Дербента пристань Низовая или Низабат¹³.

Рассматриваемый путь был пройден в 1637—1638 гг. и голыштинским посольством, в составе которого находился А. Олеарий¹⁴, также оставивший подробное описание этого пути. То же самое мы наблюдаем у Я. Стрейса¹⁵. По этому же пути из Дербента до Терского городка в 1718 году шел и посланец Петра I в Иран А. Лопухин, оставивший более подробное описание всех остановок и стоянок, речек и переправ на этом пути¹⁶. И.-Г. Гербер в 1728 г. тоже дал последовательное описание народов и мест, встречавшихся на этом пути при движении с севера (от Тарки) на юг (в частности до Дербента)¹⁷.

Это позволяет говорить, что прикаспийский торговый путь продолжал функционировать и в XVIII веке, хотя безопасность пользования

⁷ Там же, с. 34.

⁸ Там же, с. 34, 70.

⁹ Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 296—297; Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII в. Махачкала, 1973, с. 42. (Далее — Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения...).

¹⁰ Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 297.

¹¹ Котов Ф. Хожение..., с. 68.

¹² Бутков П. Г. Выдержки из «Проскта» отчета о персидской экспедиции в виде писем. 1796. ИГЭД, с. 202.

¹³ Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 296.

¹⁴ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Пер. А. М. Ловягина. СПб., 1906.

¹⁵ Стрейс Я. Я. Три путешествия. Союзгиз, 1935, с. 211—214, 218—223, 234—241.

¹⁶ Лопухин А. И. Журнал путешествия через Дагестан, 1718.—ИГЭД, с. 6, 30—31, 38.

¹⁷ Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. (Далее — Гербер И.-Г. Описание...).— ИГЭД, с. 60—87.

им не уменьшалась из-за грабежей торговых караванов, как это, в частности, случилось с караваном, с которым шел и А. Лопухин¹⁸. Поэтому караваны должны были идти под охраной провожатых от границы одного феодального владения до другого: от Дербента до уцмийства, оттуда до Буйнака, от которого обычно проводжали до Тарков, а от Тарков до Эндери, откуда уже шли до Терского городка, а позднее до крепости Святого Креста или до Кизляра. Однако за обеспечение безопасности иностранным купцам приходилось платить товарами феодальным правителям, взыскивавшим пошлину за провоз через свои владения «со вьюка по киндяку да по бязи лощеной» или «со вьюка по 3 киндяка»¹⁹. Для перевозки грузов из Дербента в Кизляр приходилось платить четыре—пять раз пошлинные сборы²⁰; нередко с караванами иностранцев по этому пути шли и дагестанские торговые люди.

Источники русского и иностранного происхождения сохранили и донесли до нас сведения о грабежах и нападениях на торговые караваны, шедшие по прикаспийскому пути. Дагестанцы же, занимавшиеся торговыми делами на этой трассе, имели кунаков, знали местные обычаи, родственные отношения феодальных правителей. Этим они умело пользовались для сохранения своих товаров и обеспечения безопасности. Однако не исключены были, видимо, эпизодические нападения и на дагестанские торговые караваны. Поэтому и дагестанцы, отправлявшиеся в группы или караваны и бывали готовы к случайным нападениям.

Издавна был известен и торговый путь общедагестанского значения, проходивший по внутреннему Дагестану с самого юга до степей Северного Кавказа. Этот путь первым из дагестановедов был освещен Б. Малачихановым. Трасса этого «чрезвычайно важного стратегического пути с юга на Северный Кавказ в обход Дербента и всей приморской узкой полосы»²¹ шла по долине реки Самур через Курах с выходом на Хосрех, оттуда на Кумух. Далее трасса продолжалась к Чоху, откуда она шла в Гидатль. От Гидатля мимо селений, расположенных на берегу Андийского Койсу, дорога вела в Чечню. Интересно отметить, что Б. Малачиханов показал и практические примеры использования разных отрезков этой трассы. Так, войска Надир-шаха по этой трассе в XVIII в. прошли до Кумуха и подошли к Чоху, а Чулак Сурхай от Надир-шаха бежал в Гидатль к Ибрагим-Хаджи урадинскому. В XIX веке Шамиль, спасаясь от преследования царских властей в Чечне, ушел к Гуниб-горе из Ведено по маршруту: Чечня—Ичичали—Карата—Асса—Гидатль—земли Куяда²². Все это свидетельствует о том, что не только горцы Дагестана, но и иноземные завоеватели (даже еще монголы) знали эту трассу — «великого пути народов через горы Дагестана» — и пользовались ею в разных целях. В XVIII в. только На-

¹⁸ Лопухин А. И. Журнал..., с. 34—35.

¹⁹ Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 297.

²⁰ История Дагестана, т. I, с. 316.

²¹ Малачиханов Б. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане...— Уч. записки ИИЯЛ. (Сер. истор. Махачкала, 1965, т. 14, с. 187.

²² Там же, с. 185—186.

дир-шах воспользовался этой трассой в своих захватнических целях, но, как известно, потерпел крах в горах Дагестана.

В XIX в. по нему из Азербайджана и Дербента в горные селения Дагестана верблюжьими караванами и на лошадях доставлялись нефть и другие товары. Следует отметить, что и в наше время еще участок этой трассы Кумух—Хосрек—Чирах—Рича—Тпиг и т. д. не потерял своего практического значения²³. В частности, используется он при перегоне овцеголовья колхозов, транспортировке товаров для животноводов и т. д.

Дагестан в XVII в. располагал и целым рядом других торговых путей. В исторической литературе отмечается, что «в XVII в. известными торговыми путями, связывающими равнинные и горные районы, были дороги, идущие от Тарки, через Таркалы, Кафыр-Кумух в Казикумух, а затем через Дультидагский перевал в Закаталы; из Казикумуха через Турчидагский перевал в Согратль, Чох, Гуниб и далее; из Чечни шла дорога в Гумбет, Аварию, Андалал, Гид и через перевал у истоков Аварского Кейсу в Грузию»²⁴.

Следует подчеркнуть, что дорога Терки—Тарки—Таркалы—Кафыр-кумух—Казикумух и далее в Грузию играла важную роль не только в торгово-экономических связях плоскостной и горной частей Дагестана, но и служила путем для поддержания дипломатических связей между Россией и Грузией²⁵. Это особенно заметно было в XVII веке, когда российско-грузинские связи стали довольно оживленными²⁶.

Дагестанские исследователи уделили много внимания освещению традиционных торговых путей, связывавших в прошлом народы Дагестана как между собой, так и с народами Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа. Целая сеть таких старинных дорог, связывавших горный Дагестан с Северным Кавказом и Закавказьем, отмечена в известном труде покойного профессора Х.-М. Хашаева. Это — дороги через Ахты, Нуху до Баку; через Кумух в Закаталы; через Бейта в Кахетию; через Анди в Харачой (Чечня), в Терскую область; через Чирката, Аргуни, Буртунай в Хасавюрт; через Гимры, Верхний и Нижний Каранай в Темир-Хан-Шуру; через Аракань в Дженгутай; через Левашы, Дженгутай в Темир-Хан-Шуру; через Левашы, Дешлагар, Каякент в Дербент; через Кумух, Хосрек, Касумкент в Дербент; через Уркарах, Маджалис в Дербент; Дербент—Ахты—Нуха; Ахты—Куба—Старая Шемаха—Баку²⁷ и т. д.

Б. Г. Алиев проследил дороги, соединявшие восточных даргинцев (Каба-Дарго) с соседними народами. Он отмечает, что колесные дороги соединяли Урахи и Мулебки, Урахи и Гамри, а из Гамри колесная

²³ Полевой материал, собранный в Кулинском и Агульском р-нах ДАССР.— Рук. фонд ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 555, л. 72 об., 78.

²⁴ Очерки истории Дагестана, т. I, с. 102.

²⁵ Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского глав. архива Мин. ин. дел С. А. Белокуровым. Вып. I. (1518—1613). М., 1889 (Далее — Белокуров С. А. Указ. соч.), с. 404.

²⁶ Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения..., с. 41.

²⁷ Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961, с. 110. (Далее — Хашаев Х.-М. Указ. соч.).

дорога шла через Утамыш и Башлы в Дербент и далее²⁸. После выхода этой дороги в приморский Дагестан восточные даргинцы имели возможность посещать и такой важный торговый центр как Тарки, где можно было приобрести не только местные товары, но и привозные из России²⁹. Дорога через Нижние Мулебки—Верхние Мулебки—Муги—Цудахар и Акуша—Кумух соединяла Каба-Дарго с Акуша-Дарго и с лакцами. Каба-Дарго имело выход к Кайтагскому ущелью по дороге через Мургук, а также через Бурдеки в Акушу³⁰.

Довольно подробно дороги или пути, связывавшие народы лезгинской группы как между собой, так и с соседними народами Дагестана и Азербайджана освещены в совместном труде Х.-Х. Рамазанова и А. Р. Шихсандова³¹. Они отмечают, что «цахурские, рутульские и агульские земли были связаны с лакскими и аварскими в основном через знаменитую трассу Самур—Кумух—Чох», которая шла через Рича, Чирах, Хосрех в Кумух. Они же отмечают, что Касумкент имел также связи с Лакией по дороге Касумкент—Цмур—Ичин—Ашага—Захит—Захитская гора—гора у селения Хоредж—Байбулак—Рича—Чирах—Хосрех³² и т. д.

Исследователи истории агулов отмечают, что со строительством моста через Чирах-чай у села Тпиг в 1612 году намного улучшился древний торговый путь — Рича—Тпиг—Хив—Касумкент—Дербент³³, игравший важную роль в хозяйственно-экономической жизни и агулов.

Довольно подробно освещены А. Г. Булатовой дороги, связывавшие лакцев с соседними народами, а также с плоскостной частью Дагестана.

С Южным Дагестаном лакцы были связаны главным образом указанным выше путем через Хосрех—Рича—Тпиг и т. д. По этой же трассе лакцы поддерживали связь и с Дербентом³⁴. Однако в Дербент из Лакии можно было проникнуть и другими путями. Один из путей в Дербент проходил из Кумуха к селению Хуна, от него через хребет к селению Уллучара, а далее по маршруту Тапты—Гапшима—Акуша—Великент—Дербент. Другой путь шел через Цовкра I в Дуакар, оттуда в Кубачи и через Уркарах, Маджалис и т. д. в Дербент. Из Лакии в Кубачи был путь и через Хосрех—Харбук³⁵.

Дорога, связывавшая Лакию с Закавказьем, на хребте после Кусура раздваивалась на две тропы: одна из них (более удобная) шла к селению Хулисма, а оттуда к Кумуху, а другая — тоже к Кумуху, но через селение Арчи, считалась труднопроходимой³⁶.

Согласно сведениям К. Ф. Гана и Е. Вейденбаума, «из Каха уже в 16-ом столетии вела вьючная тропа вверх по долине Кумуха через Главный хребет к истокам Ак-Самура и дальше по Кара-Самуру и че-

²⁸ Ашев Б. Г. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв., с. 82—83.

²⁹ Там же, с. 80—81.

³⁰ Там же, с. 83.

³¹ Рамазанов Х. Х., Шихсандов А. Р. Очерки..., с. 89—91.

³² Там же, с. 119.

³³ Агулы: Сб. статей. /Сост. Ахмедов Ш. М., Булатова А. Г., Исламгаюмов А. И. Махачкала, 1975, с. 64. (Далее — Агулы)

³⁴ Булатова А. Г. Лакцы, с. 76.

³⁵ Там же, с. 77.

³⁶ Там же, с. 76.

рез Чульты-даг в Кумух»³⁷. Эта дорога, по уточнению А. Г. Булатовой, проходила через Аракул—Хосрех—Шовкра³⁸. Связаны были лакцы и с аварцами дорогами, шедшими из Андалала и Акуша вверх по Койсу, из Андалала через Турчидаг или Бухты и Мукарк к Кумуху³⁹. Дороги, шедшие из Кумуха к аварцам, в конечном итоге оканчивались в Грузии, так что для взаимосвязей имелись потенциальные возможности для всех сторон. Один из таких путей из Кумуха шел через Дучи — пастбищную гору Палдуньял—Дусрах—Риш-ор—Кутихи—Цунар, а другой — по направлению Кумух—Чох—Салта—Гидатль—Ахвах—Цунта—через Бежтинский хребет в грузинское село Бажан⁴⁰. Эти пути создавали возможность самым отдаленным аварским селениям иметь связи с лакцами, с кумухским базаром⁴¹.

Основной недостаток этих дорог в том, что они были пригодны только для вьючных перевозок и действовали в целом в незимнее время.

Важную роль в экономических связях лакцев с даргинцами, аварцами и кумыками играла и дорога, шедшая из Кумуха через Цудахар—Хаджалмахи—Леваши и т. д. на плоскость. Видимо, она тоже оставалась и к концу XVIII в. только вьючной, ибо по сообщению Д. И. Тихонова, к «вольным цудахарцам... только с трудностью можно проехать верховой ездой», а «с повозками не было никакой возможности»⁴². Об этом позднее сообщал и Ф. И. Гене, назвавший дорогу между Кумухом и Цудахаром довольно неудобной⁴³.

Как видно из приведенных сведений, горная часть центрального Дагестана была связана с плоскостной частью широкой сетью разного направления и характера путей. Наличие дорог у тех или иных селений в XVIII веке документируется синхронными данными. Так, согласно «Реестру горским владельцам», составленному в 1732 г. Д. Ф. Еропкиным в бытность его в Дагестане, возле деревни Буйнак были «свободный проезд и большая дорога»; селения Губден, Карабудак, Хейли (Гелли), Атлы, Дургели⁴⁴, Дженгутай, Буглен, Верхнее Казанище, Нижние Эрпели, Верхние Эрпели, Кафыркумух, Капчугай, Эндери, Аксай располагали свободным проездом, к ним можно было проехать «верхом и телегами»⁴⁵. Такой же проезд был к Костеку, Чиркею, Какашуре⁴⁶. А к селу Кимра (Гимры) был «проезд трудной, телегами ездить никак нельзя», «верхами ехать несвободно ж точию пешему

³⁷ Гаян К. Ф. Путешествие в Кахетию и Дагестан (летом 1898 г.).— СМОПМК. Тифлис, 1902, вып. 31, отд. II, с. 61; Вейденбаум Е. Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888, с. 392.

³⁸ Булатова А. Г. Лакцы, с. 76.

³⁹ Казикумухские и кюринские ханы.— ССКГ, вып. II, с. 4.

⁴⁰ Булатова А. Г. Лакцы, с. 77.

⁴¹ Матерьяльная культура аварцев. Махачкала, 1967, с. 85.

⁴² Тихонов Д. И. Описание северного Дагестана. 1796 г.— ИГЭД, с. 131. (Далее — Тихонов Д. И. Описание...).

⁴³ Гене Ф. И. Сведения о горном Дагестане. 1835/1836 гг.— ИГЭД, с. 349.

⁴⁴ Еропкин Д. Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г.— ИГЭД, с. 121. (Далее Д. Ф. Еропкин. Реестр...).

⁴⁵ Там же, с. 122.

⁴⁶ Там же, с. 122—124.

в один человек, а лошадь за собою вести». Таким же в то время был и путь к Унцукулю⁴⁷.

Интересно отметить, что Ф.Ф. Симонович в 1796 г. составил подробное описание дорог в Южном Дагестане. Большой интерес представляет описанная им впервые объездная дорога с севера, через Табасаран, на южную сторону Дербента, которой воспользовались в 1796 г. царские войска во главе с генерал-поручиком Булгаковым, чтобы обложить Дербент с южной стороны⁴⁸. Ф. Ф. Симонович писал, что «из северного в южный Дагестан, минуя Дербент, идет большая дорога мимо Иран Хараб, по долине Меньшего Дарбаха, на Майдан Булак, чрез деревню Дарбах и, переходя Дербентскую стену и крутизну Табасаранского хребта по долине Дермержлер, которая переменялась у деревни Маграга в страшной глубокой дефиле теснистыми, каменистыми проходами до урочища Девичу Магатан»⁴⁹. Далее дорога шла уже в двух направлениях. Одно из них вело к большой дороге «Ельчи юл» на Дербент, а другое — от Майдан Булака вверх по долине Меньшего Дарбаха, через деревню Зыл, Дербентскую стену и Табасаранский хребет, через Пенчи, урочище Кадучи, мимо деревни Масраги к урочищу Девичу Магатан и далее⁵⁰. Ф. Ф. Симонович отмечал также, что из Дербента шла дорога и в Ахты через Ханчал, Калипа, Койсун, мимо Гишяр, по долине Самура вверх. Им же описаны дороги из Ахты в Кубу, из Ахты в Элису (Илису)⁵¹ и т. д.

Как видно из приведенного материала, в южной и центральной частях Дагестана торговые пути пересекались в самых различных направлениях, густой сетью охватывали все большие и малые селения, соединяя их в нечто единое целое.

Частично уже указывались здесь торговые пути, связывавшие и аварцев с другими народами Среднего и Южного Дагестана. В смысле путей, связывавших аварцев с северными кумыками, большой интерес представляет маршрут, описанный Хрисанфом в 1828 г., который функционировал, вероятно, и в XVII—XVIII вв.⁵² Он прошел с сопровождающими его лицами из Эндери через салатавские селения Хубар, Кертмели (Гертма) в Чиркей⁵³, откуда через Тзубут (Зубутли) «отправлялись вверх по речке Койсу в город Джиркат» (Чирката)⁵⁴, по выезде из которого каменистая дорога оказалась трудной для лошадей, а последовавшие затем спуски к долине Койсу пугали даже самих путешественников⁵⁵. Затем они прибыли в деревню Бетлитель⁵⁶, откуда через деревню Цартаных приехали в главный город Хумзах» (Хунзах)⁵⁷.

⁴⁷ Там же, с. 123.

⁴⁸ *Симонович Ф. Ш.* Описание Южного Дагестана. 1796 г.— ИГЭД, с. 154; *Он же.* Описание Табасарана, 1796 г.— ИГЭД, с. 198.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же, с. 154—155, 198.

⁵¹ Там же, с. 155.

⁵² *Хрисанф.* Сведения об Аварском ханстве. 1828 г.— ИГЭД, с. 265—270.

⁵³ Там же, с. 265.

⁵⁴ Там же, с. 266.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, с. 267.

⁵⁷ Там же.

Акушу..., в Акуша через Хаджал-Махи вверх по р. Койсу до села Лебаша; в Казикумух по берегу р. Койсу⁶⁷.

Приведенные сведения не претендуют на полноту, ибо дорог в Дагестане, имея в виду как колесные, верховые, так и пешие тропы, было довольно много. Поэтому трудно согласиться с И.-Г. Гербером, писавшим, что в горах «все уезды между собою коммуникацию не имеют»⁶⁸. В частности это говорилось о высокогорье. Такое утверждение И.-Г. Гербера можно объяснить просто тем, что он не был в этой части Дагестана.

Дагестанские селения были связаны очень разветвленной сетью тропинок и верховых дорог, имевших и чисто местное, локальное значение. О них здесь речь не идет, поскольку задача данной статьи — осветить пути, по которым поддерживались торгово-экономические межэтнические контакты. Но и приведенные данные свидетельствуют о том, что ни один народ Дагестана не жил изолированно от внешнего мира, а имел связи, хотя бы с одним соседним народом. Например, можно указать на то, что дорога из Цахура в Закаталы была единственной, по которой цахуры могли завозить к себе хлеб, а недостаток в нем они постоянно ощущали.

Что касается характера дорог, их пропускной способности, пригодности для колесного транспорта или вьючных перевозок, то можно полагать, что они в определенной мере соответствовали уровню развития производительных сил, удовлетворяли, хотя может быть и не в полной мере, потребности перевозок. Многие грузы того времени можно было перевозить в принципе вьючным способом: на лошадях, ослах и т. д. Видимо, здесь нет необходимости доказывать, что дороги в предгорной и плоскостной частях Дагестана были значительно лучше (шире, пригодны для проезда колесного транспорта), чем в высокогорной части Дагестана, где в основном преобладали тропинки, которые были проходимы в весенне-летний период и то для вьючных животных, а зимой из-за снежных заносов и обвалов нередко закрывались. Важную роль для нормального использования торговых путей играло наличие мостов; поскольку многочисленные горные реки, даже небольшие, из-за бурного течения труднопроходимы, через них во многих местах приходилось строить мосты. Они были самых разных размеров (каменные и деревянные, одноарочные и многоарочные), в зависимости от важности торгового пути и ширины рек, через которые они прокладывались.

В случае опасности нападения жители отдельных селений сами разбирали мосты, чтобы к ним невозможно было пробраться неприятелям. Так, по сообщению И.-Г. Гербера поступали жители сел. Бедюх (Бедуха)⁶⁹.

Особенно важное значение имело состояние мостов через такие реки, как Самур, Койсу, которые без мостов по существу были непро-

⁶⁷ Там же, с. 296; см. также: *Гене Ф. И.* Сведения о горном Дагестане. 1835/1836 гг.— ИГЭД, с. 349; см. об этих сведениях: *Бларамберг И. Д.* Описание земель...; Рук фонд ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 296, л. 255—256.

⁶⁸ *Гербер И.-Г.* Описание..., ИГЭД, с. 112.

⁶⁹ *Гербер И.-Г.* Описание..., с. 80.

ходимы. Д. Ф. Еропкин сообщал в 1732 г. о мостах через р. Койсу у села Чиркей⁷⁰. Нельзя сказать, что все мосты в Дагестане были построены в XVII—XVIII вв., строили их и в предыдущий период. Но основные мосты построены в XVII—XVIII вв., о чем свидетельствует ряд арабоязычных надписей на камнях, вмонтированных в мостовую кладку. Так, А. Р. Шихсаидовым опубликована надпись, в которой говорится о строительстве моста через реку Чирах-чай, построенном в 1612 г. на дороге между Тпигом и селением Рича⁷¹. Интересно отметить, что в Терском городке, возникшем в конце XVI в. и лежавшем на сухопутном отрезке волжско-каспийского торгового пути, имелся деревянный мост через реку Тюменку. Об этом свидетельствует гравюра из книги упомянутого выше А. Олеария, где на переднем плане изображен этот мост⁷².

Имеется довольно много сведений конца XVIII и начала XIX вв. о наличии мостов через реки в Дагестане. Если говорить о дороге по приморскому Дагестану, то при ее переходе через реку Манас имелся «исправный мост шириной в 6 сажен, называемый Аджикурен»⁷³. Мост имелся на трассе Дербент—Кизляр и через реки Большой и Малый Буам⁷⁴ у их впадения в море. Следует отметить, что на этой трассе серьезным препятствием⁷⁵ становилась река Самур в период таяния снегов (с апреля)⁷⁶. У деревни Уруджбы Самур делился на два рукава — Улу—Самур и Куру—Самур. Первый из них при глубине в два аршина разливался до 500 саженей вширь, а второй имел глубину до 3 и ширину до 40 саженей⁷⁷. Не случайно царские войска в июне 1796 г., во время их похода в Баку, потратили три дня на преодоление Самура. Для переправы они вынуждены были перекинуть цепи⁷⁸, но несмотря на это, в реке погибло много людей, в частности калмыков, очевидцем чего был упомянутый выше А. И. Ахвердов⁷⁹. Крепкий мост через Самур был построен и у селения Ахты⁸⁰. Трехарочный мост имелся на реке Рубас⁸¹.

Много было в XVII—XVIII вв. мостов через четыре Койсу, (Казикумухское, Андийское, Аварское и Кара-Койсу), которые, сливаясь, образуют реку Сулак. На Казикумухском Койсу известен был каменный мост у Кумуха. На том же Койсу имелись «еще замечательные, с давнего времени построенные два каменные моста». Один из них был в двух верстах ниже селения Цудахар на пяти арках, а другой —

⁷⁰ Еропкин Д. Ф. Реестр..., с. 124.

⁷¹ Рамизанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана, с. 91.

⁷² Олеарий А. Указ. соч., с. 424.

⁷³ Тихонов Д. И. Описание..., с. 127.

⁷⁴ Там же, с. 128.

⁷⁵ Гене Ф. И. Сведения о горном Дагестане..., с. 342.

⁷⁶ Симонович Ф. Ф. Описание..., с. 141.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб, 1886, т. 3, с. 130. (Далес — Н. Дубровин. История...).

⁷⁹ Ахвердов А. И. Описание Дагестана. 1804 г.— ИГЭД, с. 220.

⁸⁰ Гене Ф. И. Сведения..., с. 343; см. также: Колоколов П. Ф. Описание Табасарана, 1831 г.— ИГЭД, с. 317.

⁸¹ Симонович Ф. Ф. Описание..., с. 141.

у села Хаджалмахи на одной арке⁸². Видимо, следует напомнить здесь и о мосте через Койсу у выхода её из Лакии к даргинцам, (между Кумухом и Цудахаром), без которого там переход практически невозможен. На этом же Койсу у «селения Шаукралю» имелся «прочный мост из тесаного камня на одной арке, удобный для следования колесных тяжестей». На пути от этого селения до Гергебиля был целый ряд деревянных мостов, от 4 до 6 саженьей длиной, перекинутых жителями близлежащих деревень через Койсу⁸⁴.

Через Андийское Койсу имелся мост у селения Ботлих, благодаря которому ботлихцы общались с калалским союзом обществ⁸⁵. Были мосты у Чиркея⁸⁶ и Чирката⁸⁷. Известны мосты и более местного значения.

В целом же мосты способствовали регулярному функционированию торговых путей. Для функционирования торговых путей важное значение имели перевозки и переправы через крупные реки. Такая служба была в XVII—XVIII вв. на реке Койсу.

Особенное внимание в этой связи заслуживает сообщение русского купца Ф. Котова (1623 г.) о том, что «Койсу — широкая река, вытекает из гор: в устье реки есть перевоз на стругах и паромах; перевозят кумыки или те, кто едет; струги и паромы стоят здесь во всякое время»⁸⁸.

Большой интерес представляет и сообщение А. Олеария: «Едва дошли мы до реки, как татары в нескольких лодках поспешили к нам и предложили перевезти нас на другую сторону. Они сплели две палатки из ветвей, подвязали под каждую из них две лодки, и приготовили таким образом два плота, так что на каждом могла стоять телега»⁸⁹. Об этом же перевозе почти через 90 лет писал А. Лопухин — «переезжали» реку Сулак «от моря верстах в двух в лодках», а лошадей и слона, которого вели в подарок от шаха царю, пустили в плавь»⁹⁰.

Говоря о транспортных средствах, нужно сказать, что XVII—XVIII вв. были временем господства гужевого транспорта: тогда наряду с вьючными перевозками имели место и перевозки на арбах, телегах или подводах, в которые впрягали, как правило, волов, иногда и лошадей, о чем можно судить по сообщениям А. Олеария⁹¹. Лошади, верблюды, ишаки или ослы (особенно в высокогорной зоне) использовались в целом только для вьючных перевозок. Колесный транспорт был распространен шире на кумыкской плоскости, и Нижнем Кайтаге, а также в предгорной зоне.

---

82 *Гене Ф. И.* Сведения..., с. 340, 349.

83 Там же, с. 349.

84 Там же, с. 340.

85 *Розен Р. Ф.* Описание..., с. 290.

86 *Хрисанф.* Сведения об Аварском ханстве. 1828 г.—ИГЭД, с. 265.

87 Там же, с. 266.

88 *Котов Ф.* Хождение..., с. 34, 70.

89 *Олеарий А.* Указ. соч., с. 509.

90 *Лопухин А.* Журнал..., с. 58.

91 *Олеарий А.* Указ. соч., с. 508.

В частности, по сообщению Ф. Котова (1623), от реки Койсу «день пути до Тарков, колесный путь» шел по берегу моря⁹².

А. Олеарий сообщал, что в Тарки они свой «багаж везли на телегах, запряженных волами и лошадьми от тарковцев», и в Тарках им «даруга доставил подводы для багажа»⁹³. Однако и приморская сухопутная дорога была очень тяжела для транспортировки грузов через весь Дагестан с севера на юг или наоборот. По сообщению Н. Дубровина, от Кизляра до Дербента провиантский транспорт находился в пути месяц и четыре дня; а из 300 волов, впряженных в телеги и подводы, до Дербента дошло только 30 здоровых, а 68 пало⁹⁴. Здесь надо сказать, что это был военный транспорт, караваны же до Дербента от северных границ Дагестана доходили в среднем за 10 дней.

Часть товаров из Южного Дагестана (Дербента) в Северный (в Тарки) и наоборот провозилась также морским путем: на лодках, стругах, бусах и полубусах, как тогда называли торговые суда, обслуживавших морскую трассу Астрахань—Терки—Дербент⁹⁵. По сообщению А. Лопухина, у Тарков имелась «пристань к берегам с моря нужная», куда приставали «суды тутошних торговых жителей»⁹⁶.

Говорить о большом развитии морской торговли и использовании морского пути и транспорта для внутридагестанской торговли в XVII—XVIII вв. не позволяет скудость сведений по этому вопросу. Однако можно утверждать, что основная торговля в Дагестане в XVII—XVIII вв. осуществлялась сухопутными дорогами.

Имеющиеся сведения позволяют говорить, что в XVII—XVIII вв. в Дагестане существовала своего рода дорожная служба. Основная ее цель заключалась не только в том, чтобы следить за состоянием дорог, но и в обеспечении безопасности торговых караванов и взыскании с них пошлин, значительно пополнявших казну феодальных правителей, через владения которых проходили торговые пути. Особенно в выгодном положении в этом плане находились феодальные владения, через которые проходила сухопутная трасса волжско-каспийского торгового пути. Как отмечено в исторической литературе, при провозе товаров из Дербента до Терского городка по «дагестанской дороге» приходилось минимум пять раз платить пошлины⁹⁷.

Следует отметить, что армянские и еврейские купцы, посредничавшие в торговле в XVIII веке, в горные районы Дагестана отправлялись с проводниками, которым платили за это «много денег»⁹⁸. В связи с этим представляет интерес письмо Умма-хана Аварского к Андалальскому обществу, в котором он выражал недовольство этому обществу по поводу ограбления на его территории купцов-евреев и требовал

⁹² Котов Ф. Хождение..., с. 37.

⁹³ Олеарий А. Указ. соч., с. 504, 508.

⁹⁴ Дубровин Н. Указ. соч., т. 3, с. 185.

⁹⁵ Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения..., с. 99.

⁹⁶ Лопухин А. Журнал..., с. 57.

⁹⁷ История Дагестана, т. 1, с. 316; Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 303; Гаджиева С. Ш. Кумыки, с. 104; Тихонов Д. И. Описание..., с. 135.

⁹⁸ Тихонов Д. И. Описание..., с. 134.

полного возмещения ущерба, причиненного его «гостям — евреям». Торговый оборот этих купцов, видимо, был довольно высоким, если учесть, что им было «имущества возвращено на 250 руб., меньше, чем было ограблено»⁹⁹. Такие эксцессы явно мешали развитию торговли, тормозили её. Тем не менее торговля продолжалась и, видимо, была прибыльной, если окупала и расходы на обеспечение безопасности в пути, на пошлины феодальным правителям, которые поэтому были заинтересованы в развитии торговли, уделяли ей большое внимание. Не случайно М. М. Ковалевский писал о функциях власти уцмиев, что «иноземные государи... возлагали на них заботу об обеспечении свободы торговых путей и искоренении грабительства и разбоев»¹⁰⁰. По существу эти же вопросы стояли и перед другими феодальными правителями Дагестана.

Относительно состояния дорог и дорожного строительства, можно говорить, что в XVII—XVIII вв., как и ранее, шло строительство дорог и переправ, улучшались тропинки, создавались проезды для арб и телег и т. д. Все тяготы со строительством дорог, мостов и переправ тяжелым бременем ложились на плечи дагестанского крестьянства, сельских обществ. Хорошо об этом говорится в упоминавшемся уже труде Х.-М. Хашаева. Он писал, что «горцы уделяли большое внимание дорожному строительству. Забота о дорогах была обязанностью сельской общины, ремонт дорог или устройство новых дорог начинали по решению джамаата. Для проведения дорог по крутым склонам гор требовалось много сил и средств», так как «приходилось делать подпорные стены, сооружать мосты через узкие и крутые ущелья, а для подъема в гору устраивать лестницы из каменных плит. Следы старых дорог остались на многих скатах и утесах, напоминая о титанической работе наших предков, которые, борясь с суровой природой, прокладывали дороги для выхода на широкие просторы плоскостного Дагестана, Северного Кавказа и Закавказья»¹⁰¹.

По существу все это можно отнести и к XVII—XVIII вв. Только хотелось бы отметить, что отсутствие проезжих дорог ко многим населенным пунктам Дагестана в XVII—XVIII вв. являлось следствием не только горного ландшафта, но и влияния оборонительного фактора на расположение аула: чем недоступнее было расположение аула, тем больше у него гарантий избежать нападения извне. Поскольку во второй половине XVIII в. политическая обстановка в Дагестане несколько стабилизировалась, можно полагать, что в это время торговые связи между народами Дагестана активизировались, что повысило и внимание к состоянию дорог.

Н. И. Воронов писал в 1870 г., что «нужно выделить дагестанские пути сообщения, нужно всмотреться во все естественные преграды, положенные здесь природою для разобщения людей, и, однако, люди общаются здесь не в пример легче, чем, например, живущие в наших

⁹⁹ Хашаев Х.-М. Указ. соч., с. 114—115.

¹⁰⁰ Ковалевский М. М. Дагестанская «народная правда». (См.: Рук. фонд ИИЯЛ, ф. 5, оп. 1, д. 20, л. 7).

¹⁰¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч., с. 110.

равнинных или степных деревнях русские поселяне, не нуждающиеся даже и в дорогах, потому что поле и дорога равно проходимы»¹⁰². Видимо, не праздное любопытство, а суровая необходимость решения жизненно важной хозяйственно-экономической задачи по обеспечению семей зерном и другими товарами заставляла горцев преодолевать все трудности и препятствия на торговых путях.

В целом же Дагестан в XVII—XVIII вв. располагал довольно развитой системой торговых путей, экономически связывавших его народы в единое целое.

---

¹⁰² *Воронов Н.* Из путешествия по Дагестану.— ССКГ, 1870, вып. 3, с. 19.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия.
ГМЭ — Государственный музей этнографии народов СССР.
ДАЭ — Дагестанская археологическая экспедиция.
ИА — Институт археологии АН СССР.
ИГЭД — История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.
Изв. СКНЦВШ — Известия Северокавказского научного центра высшей школы.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МКА — Материальная культура Азербайджана.
МАД — Материалы по археологии Дагестана.
МАК — Материалы по археологии Кавказа.
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
СА — Советская археология.
ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах.
САИ — Свод археологических источников.
СКАЭ — Северокавказская археологическая экспедиция.
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южнотуркестанской археологической комплексной экспедиции.
Тр. ХАЭ — Труды Хорезмской археологической экспедиции.
Тр. КИЧП — Труды комиссии по изучению четвертичного периода.
Тр. ИИЕТ — Труды института истории, естествознания и техники.
Тр. ИИА — Труды Института истории и археологии АН Уз. ССР.
ЭК — Этнография Кавказа.
ЮТАКЭ — Южнотуркестанская археологическая комплексная экспедиция.

СОДЕРЖАНИЕ

К изучению древних производств в Дагестане (предисловие)	3
М. Г. Гаджиев, С. Н. Корневский. Металл великентской катакобы	7
В. М. Котович. К вопросу о древних разработках сидеритовых руд в Дагестане	28
В. В. Кривицкий. Костяная булавка с зоморфным наверхием из Берикейского погребения	43
М. С. Гаджиев. Столовая керамика Южного Дагестана рубежа албанского и раннесредневекового времени	47
Л. Б. Гмыря. Из истории ремесленного производства в ранне-средневековом Дагестане. (По материалам раскопок Агачкалинского поселения)	73
А. А. Кудрявцев. Металлообрабатывающее производство средневекового Дербента	91
Г. Г. Гамзатов. Неполивная керамика Дербента XIII—XVI вв.	118
А. Р. Магомедов. Керамическое производство в средневековом Дагестане (XV—XVIII вв.)	141
М.-С. К. Умаханов. Торговые пути в средневековом Дагестане	148

instituteofhistory.ru

Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане

Сборник статей

Редактор *З. А. Колмакова*
Технический редактор *Е. А. Жукова*
Художник *Т. У. Гапуров*

Сдано в набор 16.04.84. Подписано в печать 25.06.84. С01653.
Формат 70×90^{1/16}. Бум. типогр. № 2. Литературная гарнитура. Печать высокая. Усл. п. л. 11,99. Уч.-изд. л. 11,95. Тираж 300 экз. Заказ № 300. Цена 60 коп.

Типография Дагестанского филиала АН СССР,
г. Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10.

Цена 60 коп.